

A woman with long brown hair is looking through a magnifying glass. The background is a vibrant blue space scene with stars and nebulae. The title 'Lab Rat One' is written in a large, white, serif font across the bottom half of the image.

Lab Rat One

Touchstone: Part 2
Andrea K Höst

Что только не свалилось на Кассандру Девлин с момента ее попадания на другую планету: от необходимости мастерить одеяло до борьбы с воспоминаниями о монстрах в компании местных экстрасенсов. Выяснив, что домой ей не вернуться, Касс находит друзей и цель в жизни. Увы, эта цель подразумевает, что теперь она стала крайне ценной, а те самые друзья оказываются стражами, которым поручено управлять способностями Касс и выяснить, как далеко простирается сила Пробного камня. Совсем не о карьере подопытной крысы она мечтала. Лишенная личной жизни, страдающая от слишком частых травм и болезненного осознания, что для своих соратников-сетари она всегда будет лишь заданием, Кассандра грезит о хотя бы подобии нормального существования и контроля. Но теперь, когда ее способности становятся все более и более опасными, возможно, только тесты и тренировки помогут Касс спастись от самой себя.

Андреа К. Хёст

Подопытная

Переводчик: **KattyK, Нюрочек, Peony Rose, Marigold, Lorik, Trinity**

Редактор: **gloomy glory, Talita**

Оформитель: **LiLinochka**

Первое апреля, День дурака. Очень подходит идиотке, которая отказалась от шанса вернуться домой на Землю, потому что ей приспичило поиграть в героиню. К счастью, пока все мое геройство сводится к «стой, где поставили, и будь готова, что в любой момент тебя куда-нибудь попрут те, чья работа заключается в спасении планеты, галактики или части вселенной, коей предположительно грозит опасность». А еще я согласилась на очередные лабкрисные исследования, надеясь выяснить, что значит «пробный камень».

Вчера очень скучала по дневнику. И даже подумывала перейти на электронную версию, но для этого пришлось бы использовать тарианский алфавит, а сейчас, когда я решила остаться, для меня особенно важна возможность вести записи на английском, чтобы больше никто не мог понять. Новый дневник из плотной бело-коричневой бумаги и с изображением бесконечного колышущегося луга на обложке доставлен с самого Колара.

Начиная с чистого листа — буквально, — я хотела провести эдакий новогодний анализ пережитого за последние месяцы, но в итоге пришла к единственному выводу: я ничего не в силах изменить. Я не могу отказаться от второго уровня мониторинга, по мановению волшебной палочки перестать получать травмы и спасти вселенную или сотворить еще что-нибудь, что совершенно не в моей власти. Но могу хотя бы попытаться:

- усерднее трудиться на тренировках;
- найти способ стать Касс, а не Касзандрой;
- помнить, что даже котята бывают злыми.

Кое-что из этого, вероятно, займет немало времени, но надо же с чего-то начинать.

После встречи с нурийцем я написала Маре, спросила, отправить ли ее платье в стирку, но она предложила занести его ей утром, а потом вместе прогуляться в город. Я обрадовалась, ведь ожидала, что мою охрану усилят, а не ослабят. Конечно, от приглашения пахивало «психологическими аспектами», но я, наверное, совсем свихнусь, если не научусь воспринимать все проще и буду без конца переживать, действительно ли нравлюсь сетари или им просто приказано меня развлекать.

Пора уже признать, что истина где-то посередине, и жить дальше. Это явно поможет мне смириться с решением остаться на Таре.

К тому же мне очень хотелось поглядеть на квартиру Мары. Она оказалась похожа на мою, но более захлавленная и обжитая. Мне понравилось, как оформлено публичное пространство: стены напоминают полупрозрачные занавески, колышущиеся, словно под порывами ветерка. Неожиданно для мира, где почти никто не желает иметь окон.

— Лон собирается, — сообщила Мара, когда я передала ей сумку и платье. — Мейз так красочно описывал выражения твоего лица, когда он вручил тебе наряд — я даже пожалела, что сама этого не видела.

— Просто не поняла, что он хочет, чтобы я делала с нуриец, — призналась я.

— Мы достанем тебе одежду без злосчастных рисунков и надписей. Садись.

Мара понесла платье в спальню, а я села, с интересом оглядываясь, когда дверь ванной внезапно распахнулась, и оттуда вышел Лон.

— Мар, я не оставлял...

Он осекся, мы пару секунд попялились друг на друга (хотя по ощущениям прошла целая вечность), а потом он развернулся и скрылся в спальне, оставив меня восхищаться красотой

и спортивной формой сетари. У Лона потрясающее тело, а еще с ним весело и легко. Разумеется, они с Марой пара, и я никогда особо не думала о нем как о привлекательном мужчине, но теперь просто не могла удержаться.

Через минуту Мара и сильно покрасневший — и на сей раз одетый — Лон вышли из комнаты.

— Прости, — извинился он.

— Теперь ты не дразнить меня насчет платья, — сказала я, пытаюсь не рассмеяться и не показать, что размышляю о привлекательных мужчинах.

Осознав, что я не стану вести себя как двенадцатилетка, увидевшая классного голого парня, Мара улыбнулась:

— Подозреваю, он все равно не сможет устоять. Все утро придумывал для тебя глупые вопросы.

— Значит, будет очень разочарован.

Но я знала, что Лон в любом случае задаст свои вопросы. Я не возражаю против его поддразниваний, они совсем не злые.

— А нам можно в город? Боялась, что опять запретят.

— Пока что вне основных территорий сетари тебя должны сопровождать как минимум двое, один из которых владеет боевым видением, — объяснила Мара, когда мы вышли в коридор. — Если всерьез предположить, что нурийцы хотят тебя убить, то с нами тебе намного безопаснее, чем в одиночестве в своей квартире. К счастью, ты уже была в изолированной комнате, но нам не известен истинный размах нурийских способностей. Вдруг они способны найти тебя даже в изоляции.

— Мейз не почувствовал угрозы от твоего нурийца, — добавил Лон. — Но назвал его «сверхмощным», иными словами, Мейз не смог бы с ним справиться. И все же то, что они решат избавиться от тебя, а не спасти, лишь предположение. Во-первых, это не соответствует нурийским принципам, пусть мы и мало о них знаем. Во-вторых, если твой талант на самом деле настолько редкий, вряд ли они откажутся от спасательной миссии.

Вдруг подумалось, а отправятся ли сетари меня выручать в случае чего, но вслух я спрашивать не стала, только понадеялась, что до этого не дойдет. Как-то совсем не хочется играть роль Елены в Троянской войне вселенского разлива.

Прогулка удалась на славу. Мы сходили на матч по тайро, пообедали, прошвырнулись по магазинам, посетили некоторые наиболее живописные уголки города, в том числе чудесный цветочный сад, и какое-то время понаблюдали за изумительной игрой, где участникам нужно было перейти с одного конца комнаты в другой по платформам, постояннодвигающимся во всех направлениях. Если кто-то промахивался — левитационное поле замедляло падение. Игра меня весьма впечатлила, хоть я и провожу круглые сутки с летающими космическими ниндзя.

Я наслаждалась каждой секундой этого дня. Лон и Мара прекрасная пара и относятся ко мне как к младшей сестре. Легко забыть, что их просто назначили сегодня моими няньками.

Я много думала о своем решении остаться. О том, насколько быстро отказалась сбежать с нурийцем. Это ведь был не просто приступ героического самопожертвования. В смысле... я тут частенько ною и никогда не перестаю скучать по семье, живой музыке, книгам и всему остальному, что так люблю и чего здесь нет. Однако теперь я куда лучше говорю на местном языке и прекрасно провожу время, даже когда первый отряд не развлекает меня на все лады. После такого, вернись я домой и поступи в унылый университет — помру со скуки.

Похоже, я заразилась от мамы неистребимой потребностью узнать, что же будет дальше. Ну и если серьезно: путешествия по разным мирам, изучение потерянных инопланетных цивилизаций, работа с космическими ниндзя-экстрасенсами — монотонная серая жизнь мне точно не грозит. Я хочу помочь сетари победить. Исправить ошибки прошлого, остановить монстров, уничтожающих людей. И поиграть в еще более захватывающие игры и увидеть другие планеты. Видимо, несмотря на стресс, иногда накалывающее одиночество и неуверенность в будущем, я здесь счастлива.

В общем, когда Зен присоединилась ко мне в бассейне, я была в благодушном настроении и лишь мельком подумала, не ее ли очередь «нянчиться с Девлин». Она выглядела усталой и не такой донельзя серьезной, как обычно. Зен явно не терпелось услышать о нурийце, потому что она несколько раз ненавязчиво его упомянула, но напрямую ни о чем не спрашивала. Без понятия, насколько эта информация секретна, но раз уж Зен одна из моих капитанов, ей точно не лишне знать подробности той встречи.

После мы пообедали, я рассказала ей о Дне дурака и смешных, по моему мнению, розыгрышах, а также о радиопостановке «Войны миров», когда слушатели поверили, будто на Землю напали марсиане.

Затем мы посмотрели наше обновленное расписание на следующий месяц. Меня отправляют обратно на Муину вместе с двенадцатым, четвертым и первым отрядами.

На мой вопрос Зен ответила, что даже не представляет, чего ждать от этой вылазки: Муина едва ли не миф, и Зен сомневается, что достойна возможности туда попасть, прикоснуться к прошлому, которое так важно для ее настоящего. Настолько откровенной она со мной еще не была. Доверие, конечно, радуется, но я теперь очень за нее беспокоюсь.

Двенадцатому отряду поручено охранять Пандору — весьма тоскливое занятие, — а вот первый и четвертый вместе с небольшой группой серых костюмов отправятся исследовать самый большой из крупных городов. Это куда опаснее, чем сторожить поселение, поскольку в местах без узоров на крышах ддора появляется не так часто. И меня присоединили к четвертому отряду, так что Рууэлом налюбуюсь вволю. Правда не знаю, хорошо это или плохо. А Зен сможет чуток попялиться на Мейза, хе.

Кстати, правильно произносит мое имя по-прежнему только она. Я, конечно, никогда не стремилась никого исправить, но все же здорово, что Зен сразу обратила внимание на этот нюанс и запомнила.

На Муину меня отправили в основном из-за нурийца. Не только в попытке спрятать от него, но и потому, что в КОТИС сочли, будто мои прогулки с четвертым отрядом вокруг муинских зданий — это лучший способ понять суть «пробного камня». Они надеются на дополнительные проверки, чтобы получить расширенный допуск к чему бы там ни было. Я, естественно, их надежд не разделяю. Впрочем, если окинуть взглядом всю мою карьеру подопытной крысы, исследование затерянных цивилизаций всяко лучше анализов крови и сканирования мозга.

Уже не терпится оказаться снаружи, на свежем воздухе, подальше от бесконечных городов-коробок, хотя я буду скучать по Тени. Я даже подумывала тайком вывезти ее с планеты в рюкзаке, но, бе, мне только еще одной нотации не хватало, к тому же кошку могли забрать и вновь запереть в клетке. Насколько знаю, после того побега, ее видела только я. Пусть так все и останется.

Я опять в своей капсуле в окружении первого отряда. Алей тоже с нами, хотя все еще сильно хромает. Она будет работать не в полную силу, пока не восстановится.

Рууэл напротив меня — на месте, где в прошлый раз сидела Таарел. Все капсулы повернуты вперед, потому сейчас я вижу лишь его руку и ногу, что, вероятно, к лучшему. У меня очередной приступ «лучше-б-ты-мне-не-нравился!» настроения. В основном из-за вчерашнего сна, в котором я бегала за Рууэлом хвостом, пока он раздраженно и раздосадовано на меня не зыркнул. Проснувшись я в ужасе от пережитого унижения.

Жуткий кошмар, и, кажется, вызван он сериалом «Шестерка с супервидением» о досетарианском периоде. Я начала его смотреть, готовясь к работе с четвертым отрядом. Паранормальные детективы! Главная героиня — мучимая кошмарами девушка с талантом видения места, которую взял на работу уморительный гуру-экстрасенс с видением видения. Также там есть симпатичный взрывной герой с видением боя (готова поспорить, что он окажется возлюбленным героини); парень с видением врат, которого постоянно манят некие тайные врата в околостранстве; еще один с видением символов и страстью к головоломкам и другой — с видением пути, беспокойный, задумчивый и вечно что-то ищущий. Это воплощение тарианских стереотипов о разных способностях, но, думаю, сериал помог мне лучше понять Рууэла и Халлу, тоже обладающих видением места. Чувства и даже мысли живых существ оставляют наиболее сильные впечатления. Это может быть так же чудесно, как уловить флюиды радости от игры музыканта, или ужасно, как задеть кого-то рукой и принять поток скрытой ненависти, похоти и обиды. Считается грубым касаться одаренных видением места, ну а если вы все же распустили лапы, не удивляйтесь, что ваши самые сильные в данный момент эмоции прочтут. К счастью, с визуальным контактом все не так однозначно, да и касаться нужно напрямую, кожа к коже, так что перчатки служат неплохим щитом. И во время нашего с Рууэлом забега по пространствам мы хоть и держались за руки, но тогда он еще не был моей навязчивой идеей.

К сожалению, видение видения, наоборот, *очень* визуальная способность, а значит, всесторонне одаренный Рууэл уже наверняка в курсе, что бродяга-усилитель по нему тащится. И кто знает, что мог разглядеть в журналах миссий цур Селки...

В общем, стыдоба.

Все отряды в весьма приподнятом настроении. Это назначение им явно нравится. Даже тем, для кого Муина — лишь кусочек головоломки из прошлого, который при тщательном изучении может дать подсказки для решения нынешних проблем. Сетари всю жизнь варятся в этой заведомо проигрышной войне, а тут — приятное разнообразие.

В полете я хотела поболтать с Зен, но они с Рууэлом и Мейзом уединились для капитанских разговоров. И все же мы с Мори Эйз из четвертого отряда и Десс Чарн и Сорой Нелс из двенадцатого прекрасно пообщались и обсудили наши задания на Муине. С двенадцатым я сталкивалась только во время той жуткой суматохи, когда отключали Колонну, и мне было интересно, все ли они такие же темпераментные, как Лентон, и разделяют ли его нелюбовь к Зен. Но они оказались неожиданно нормальными — излишне серьезными, как почти все сетари, но вежливыми и с явными признаками индивидуальности за фасадом ледяного профессионализма. Мало кто готов торчать рядом со мной в нерабочее время, но ребята из двенадцатого достаточно свободно задавали вопросы и просто поддерживали мирную беседу.

Пандора на вид ужасна: большое белое пятно на фоне зеленого пейзажа. Главное здание уже насчитывает три этажа и продолжает расти, хотя большая часть помещений еще не закончена. Ни следа балконов, но, вопреки моим опасениям, много окон. Еще есть несколько небольших пристроек, которые уже используют. Быстро же их соорудили. По словам Соры, им не нужно копать фундамент — здания просто пускают корни в землю (ну прямо зубы), а всякие трубы и воздуховоды потом отрастают сами на основе очень подробной миниатюрной модели.

Вокруг стройки полно палаток, машин, людей и растоптанной в месиво грязи. Дороги делать только начали, и сейчас они похожи на тонкое белое кружево.

— Много здесь людей? — уточнила я, пока мы на санях подлетали к месту, которое я с трудом узнавала.

— Свыше двухсот пятидесяти.

Я спрашивала Мори, но ответил Рууэл. Раз уж меня прикрепили к четвертому отряду, то с ними я и ехала, а первый находился на других санях.

— Пока что это столица Муины, — добавил Ферус. — Жаль, что нам всем не объяснили смысл названия.

— Имя значит «одаренная». Или «дары приносящая», или что-то вроде. Давно читала греко-римские мифы.

— А ты в курсе всех поверий своего мира? — спросила Мори.

— Совсем нет. На Земле сотни языков и культур. Греко-римской мифологии более шести тысяч тарианских лет. Теперь в это не верят.

По крайней мере, я сильно удивлюсь, если кто-то еще поклоняется Зевсу, Гере и прочим.

Мы провели в Пандоре всего час, наблюдая, как с «Литары» разгружают припасы и сходят люди, и ожидая появления «Диодела». «Диодел» меньше «Литары». Он летал на разведку и будет нашей основной базой во время миссии. Там тридцать «койко-мест» (капсул), и в команду, помимо первого и четвертого отрядов, вошли синий костюм по имени Онара и ее подчиненные: пять зеленых костюмов, один розовый, медик (зовут Лирад), его

помощник (Вейл) и восемь серых костюмов — вроде как исследовательская группа, в основном археологи. Серыми руководит некая Рел Даффен. Она не в восторге ни от меня, ни от сетари, но хотя бы не проявляет открытой враждебности.

Капсулы стоят длинными рядами в центре корабля, а не сгруппированы по комнатам, и меня разместили между двумя отрядами. Передо мной Зи, позади — Сонн. А Рууэл через одну капсулу после нее.

Ожидая, пока корабль взлетит, я написала сообщение Зен:

*«На Земле, если моя подруга грустит, но не желает говорить, я отправляю ей слово *обнимаю*. Когда будет свободное время, советую посмотреть на выдр».*

Я добавила плохо прорисованную карту и обрадовалась скорому ответу:

«Спасибо».

Я не хочу слишком давить на Зен. Понятно же, что со мной трудно общаться на щепетильные темы, учитывая второй уровень мониторинга. И избавиться от него в этом столетии мне точно не суждено.

День обещает быть долгим. Мы отправляемся в самый крупный из старых городов. Он находится в нескольких часовых поясах от Пандоры, и солнце в нашей новой локации сядет примерно в то время, когда отряды, заступившие сегодня утром на дежурство на Таре, уйдут на пересменку. Считается, что город когда-то назывался Нуриотом. Наверное, нурийцы нарекли свою луну в его честь.

По пути капитан корабля, цел Онара, кратко изложила наше задание на сегодня. Последние несколько дней «Диодел» летал над Нуриотом, составляя карту и разыскивая место для посадки поближе к центру. Они нашли участок, где под деревьями нет зданий, но сначала сетари (и мне) нужно спуститься и «расчистить» площадку — ровную, широкую, с отличным обзором, дабы они заметили, если что-нибудь решит приблизиться к кораблю.

После этого отрядам предстоит обследовать периметр и устранить все угрозы. Затем, в зависимости от оценки рисков, серые костюмы, вероятно, войдут в ближайшее здание под охраной зеленых и сетари, но до захода солнца все должны вернуться на корабль.

Археология не терпит спешки, потому сомневаюсь, что группа из восьми человек осилит нечто большее, чем поверхностный осмотр. Наверное, просто проверят, какие здесь условия и не сохранилось ли где чего полезного, вроде письменных отчетов и книг.

Мы уже над городом. Он нереально огромный.

Мы слевитировали вниз: оба отряда сетари и я, зажатая под мышкой Пара Аурана. Парк был великолепный. Разумеется, очень заросший и заброшенный, но белокаменные тропинки уцелели, листья только начали краснеть и желтеть, сияя драгоценными камнями на фоне черного леса, а когда «Диодел» перестал маячить над головой и отправился облетать город, то отовсюду послышалось осторожное птичье чириканье. Мы спустились на относительно чистую площадку в самом центре, откуда в сторону уходила аллея деревьев — только несколько из них сумели пробиться сквозь камень, которым была вымощена дорожка. Место, куда мы приземлились, представляло собой едва видимый круг — то ли бывший пруд, то ли край сада, а растения под ногами походили на тонкие перья.

— Вторая метка, — сказал Мейз. — На расстоянии.

«Вторая метка» — это что-то вроде положения на десять часов. Когда отряд выходит в пространство, они обозначают точку слева от врат как первую метку, а дальше отсчитывают еще девять до полукруга. Или шестнадцать, если врата в центре, а не с одной стороны. На сей раз никаких врат не было, значит, сетари задали точку отсчета перед тем, как покинуть корабль.

— Здание на пятой отметке, — добавил Рууэл. — Остальное вне диапазона. Убираем?

Мейз кивнул:

— Ваши с десятой по шестнадцатую.

Первый отряд усилился и ушел к зданию, а мы с четвертым выстроились полукругом и медленно двинулись в противоположную от аллеи сторону. Думаю, доставшаяся нам половина была скорее пахотной землей, а не парком, так как я почти не видела тропинок, зато местами в тени деревьев пробивались пучки зерновых.

Всюду, как и в других городах, кипела жизнь, вот только некоторые из местных обитателей оказались ионотами. Наверное, воспоминания о монстрах можно считать лишь очередными хищниками, что охотятся на оленей, милах, карликовых свинок и некое подобие бурундуков (в Пандоре такие не водятся). Птиц тут тоже хватало, и особенно раздражали эти мелкие, пухленькие и истеричные — они прятались в траве, пока на них чуть не наступали, а потом с пронзительным визгом взмывали в небо.

Я чувствовала себя виноватой, потому что мы собирались сравнить с землей всю округу, а в голове крутилась старая песня (автора не помню), начинавшаяся словами: «*В раю проложили асфальтированные дорожки, обустроили автостоянку*». [1] Конечно, на Земле тоже вырубают леса, но в меня с первого класса вдальбливали важность экологического баланса, так что ответственность прямо-таки давила на плечи. Случайно или нет, я изменила мир. Миры.

Первый отряд без лишней суеты очищал свои метки, а четвертый только на тринадцатой нашел нечто интересное и остановился.

— Под землей. Всем ждать, подняться в воздух. Сонн со мной. Не усиливаться.

Странное местечко. Аурон и Ферус слевитировали тех, кто стоял позади, а Рууэл и Сонн прошли вперед по ковру из листьев, который казался совершенно безопасным, пока огромные сероватые щупальца не вырвались из дыр и не попытались их схватить. Рууэл разрезал одно пополам, увернувшись от струи темной крови, затем поднял себя и Сонн в воздух, чтобы она ударила по щупальцам молниями.

Подземный спрут.

Позже мы еще столкнулись с несколькими зубастыми обезьянками — там совсем ерунда, четвертый отряд даже не вспотел.

Парк был слишком большим и заросшим, чтобы быстро его обойти, потому через полчаса мы вновь собрались в центральном круге. Наши сильнейшие телекинетики — Мейз, Зи и Ферус (зовут его, кстати, Глейд[2], что, по-моему, очень иронично) — разработали стратегию, после чего усилились и принялись выкорчевывать деревья и складывать их стеной, отделяя часть парка с деревьями от части без них.

Не так-то это просто, скажу я вам. Корни тут проросли глубоко. В итоге деревья дрожали и трещали под порывами невидимого ветра, роняли наземь листья и насекомых и только потом взмывали вверх, разбрасывая вокруг комья земли. После первого раза мы мудро решили держаться подальше. Лон и Сонн прикрывали наши спины, а местная живность улепетывала во всех направлениях. Остальных сетари Рууэл увел охотиться на то, что он там еще учуял, я же ковыляла за Мейзом, пытаюсь не угодить в яму и думая о том, как бы тут понравилось Джулсу.

— Над чем пытаешься не рассмеяться? — спросил Лон, когда мы прошли треть половины парка.

— У сетари явный талант к ландшафтному дизайну. Пусть Мейз добавит красивый прудик или фонтан.

Мейз услышал и насмешливо глянул на меня через плечо, но тут же вернулся к выкорчевыванию деревьев.

— На наши обычные задания и правда не похоже, — согласился Лон, рассматривая раскуроченные окрестности, затем покосился на телекинетиков. — В какой-то мере сейчас все даже сложнее. Мы не приспособлены к длительным вылазкам.

Мейз тоже огляделся, кивнул и сказал по интерфейсу:

— Зазор достаточный. Встречаемся в центральной точке.

Мы развернулись и пошагали обратно. По пути Мейз, Зи и Ферус периодически забрасывали землей оставшиеся большие ямы и убирали валуны к штабелям деревьев. Сетари выглядели жутко измотанными, и я вдруг тоже ощутила усталость. Усиление других это не то что такая уж тяжелая работа, просто потом я могу неожиданно вырубиться. Усевшись на краю центрального круга, мы дожидались «Диодела». И он явился, взметнув потоки грязи и опавших листьев нам в лица, так что и без того сильное желание принять душ стало нестерпимым. Сетари и серым костюмам выделено всего шесть кабинок, и я не возражала, когда Зи провела меня в первых рядах, затем накормила и отправила спать. И хотя солнце еще не село, день выдался долгим для всех, и я пожалела бедолаг, которым придется бодрствовать во время ночной смены, ведь кто-то с видением боя должен быть на страже постоянно.

По-прежнему ночь. Я проснулась безбожно рано (все, кроме караульных, еще дрыхнут), но зато сумела записать все произошедшее. По-моему, скоро рассвет. Я сижу в общей комнате и любуюсь тьмой за окном. Было жутковато проходить мимо непроницаемых закрытых капсул. Звукоизоляция в них отличная, и дыхания не слышно, но я, кажется, уловила чей-то храп.

Летний лагерь сетари, день первый.

Очень дорогостоящая охрана

Когда я закончила записывать события вчерашнего дня, мрак снаружи уже начал рассеиваться, и я выключила свет в общем зале (весьма воодушевляющая привилегия, а то я так и не оклемалась после первых дней в медицинском чистилище, когда не имела никаких прав доступа). Восходящего солнца из окна видно не было, но я все равно с удовольствием полюбовалась небольшим склоном, перетекающим в равнину с множеством построек, а затем — в крутой холм, на котором возвышаются здания повнушительней. Все заросшее, но такое прекрасное в розовых лучах, скользящих по белому камню. Уверена, когда-то это был очень величественный город.

Еще и наполовину не рассвело, когда неприятное ощущение, будто за мной следят, заставило меня повернуть голову. Рууэл. Не знаю, как долго он там простоял.

— У тебя дома принято наблюдать за рассветом? — спросил он, подходя ближе.

Я сидела у одного из длинных смотровых окон — самое классное место на корабле.

— Думаю, видела больше рассветов на Муине, чем на Земле. — Я вновь уставилась в окно. Это куда безопаснее, чем пожирать глазами Рууэла. — Обычно на Земле я поздно ложилась и вставала поздно. Лучше, когда можно слушать птиц.

Он промолчал, так что я осмелилась мельком на него взглянуть. Рууэл пристально смотрел вдаль — может, задействовал видения, а может, просто задумался — с таким отсутствующе-созерцательным выражением на лице, из-за которого мне хотелось разглядывать его все больше и больше. Я поспешно отвернулась к окну и заметила:

— Тут крыши практичнее.

— Практичнее?

— Такие деревья на Земле называют лиственными, осенью листья опадают, так что, вероятно, потом здесь идти снег. Плоские крыши, как в Пандоре, трудно чистить зимой. А тут они покатые.

Хотя, полагаю, раз они все из белого камня, то вес снега на крыше не такая уж проблема.

— Не понять, как местные грелись и готовили. В домах ничего похожего на дымоход или вентиляцию. Нашли только пару печей, и то отдельно от зданий. На Таре осталось мало информации о повседневной жизни Муины.

— Мы утратили почти все, чем были.

Рууэл не казался особо расстроенным, но, видимо, нуриец его все же зацепил своим заявлением, дескать, тарианцы даже не понимают, что значит «сетари».

Будто прочитав мои мысли, он добавил:

— Если верить этому Инисару, нас нельзя подпускать к прошлому.

— Нуриец такой же человек, как тарианцы и земляне. Он тоже совершает ошибки и говорить глупости.

— Ловко. Почти как заявить, что в целом тарианцы относятся к тебе как цивилизованные люди.

Я повернулась, но Рууэл уже отошел. И конечно, потом я весь день думала о нем, как полная дура отмечая все, что он делает. Р-р-р, бесит дико. Работа с четвертым отрядом дала мне слишком много возможностей разглядывать Каорена Рууэла, и решение вместо него любоваться пейзажами как-то не шибко помогло.

В остальном день прошел спокойно. Ребята из первого, за исключением Алей, убивали ионотов и составляли карту окрестностей, а четвертый отряд сопровождал серые костюмы, пока те раскапывали небольшой павильон в парке и изучали здания возле корабля. Серые то радостно подпрыгивали от волнения, то нервно пялились на небо — как же, ведь потолка-то нет! — и только и успевали уклоняться от всяких ползучих гадов. Мы все побрызгались весьма эффективным репеллентом против насекомых, но периодически кто-то переворачивал камень, и тут попробуй не вскрикнуть.

Я осталась с четвертым отрядом и не упустила, что лидер серых — ислен Даффен — всячески демонстрирует, мол, ей плевать на мнение каких-то сетари с талантами видения. Да, их и правда не обучали археологическим и историческим методам раскопок, но видение места — мощнейший инструмент, пусть даже прошли века с тех пор, как тут оставлял следы кто-то кроме животных и ионотов.

Если Рууэла и задело поведение ислен Даффен, внешне он никак не отреагировал. Ферус счел это крайне забавным, а Аурана ничем не проймешь. Халла и Эйз немного разозлились, но потом решили не забивать головы ерундой. А вот Сонн буквально пылала гневом, однако Рууэл отправил их с Халлой патрулировать внешний периметр здания, и по возвращении она уже остыла.

Я делала уроки, читала книжки и размышляла о размахе каталогизации целого города. Уйдут месяцы, даже чтобы просто зафиксировать местонахождение каждого объекта, пока мы тут ищем письменные свидетельства. А всю планету можно изучать веками. Археология станет очень популярной профессией — в КОТИС таких специалистов не было, пока не обнаружили Пандору, и ислен Даффен наняли совсем недавно. Она и возглавит растущую ораву служащих, если освоение Муины пойдет по плану.

К счастью, как только близлежащую зону немного расчистят, число моих нянек-сетари уменьшится. И неважно, считается ли ислен Даффен с их мнением или нет, четвертый отряд скорее сможет найти и исследовать странные муинские сооружения, чем любой из серых костюмов.

А еще у Рууэла прорезалось чувство юмора, и теперь он нравится мне еще больше. Черт.

Обтесываем белокаменную глыбу

Сегодня настал черед первого отряда нянчиться с серыми костюмами, а четвертый продолжил расширять зону патрулирования. Наш участок выбрали для изучения, потому что здесь много больших зданий, наверняка имевших важное значение, и сетари собирались методично обойти каждое из них — сначала обследовать снаружи, а потом заглянуть внутрь. Последнее не очень-то воодушевило серых, так что они позволили ребятам лишь мельком, едва ли не с порога, проверить, нет ли где ионотов.

Я готовилась увидеть кости, но только когда мы прошлись по нескольким комнатам, наконец осознала, что это, наверное, одно из тех мест, где все внезапно рухнуло замертво. Где, скорее всего, всех убила ддора. После этих пыльных скелетов, некогда бывших местными жителями, стало намного труднее воспринимать ее как гигантскую одинокую энергетическую псину.

Вчера первый отряд сильно вымотался к полудню, а сегодня и четвертый ближе к обеду выглядел уставшим. Им не приходилось сражаться, как во время расчистки пространств, но бродить вокруг в постоянной боевой готовности, да еще и применять таланты видения места при необходимости, — это тоже вытягивает немало сил. Миссии сетари обычно длятся от двух до трех земных часов, а отнюдь не день напролет. Четвертый отряд себе не изменил, общаясь на задании односложными фразами, но, думаю, часть напряжения была вызвана скорее самим местом — его историей и гибелью людей, — чем воспоминаниями о монстрах. К концу второго дозора они уже выглядели больше утомленно, чем по-деловому.

К счастью, к возвращению на корабль все немного расслабились и перестали вести себя столь формально, и в итоге я обедала за одним столом с Лоном, Марой, Мори Эйз и двумя самыми младшими серыми костюмами — Катой и Дейзом, которых безумно интриговали древние цивилизации Земли. Вскоре мы перебрались в общую комнату, и я постаралась не сильно нервничать, когда моя болтовня об археологических экспедициях и всяческих находках привлекла более широкую аудиторию. Я рассказала о Мачу-Пикчу и гробнице Тутанхамона, и даже ислен Даффен слушала с интересом, хоть и вела себя крайне неодобрительно и без конца задавала каверзные вопросы. Так странно оказаться единственной, кто все это знает и чьи спутанные воспоминания считаются чем-то очень важным. Жаль, в школе я не училась усерднее.

Никто не стал засиживаться допоздна, чему я только обрадовалась, ведь весь день шаталась по городу вместе с сетари. Не знаю, сколько раз я сегодня усиливала их способности, но вымоталась знатно, хоть и не падаю от усталости, как после выкорчевывания деревьев. Самое время отправиться на боковую. И постараться не думать о Рууэле, спящем через пару капсул от меня.

Только во второй половине дня я поняла, что Дейз (Дейз Канлан, один из младших археологов) пытается со мной заигрывать. То есть заигрывать всерьез, а не в шутку флиртовать, как Нилс из второго отряда, который, похоже, включает обаяшку просто на автопилоте. Дейз и Ката спросили ислен Даффен, могут ли они рассказать мне о том, чем занимаются, и, как ни удивительно, она согласилась, так что теперь я вроде как учусь «полевой археологии». Интересно, где тарианские археологи проводят раскопки? Сомневаюсь, что на Таре осталось много мест со времен заселения планеты, не занятых новыми мега-зданиями.

В общем, пока знаки внимания не стали очевидны, я просто наслаждалась общением с людьми, которые не находятся круглые сутки «при исполнении». И лишь когда мы пошли на обед, Дейз начал расспрашивать о моей семье и о том, как мне живется на Таре, а еще чересчур много улыбался. Он не был напористым, не подсаживался слишком близко или типа того. Дело скорее в неких флюидах.

Теперь даже забавно вспоминать, как сильно я смутилась. Будто никогда ни с кем не встречалась. И Дейз не какой-то там слюнявый идиот. Конечно, не фантастический красавчик, как сетари, но с милой взъерошенной челкой, падающей на глаза. Ему, наверное, года двадцать два или двадцать три. Не очень большая разница, хотя я по-прежнему считаю, что для меня такие парни слишком взрослые. По шкале Орландо Блума я бы дала ему семерку. И он правда милый. И немного серьезный.

Крайне непросто решить, как реагировать на чьи-то ухаживания, когда знаешь, что на вас смотрят. Но самое главное, что Орландо Блум получил бы лишь семерку по моей шкале Каорена Рууэла. И Рууэл сидел за соседним столиком. Хорошо еще лицом в другую сторону, хотя не удивлюсь, если он краем глаза следил за «психологическими аспектами». Я ведь все же часть служебных обязанностей сетари.

В итоге я постаралась увести разговор на общие темы и активно вовлекала в него Катю, притворяясь, будто не замечаю намеков Дейза. Черт, может, он просто дружелюбный, а я чересчур мнительная. Однако остаток дня я гадала, как бы все восприняла, если бы не зациклилась на Рууэле.

Нелегкое это дело, и внутри меня разгорелся раздражающий спор на тему «стоит ли узнать Дейза получше, ведь так глупо отталкивать славного парня из-за неразделенных чувств к другому». Но тут уж ничего не попишешь. Влюбленность либо пройдет, либо нет, но сейчас мне интересны ухаживания только одного человека.

При этом моей фантазии не хватает, чтобы представить флиртующего Рууэла.

[1] Big Yellow Taxi — Joni Mitchell

[2] Одно из значений слова Glade — вырубка.

Рууэл бесцеремонно разбудил меня на рассвете типично коротким сообщением: «Шлюз на корме».

Не зная, срочное ли дело, я подняла крышку своей капсулы и приказала наножике как можно быстрее закрыть мне ноги и руки. Нормальную одежду я с собой не захватила, но в постель проще надевать нанокостюм, как раз на такие вот случаи. Хотя, наверное, я носила его, скорее, чтобы не бегать по кораблю в пижаме, когда все остальные в форме.

Рууэл с Марой и одним из зеленых костюмов стояли снаружи на небольшом пандусе из утрамбованной грязи. Рууэл коснулся моей руки, затем повернулся и вперился взглядом в предрассветные сумерки.

— Вероятно, ложная тревога, — пояснила Мара, с извиняющейся улыбкой сжав мое плечо. — Мое видение битвы не выявило ничего особенного, но я не могу отделаться от ощущения, что там что-то есть.

Оказывается, ночью дежурила Мара. Она разбудила Рууэла, а тот уже меня, потому что тоже не смог сказать ничего определенного. Я посмотрела на туманные очертания уложенных штабелями деревьев и бесконечные белые стены зданий. Холодный ветер слегка шевелил листья. Больше ничего.

— Птиц нет, — заметила я.

В это время пернатые уже должны бы подавать голоса, но город словно затаил дыхание.

Рууэл оглянулся на меня и кивнул Маре:

— Что-то приближается. Оно еще в околопространстве.

Затем дал сигнал общей тревоги и пошел обратно на корабль.

— Быстро чем-нибудь перекуси, — посоветовала мне Мара, не совсем дружелюбно зыркнув Рууэлу вслед. — Только одну тварь мы можем ощущать в околопространстве. Придется нелегко.

Гигант. Именно это заявил Рууэл, когда собрал на канале всех сетари, зеленых костюмов и цел Онару для краткого совещания.

— Отходим, — тут же заявила цел Онара.

— Некогда, — возразил Мейз. — Раз мы его чувствуем, значит, он вот-вот нападет. «Диодел» недостаточно маневренный, чтобы увернуться от атаки при взлете, даже если мы поднимемся в воздух прямо сейчас.

Я рванула прочь, но не за едой, а в туалет и умыться. Мейз послал оба отряда наружу, но тут Мара сказала:

— Тревога. Седьмая метка, почти прямо над нами.

Восемь отрядов. Вот о чем я думала, пока бежала обратно к шлюзу. При последнем сражении с гигантом понадобилось восемь отрядов, и жена Мейза погибла. У нас не было ни единой чисто боевой команды, и пусть я знала, насколько увеличиваю возможности сетари, все равно почувствовала себя букашкой, когда выскочила на пандус и ощутила то, что над нами нависло.

Ощутила не каким-то паранормальным образом, а так, как сознают передвижение чего-то крупного, например, когда над головой летит «Литара». Вот только то, что опустилось рядом с парком, было больше «Литары». Никогда не видела ничего необычнее: черная здоровенная центральная часть почти у самой земли и два высоко висящих по обе стороны

от нее «вспомогательных» сегмента с пучками длинных тонких ног, которые напомнили мне спицы зонта. На моих глазах одна из этих штукювин обманчиво-медленно подхватила что-то с земли, затем подтащила к центральной части и кинула сверху.

— Сперва уведем гиганта от «Диодела», — решил Мейз. — Спел, Гейнер, Эйз, Халла, оставайтесь у корабля и будьте готовы его сопровождать.

— Судя по данным первичного анализа, стихии гиганту не страшны, — спокойно сообщил Рууэл, раздавая всем стандартные батончики из патоки. Мне тоже один вручил.

Мейз поморщился, но вроде не особо удивился. Он первым коснулся моей руки, подавая пример остальным.

— Пролетим над гигантом. Учитывайте радиус досягаемости его рук.

Восемь человек. Вместо восьми отрядов они собирались попытаться сразиться с тварью ввосмером. И пусть сетари хранили на лицах супер-серьезные выражения, похоже, все-таки не считали миссию невыполнимой, поэтому, когда Аурон притянул меня к себе, я лишь покорно обхватила его рукой за плечи.

Мы пулей взмыли вверх. От холодного воздуха глаза заслезились. Внизу раздался треск — это обрушилось одно из зданий, на которые взгромоздился гигант. Даже белый камень не выдерживал его веса. Увидев раз сверху это жуткое подобие венериной мухоловки, я больше не рискнула на него смотреть.

— Выше — он может до нас дотянуться, — скомандовал Рууэл, и мы немедленно подчинились.

Несколько похожих на пучки щупалец «спиц» кинулось нам вдогонку. Мейз обжег кончик одной из них, Рууэл окликнул Сонн, она быстро забросила в глотку «зонта» шаровую молнию, и мы отскочили прочь.

— Крупное здание на девятой отметке, — приказал Мейз, и мы плюхнулись на крышу длинного одноэтажного дома.

По моим меркам двигались мы слишком быстро. Когда тебя тащат вручную, а не переносят с помощью левитации, подобные рывки пугают.

— Пикировщики на двенадцатой метке, — сообщил Рууэл. — Приближаются быстро.

— Кеттара, Сенез, цели ваши. — Мейз заново усилился, опять запуская цепь для подчиненных. — Какова реакция гиганта на молнию?

Рууэл всмотрелся в тварь широко распахнутыми глазами:

— Лишь боль причинили.

Оно двигалось к нам гораздо быстрее и проворнее, чем полагалось такой большой и несуразной штуке. С той стороны, куда переместились Мара и Лон, вспыхнула световая стена. Гигант издал булькающий вой, затем что-то тяжелое оторвалось и проехало по улице внизу.

— Старайтесь разбить сочленения между центральной частью и боковыми, — продолжил Рууэл. — Затем с помощью физических ударов и стихий атакуйте боковые. Это оружие гиганта.

— Сначала правую часть, — скомандовал Мейз, поднял с земли валун и швырнул в тварь.

К сожалению, не попал: мы были слишком далеко. Даже Ферусу, лучшему телекинетикку из двух отрядов, это не удалось.

— Поднимайте все, — велел Мейз.

Зи с Ферусом принялись собирать по округе деревья, камни и обломки домов и

поднимать их в воздух.

— Отходим на четыре улицы назад, — приказал Рууэл, потому что гигант уже подобрался раздражающе близко.

Аурон перенес меня, Мару, Лона и Сонн на крышу двухэтажного здания на холме. Стоило нам приземлиться, как остальные принялись со всей силы швырять хлам в гиганта.

Ионоту это не понравилось. Он издал низкий звук и застопорился. Правый сегмент почти совсем оторвался. Когда три телекинетика нырнули к земле собрать новые снаряды, два уцелевших сегмента опустили зонтоподобные конечности и выровнялись. Правый тоже не собирался падать замертво или останавливаться только потому, что держался на волоске. Гигант целиком и полностью приготовился держать оборону.

Крохотное созвездие сетари снова поднялось в воздух и нацелилось атаковать другой сегмент, который вроде наклонился в сторону моей группы.

— Рассредоточиться!

Я ахнула от того, как быстро стали дальше развиваться события. Рууэл встал за мной, подхватил меня под руки и рванул вверх, прихватив еще Мару, Лона и Сонн. После секундного замешательства Аурон поднялся с нами. Рууэл двигался так быстро, будто умел летать. Я же беспомощно соскальзывала вниз и цеплялась за его руки, стараясь не паниковать. Наконец он соединил наши костюмы, и я перестала сползать. Волна багрянистого света смыла рассвет, а воздух наполнился вонью горящего металла.

Оба боковых сегмента выстрелили по нам — один по группе Мейза, второй в нашу сторону. Мы успели вовремя отпрыгнуть. Аурон в последний миг разминулся с пурпурным лучом, но интерфейс показал мне, что Зи полетела вниз.

Мейз и Ферус нырнули за ней. Рууэл, тяжело дыша, оттого что пришлось поднимать всех так быстро, сказал:

— Пикировщики с четвертой метки. Аурон, подмени меня и быстро перенеси нас через них и вниз. Сонн, удар в полную мощь по поврежденному сегменту.

Ферус поймал Зи. Они с Мейзом зависли в воздухе, потом Мейз напряженно сказал:

— Стыкуемся с остальными.

Лон разобрался с пикировщиками у нас за спиной, а Сонн бросила шаровую молнию в поврежденный сегмент. Мы быстро спустились и собрались все вместе на другой крыше. Зи лежала неподвижно, но система показывала, что она жива.

Рууэл отпустил меня и повернулся к гиганту:

— Он разворачивается.

— Запустить новый цикл усиления, — скомандовал Мейз и провел пальцем по моей руке. — Похоже, вторая молния не достигла цели. Мы постараемся оторвать второй сегмент. Не останавливайтесь. Спел, Гейнер и Халла с нами.

Ферус передал Зи Ауруну, затем снова улетел вместе с Мейзом.

— Наша задача добить поврежденный сегмент, — сказал Рууэл. — Кеттара, используй свет. Остальные — постарайтесь навредить гиганту хоть чем-нибудь.

Лон и Мара заново усилились, а я опять стала личной ношей Аурана. Причем настолько отвлеклась на бой и так сильно волновалась о Зи, что толком не обратила внимания на полет с Рууэлом. Зато потом раз сто проиграла этот момент в памяти. Рууэл ужасно вымотался, действуя на пределе своих способностей к телекинезу и левитации, и тяжело дышал. Я спиной чувствовала, как вздымается его грудь, и, пожалуй, насладилась бы этим, кабы не паниковала.

Видимо, поврежденный сегмент больше не мог стрелять пурпурным лучом — или просто не успел это сделать до того, как мы обрушили на него свет, огонь и лед. Другой ударил по Мейзу и Ферусу, но они были начеку, увернулись и забросали его большими обломками разрушенных им же зданий. Остальные сетари также задали этому сегменту жару.

Центральная секция еще держалась и двигалась, уничтожая на своем пути остатки города. Мы все приземлились на крышу неподалеку, встретившись там с Кетзарен, Алей и Халлой.

— Отнесите Аннан обратно на корабль, — приказал Мейз Кетзарен. — Спел, ударь усиленным звуком по основному сегменту.

Алей кивнула, взяла меня за руку и сжала: наверняка я стояла бледная с вытаращенными глазами. Мы отступили назад, за нами завис корабль, и я выяснила, что ее акустический талант — действительно очень страшная штука. Как и ветру Кетзарен, звуку Алей требовалось время, чтобы достичь разрушительного уровня, но даже с прикрытыми ушами и вне фокуса ее атаки у меня заныли кости. Гигант принялся завывать и раскачиваться, а все птицы и животные, которые еще не успели убраться, выскочили из укрытий и ринулись прочь.

Смерть ионота ничего примечательного из себя не представляла. Пожалуй, будь у него голова, то из глаз, носа и ушей шла бы кровь. А так он просто перестал двигаться и выть и рухнул на обломки зданий. Алей закончила терзать наши уши и выдохнула. Затем повернула голову и на один миг я увидела ее лицо. Настоящее. Я знала, что при последнем нападении гиганта Мейз потерял жену, но теперь поняла, что Алей тоже кого-то лишилась.

— Сопровождающие ионоты все еще появляются, — сообщил Рууэл и пояснил то ли мне, то ли нашим зрителям на «Диоделе»: — Гиганты обычно атакуют вместе с другими, в частности пикировщиками.

— Передохнем здесь и зачистим пространство, — сказал Мейз.

— Пандора выслала подкрепление, — прибавила цел Онара напряженно, но с ноткой облегчения или уважения. Гиганты славились своей опасностью.

Большинство сетари принялось есть розданные Рууэлом энергетические батончики. Мой лежал в кармане, но я его так и не вытащила, хотя жутко проголодалась. Решила, что раз мы скоро вернемся на «Диодел», то лучше дождаться пищи, после которой во рту не останется тошнотворно-сладкого привкуса.

Лон подошел и сжал мое плечо:

— Помнишь, ты спрашивала, стоит ли усиление всей возни с прохождением маршрутов? Вот тебе и ответ: или мы кучей отрядов защищались бы от гиганта, или горсткой сумели пробить его оборону.

Я слабо улыбнулась, вымотанная больше, чем после обычной работы с сетари.

— Зи сильно ранена?

— Ее жизненные показатели стабильны, — сообщил Мейз, окидывая меня быстрым взглядом. — Похоже, луч был электрический и предназначался скорее для оглушения цели. Его мощи не хватило, чтобы убить здорового человека. Хотя, если бы мы не успели поймать Зи, дело бы обстояло иначе. — Он одобрительно кивнул Ферусу.

— Сурион.

Что-то в тоне Рууэла заставило нас всех повернуться в его сторону и посмотреть на здание на холме. За нами наблюдали две темные фигуры. Из-за расстояния и плохого

освещения детали было не разглядеть, но я все равно их узнала. Крузатчи.

Я глянула на Мейза, но он чисто по-капитански осмотрел пару и спросил:

— Еще есть?

— Больше никого не чувствую.

— Вне зоны смертельного удара, — нахмурился Мейз. — Ближайшие врата к тому месту на одну улицу дальше. Мы сделаем вид, будто отходим к кораблю, затем разделимся и попытаемся их окружить.

Рууэл кивнул, и сетари разделились на две группы. Аурон снова взял меня под мышку. Они все выглядели мрачными, сосредоточенными. Думаю, раз Мейз считал, что крузатчи организованы и намеренно вредят сетари, то нельзя давать им шанс доложить о нашем успехе другим.

Четвертый отряд направился напрямиком к вратам, а первый окружным путем обошел тварей. Одна из них кинулась на сетари, а вторая, как и предсказывал Мейз, — к ближайшим вратам.

Я никогда прежде не видела, как сражаются крузатчи. Они до ужаса похожи на сетари по скорости передвижения и манере создавать оружие — хотя тот, с которым боролся Рууэл, отрастил себе длинные когти вместо клинка. Впрочем, по скорости тягаться с Рууэлом не мог — особенно с усиленным Рууэлом. Больше всего мне не понравилось, как крузатч практически сдался, словно знал, что даже в случае поражения все равно вернется.

— Подчистить остатки ионотов, затем возвращаемся на «Диодел», — приказал Мейз.

Следующие полчаса мы гонялись за пикировщиками и ходулочниками. Потом последовали горячий душ и горячая еда. Первый и четвертый отряды едва оправались после миссии, как прибыли два шаттла из Пандоры. То прилетели куча серых костюмов, спешащих исследовать гиганта, зеленые костюмы и девятый отряд, с которым я прежде не работала.

Воспользовавшись суматохой, я ускользнула проведать Зи. Она по-прежнему лежала без сознания и казалась очень помятой и избитой. Доктора позволили мне посидеть с ней и заверили, что вскоре она очнется, но я успела записать все это в дневнике, а Зи даже не пошевелилась.

Музыкальные стулья сетари

Зи пришла в себя. Я провалилась в сон — один из тех, уже привычных, следовавших за слишком активным усилением, — а когда открыла глаза, она лежала на боку и смотрела на меня.

— Всего на секунду завозилась, — чуть невнятно пробормотала Зи. — Крепко мне прилетело. Теперь нам с Алей еще долго валяться в реабилитации.

— Алей уже лучше. — Я сжала ее руку. — В следующий раз шевелись быстрее. Напугала до смерти.

Зи улыбнулась и проямлила что-то неразборчивое. Она явно была измотана и, несмотря на все усилия, вскоре снова отключилась. На миг я подумала: вот бы по-прежнему жить с Лентсами и никогда не видеть сетари в таком состоянии. У них такая опасная жизнь, и шансы, что все они дойдут до конца, крайне малы. Вот, наверное, почему между отрядами такая конкуренция и отстраненность — чем больше у тебя друзей, тем больше дорогих тебе людей находятся в постоянной опасности.

Время уже перевалило за полдень, а шаттлы по-прежнему здесь. Серые костюмы хотели как можно больше записать о гиганте, прежде чем он исчезнет — что и произошло пару часов назад. Вот это вот исчезновение на самом деле сильно меня волновало: из-за него случившееся начинало казаться незначительным, как в компьютерной игре, а объяснение увиденному выглядело бредом сумасшедшего. Монстры, которые бесконечно возрождаются, а тела их исчезают после смерти. И я — таинственный Пробный камень, над которым трясется куча невероятно крутых людей. Ну прямо мечты наяву.

Отстой, если я и правда свихнулась. Хотя, если это психоз, то он накрыл меня внезапно и не отпускает, не давая воспользоваться остатками разума. Временные приступы были бы гораздо хуже.

Но если это все мои личные фантазии, то странно, почему я не нравлюсь всем. Например, капитану девятого отряда по имени Деза Келин. У нее потрясающие ресницы и необычно светлая кожа для тарианки. А еще она крайне вежлива, учитывая, что считает меня всего лишь головной болью, но в жизни в этом не признается. Еще одна девушка из их отряда, Кахл Анья, вообще зыркнула на меня как змея. Надо завязывать пересматривать записи: я бы вообще этот взгляд не заметила, если бы не отмотала назад полюбоваться на подкрепление, что отбыло перед самым закатом.

Они забрали с собой первый отряд и оставили девятый. Ну что за паршивый денек.

Проблемная команда

Рууэл поднял нас ни свет ни заря, чтобы провести тесты и тренировки на усиление, так как девятый отряд никогда прежде со мной не работал. Похоже, неофициальная иерархия сетари основывается на старшинстве по званию. Когда отряды работают вместе, главным считается тот капитан, чей отряд меньше. Девятый подобное положение дел устраивает, но за время тренировки я заметила, что Рууэл гораздо больше гонял их по установлению порядка усиления и сложностям с моим перемещением, чем своих же ребят. Может, решил, что эти медленнее учатся, или же не был уверен, что другой на его месте озаботится отработкой. Но явно никто не желает ударить лицом в грязь перед другим отрядом.

Девятый — это еще одна команда универсалов. Они чуть сильнее первого, так как в большинстве старшие сетари не столь могущественны, как молодежь. Как оказалось, с Дезой Келин достаточно легко работать — может, у нее вчера и правда голова болела. Остальные в отряде делятся на две группы: Кахл Анья и двое ее приятелей и пара, которым Анья активно не нравится. Я теперь догадываюсь, откуда у Келин склонность к мигреням.

Не то чтобы они скандалили или зыркали друг на друга. Только не на глазах у четвертого отряда. Просто держались особняком. Анья и двое ее фанатов обменивались ухмылками, а оставшаяся пара выглядела угрюмо. Благо, обязанность таскать меня поручили одному из последних — долговязому парню по имени Ребар Долас. Пусть он был немного не в духе, но показался мне вполне приятным. Спросил, как меня лучше подхватывать, ободряюще улыбнулся и следил за моей реакцией, когда мы резко меняли направление.

Я порядком вымоталась. Из-за того, что вчера утром продремала, потом засиделась допоздна, делая домашнюю работу. Болтать не хотелось. К счастью, настала очередь четвертого отряда со мной нянчиться, так что не пришлось бродить полдня. Ислен Даффен до сих пор сокрушается по поводу нанесенного зданием ущерба, но сетари вроде как не винит.

За обедом и ужином я сидела с Глейдом и Мори. Последняя мне все больше нравится. Она саркастичная, но позволяет себе шутить, только когда Рууэла нет рядом. Мори и Глейд фанаты «Скрытой войны», разве что любят придирается ко всяким мелочам. Они сказали, что некоторые персонажи, которые появятся позже, основаны на просочившихся данных о настоящих сетари. А я все только второй сезон смотрю: сериал хороший, но под настроение. «Шестерка с супервидением» лучше. «Скрытая война» часто довольно мрачная, а прямо сейчас мне не хочется вспоминать о том, как первый отряд едва не потерял двоих за последние несколько недель.

Мне нравится общаться с четвертым, я могу болтать с ними и смеяться. С одним только девятым, без первого, мне было бы одиноко. Конечно, никто из ребят не обсуждает со мной новоприбывших, а я теперь и не пытаюсь спрашивать. Не знаю, чего на меня эта Анья взъелась. Лучше не обращать внимания на мнение тех, кто с тобой и не заговорил ни разу.

Также никто не хочет обсуждать, правда ли то, что гиганта на нас натравили крузатчи. Разумеется, между собой сетари перешептываются, но от самой мысли об этом им не по себе, и они мгновенно затыкаются, когда рядом появляюсь я со своим неизменным вторым уровнем мониторинга.

А я все вижу, как Зи падает с небес на землю.

и внешне они выглядят посложнее, чем те плоские парящие сани, на которых мы пересекали озеро в Пандоре. Здесь вдоль бортов расположены низкие сиденья, а в центре — пустая плоская площадка. Что-то вроде летающего парома. Никаких видимых панелей управления или консолей. Такие глассеры могут подниматься вверх только метров на двенадцать, но передвигаются очень быстро.

На каждом уселось по два зеленых костюма и пять сетари. Двое из девятого отряда, включая одну недовольную королеву, остались на «Диоделе». Я устроилась впереди, напротив зеленого костюма, и чувствовала себя очень глупо, пока мы летели в указанном мною направлении. Вот был бы позор, если б я их не туда завела. По мере приближения я говорила зеленому, откуда звук громче, и всю дорогу корректировала курс.

Нуриот раскинулся между двумя реками, которые впадают в еще одно озеро — самое западное из цепи больших озер, включая то, что в Пандоре. По мере того, как ддора становилась громче, я перестала дергаться из-за своей роли доморощенного гида и любовалась отражением звезд на водной глади и пугающим очарованием города. Когда мы пролетели озеро, я ожидала увидеть очередное небольшое поселение с кругами на крышах, но нет, внизу виднелся только лес и небольшие горы, будто сошедшие со старых китайских картинок.

— Тут очень близко, — сообщила я и смущенно обернулась назад. — Кажется, пролетели.

Никаких следов поселения не было, только слабое мерцание старой дороги.

— Снижаемся, — скомандовал Рууэл зеленому костюму, затем коснулся моей руки и кивнул Ауруну и Мори: — Попробуйте найти устройство связи.

В сиянии растущей луны мы опустились почти до уровня земли и замерли среди крутых гор. Все три поисковика медленно повернулись в одном и том же направлении, переглянулись и кивнули. Мы двинулись в ту сторону, откуда прилетели, пока не оказались в середине треугольника, образованного коническими горами. Озеро осталось слева, сквозь грязь и траву местами виднелся белый камень. Было что-то неестественное в почти вертикальных откосах гор вокруг нас. Лунный свет очерчивал слишком ровные контуры, а тени казались на редкость четкими.

— Нам нужно больше света, — сказал Ормерал, единственный поехавший с нами серый костюм.

Рууэл окликнул Халлу, и та послушно послала вверх столб огня, напугав стаю птиц (или летучих мышей) и озарив большие каменные двери — окруженные искусной резьбой, надежно закрытые и весьма впечатляющие. Прежде чем пламя погасло, я увидела, что подобные входы есть во всех трех горах.

— Высаживаемся у озера, — велел Рууэл.

Мы вылетели далеко за пределы стандартной зоны покрытия интерфейса, но, видимо, на глассерах стояли коммуникаторы, так как на лице Рууэла появилось выражение, будто он с кем-то разговаривает, а когда мы приземлились, он объявил:

— «Диодел» передислоцируется, а мы подождем рассвета. Как там ддора?

— Все еще охотится.

Я слышала ее отчетливо, но не так громко, как над Пандорой, не говоря уже о коммуникационной платформе.

Рууэл кивнул:

— Пока ждем, разведаем расположение врат вокруг.

Он разделил нас на две группы, оставив меня с теми, кому сказал сидеть в глассерах и не двигаться, потом оставшиеся разбились на пары и исчезли в ночи. Раз на пары, значит, Рууэл не чувствовал серьезной опасности — что неудивительно, ведь ддора охотилась здесь уже добрых полчаса. Восторженный Ормерал принялся делать записи с помощью привезенного здоровенного аппарата. Я наблюдала за озером.

Какой красивый мир. На несколько минут я представила, будто вместе с семьей приехала сюда на пикник. С мамой, тетями и кузенами, может, даже с папой. Мы бы рыбачили, но только Ник умудрился бы что-то поймать. Мама бы пошла погулять и вернулась с большим букетом из интересных листьев и цветов. Джулс бы везде лазил и половину времени проныл из-за отсутствия искбокса, а потом упал бы с дерева, исцарапался бы с ног до головы и в итоге уселся бы, довольный собой. А я бы, наверное, отправилась покататься на каноэ — никогда не пробовала, но похоже, это весело. Мы бы развели костер, пожарили рыбу, запекли в углях картошку и стали бы рассказывать друг другу страшилки. Немножко бы поругались, от души поохотали и чувствовали бы себя превосходно — и неважно, что на другой планете, с семьей всегда так.

Разумеется, от этих мыслей я не на шутку загрустила. И удивилась, когда Аурон похлопал меня по плечу с застенчивой ободряющей улыбкой. Я улыбнулась в ответ и оценила жест: Аурон еще более замкнут, чем Рууэл, хотя и в другом смысле. Ранее Рууэл поставил его на смену моей первоначальной няньки, Глейда, наверное, потому, что Аурон такой высокий, и ему легче меня подхватывать. Да и мне удобнее за него цепляться. Небось, Глейда, при всей его тактичности, так и подмывает пошутить надо мной по этому поводу.

Халла и Сонн по-прежнему держатся довольно формально, но, думаю, приняли меня как временного члена четвертого отряда. Они определенно не желают мне зла. Мори и Глейд со мной подружились, а Аурон (Пар) вроде как идет довеском к Глейду. Их доброжелательность и растущая непринужденность облегчают мне жизнь рядом с Рууэлом. Мне очень не нравятся те чувства, что я к нему испытываю. Становлюсь слишком уязвимой.

Появление «Диодела» прервало мои размышления, я вернулась на корабль и вместе со всеми принялась ждать рассвета. Одна из главных целей исследования — найти информацию о Колоннах. Похоже, Рууэл решил, что здесь можно что-то обнаружить. А значит, место обыщут очень осторожно, чтобы ни в коем случае ненароком не повредить свидетельства. Пожалуй, они в основном внутри гор, поэтому забавно, что серые костюмы ждут рассвета, лишь бы просто покопаться в мусоре у дверей.

Наверное, вздремну, раз напряжение отпустило.

Где-то поздним утром меня разбудила Мори.

— Мы наконец готовы открыть двери. По крайней мере, попытаться — похоже, задача не из легких.

Перво-наперво я приняла горячий душ и позавтракала. Оказывается, четвертый отряд в полном составе тоже отправился на боковую, хотя логично: зачем целой куче сетари сидеть, ожидая рассвета, а потом смотреть, как серые костюмы делают снимки, снимают замеры и обыскивают огромную мощеную область на предмет наличия артефактов.

Я как раз заканчивала завтрак, когда корабль содрогнулся, и появилась Мори с влажными волосами.

— Это «Литара». Первоначальное сканирование показало, что здесь большой подземный комплекс. Учитывая это, наличие коммуникационной платформы и заполненных эфиром дверей, тут устроят главный раскоп, может, даже нашу вторую базу поставят. Пойдем полюбуемся, пока подкрепление не прилетело.

— Почему экспедиция в Нуриот так мало людей? — спросила я. — Большой город, мы едва его охватываем.

— Ну, изначально мы и планировали искать что-то вроде этого места. На археологические исследования и анализ города — всех городов — уйдут десятилетия. Разумеется, то, что мы сделали в Нуриоте, пойдет на пользу, но в целом задача экспедиции — обнаружить активные технологии лантаров, особенно города с платформами. Не только ради анализа самих технологий. Еще мы надеемся, что в городах строители оставили записи о создании Колонн.

Мы дошли до шлюза, где в санях уже сидел весь четвертый отряд. Не знаю, зачем они набиваются в транспорт, если могут просто полететь. Вероятно, протокол какой-то. Или берегут силы, пока на посту. Я стала замечать склонность сетари к переутомлению.

— Даже предполагать не возьмусь, сколько мы будем тут все обыскивать, — продолжила Мори, когда мы отчалили. — Ни видения, ни осмотр с воздуха тут не помогут.

— Кажется, еще и другие традиции украшения здесь, — заметила я, глядя на едва различимую резную поверхность одной из гор.

Все притихли и напряглись, когда сани миновали озеро и плавно заскользили меж оснований гор.

Те смутно напомнили мне о — как же оно там называется? — здании, вырезанном в ущелье. И дело не только во впечатляющем размере, но и в том, как потертый природный камень — в данном случае не чисто желтый, а серый и черный — щедро украшает лишайник, папоротник, кустарники и небольшие деревья, тянущиеся вниз и в стороны. Существенный контраст с чистыми линиями заостренных вершин метров двенадцать-пятнадцать высотой. Здешние украшения слегка похожи на узоры майя и даже кельтские узлы. Дверь прямоугольной формы, а пространство между перемычкой и верхней точкой арки заполняет замысловатая резьба.

Три горы стоят близко, словно держащиеся за руки люди. Кривобокая площадка в центре в диаметре не больше пары сотен метров. Сейчас на ней копошились серые костюмы, вбивая колышки прямо как на земных раскопках, вот только растягивали электронную решетку, а не веревочную сетку. Несколько областей расчистили, обнажив изгибающиеся

дорожки и кучу обломков белого камня в центре, которая выглядела так, словно на нее что-то упало. Археологи неплохо продвинулись за последние несколько часов и явно хотели удостовериться, что ничто не попадет под ноги, когда они попытаются изучить и вскрыть двери.

Келин из девятого отряда встретила нас у небольшой палатки рядом с центральной областью, и сетари еще долго обсуждали записи, замеры и куда нам можно ходить. Я стояла и рассматривала резные треугольники над дверями. В центре каждого виднелась фигура — только голова и плечи. Идеальные андрогинные лица, разведенные в сторону руки, с ладоней которых что-то стекает на маленьких человечков внизу. Боги-цари. Такие были у египтян, и бьюсь об заклад, построившие все это лантары мнили себя ими же.

С прибытием подкрепления с «Литары» сталолюдно. Неожиданно среди толпы оказался цур Селки, хотя он скорее наблюдал, чем командовал. С его появлением все сетари резко онемели и вытянулись по струнке. Ислен Даффен приказала своим подчиненным прервать работу, и мы все собрались у палатки, чтобы обсудить дальнейшие действия.

Главной оказалась женщина по имени цен Хелада (столько там этих ценов и цуров собралось...): худая как щепка дама с прищуренными глазами, серебряными нитями во вьющихся черных волосах и едва сдерживаемой энергией. Она на одном дыхании выпалила инструкции. Зеленым костюмам поручили исследовать окрестности и определиться с местом базы. Ислен Даффен должна продолжить координировать археологические раскопки, а мужчина по имени ислен Тезарт — провести поиск «психических технологий». По умолчанию место сочли опасным, и не только из-за ионотов и эфира, но и потому, что мы понятия не имеем о потенциальной угрозе, которую могут нести активные лантарские технологии. Главное — ничего нельзя упустить.

Ислен Тезарт совершенно иначе относится к талантам видения, чем ислен Даффен. Он захотел, чтобы сетари с видением места помогали при исследовании дверей, у которых, похоже, нет подвижных частей. Ислен Тезарт надеялся, что с помощью талантов удастся найти способ их открыть, не повредив, или обнаружить что-то, чем можно управлять через Эну, вроде коммуникационных платформ.

Последовал новый период бездействия. Все переговаривались, пока разные аппараты снимали показания. Девятый отряд немного расслабился, а цур Селки молча стоял вместе с четвертым. Я все продолжала пялиться на изображение над дверями и думала о сонете Шелли «Озимандия». [1]

— Тебе знакомы такие изображения? — спросил меня цур Селки, пока машины завершали сканирование. — В твоём мире есть что-то подобное?

Я покачала головой:

— Ничего сильно похожего. Если бы не устройство связи внутри, решила бы, что гробница.

— Гробница?

Мне пришлось использовать английское слово. Тарианцы кремируют мертвых и выбрасывают пепел в океан. Это просто необходимость, учитывая их проблемы с жилыми площадями, и все равно лучше варианта с зеленым сойлентом.[2] У них есть слово, означающее «могила», но не «здание с трупами». Видимо, муинцы тоже гробниц не строили.

— Среднее между памятником мертвому и могилой, — пояснила я. — На земле люди, называемые египтянами, строили огромные пирамиды и запечатали внутри тела своих

богов-царей.

— Богов-царей. — Цур Селки уставился вверх на резное незрячее лицо, что глядело на нас из прошлого. Но даже он не мог выдержать соперничества со статуей и вскоре отвел глаза.

Закончив сканирование аппаратами, они попытались использовать видение места. Пока что это не особо помогало в раскопках, ибо интересующие тарианцев события произошли давным-давно и «память» о них стерлась. Однако видение места очень широкий и адаптирующийся талант, и существовала возможность, что оно поможет понять механизм дверей.

Рууэл, Халла и цур Селки усилились. Не уверена, что последний обладает видением места, однако в данном случае видение видения ничем не хуже. Первой на исследование отправили Халлу, и, памятуя о том, что случилось с первой платформой, когда ее кто-то попытался коснуться, я слегка нервничала. Однако ничего не произошло. Ни ддоры, ни какой-то иной реакции. Халла закрыла глаза, прижала ладонь к гладкому камню и, кажется, затаила дыхание.

— Они только выглядят как двери, — сообщила она после долгой паузы. — Как и показало сканирование, камень представляет собой цельную панель. Эфир... Похоже, он поддерживает структуру. Если мы ее повредим, она, скорее всего, восстановится.

Она опустила руку и отступила, сохраняя строго профессиональный вид, но когда Рууэл кивнул, немного расслабилась и вроде как осталась довольна собой. Занятно, как отряды реагируют на своих капитанов. Все они росли вместе, знают друг друга всю жизнь и, вероятно, соперничали за пост. Но четвертый отряд — даже Глейд, которому это вроде несвойственно — ведет себя так, словно одобрение Рууэла для них крайне важно. Третий отряд так же относится к Таарел. А первый к Мейзу. Думаю, это смесь уважения и доверия.

Когда Халла отошла прочь, Рууэл двинулся вперед, на ходу убирая перчатки. Я невольно вспомнила, как он выглядел сегодня утром — словно целую вечность назад, — и пришлось встряхнуться, чтобы не слишком мечтать о его обнаженных плечах и шее. Я редко вижу сетари в чем-то кроме наглухо закрытых костюмов, поэтому, наверное, так и разволновалась на пустом месте. Это ведь не то же самое, как когда я на Лона наткнулась. Как и Халла, Рууэл закрыл глаза и осторожно коснулся двери кончиками пальцев. Я как раз разглядывала его длинные ресницы и гадала, не выщипывает ли он брови, как вдруг заметила, что Рууэл медленно бледнеет.

Я глянула на его отряд: на их лицах отразилось то же тревожное выражение. Даже цур Селки, несмотря на сдержанность, наблюдал за Рууэлом с легким напряжением, словно был готов шагнуть вперед и поймать его, если он отключится. Однако Рууэл просто открыл глаза. Впрочем, у него на лбу все же выступил пот, и он выглядел так, словно получил удар в живот, но не желал в этом сознаваться.

— Они пытались спастись, — с трудом выдавил Рууэл. — Дверь закрылась, и они не смогли ее открыть.

Затем отступил и достаточно пришел в себя, чтобы нацепить профессиональную маску. Цур Селки без комментариев двинулся вперед, но смог лишь подтвердить информацию Халлы, разве что дополнил, мол, «затвор» распространяется как минимум на коридор за дверью, а возможно, и на весь комплекс.

Первый отряд негласно оберегает Мейза. А четвертый так же печется о Рууэле. Они до конца дня краем глаза за ним присматривали. Он же ходил сам не свой, все еще переживая

то, что увидел или почувствовал о последних моментах жизни запертых внутри людей. Выглядел он не настолько плохо, чтобы Селки отстранил его от работы, но существенно хуже обычного задумчивого и отстраненного Рууэла.

Из-за всего этого я много думала о Зен. В двенадцатом отряде есть хоть кто-то, кто ее уважает? Хочет защитить? Это подвигло меня написать ей длинное письмо и рассказать, что мы тут делаем. Спутник расположен не так, чтобы можно было напрямую связаться с Пандорой, но если Зен там, то уже получила послание. Или получит со следующим кораблем, если вернулась на Тару. Надеюсь, она в порядке.

Остаток дня прошел в еще большем количестве пауз. Сетари безуспешно пытались открыть дверь с помощью управления Эной, а в конце даже меня привлекли. Потом Глейд мне шепнул, мол, с моей стороны было весьма бестактно так откровенно радоваться собственному провалу. А теперь они притащили какое-то оборудование и установили на поле, чтобы нарушить поток эфира или откачать его. Ни в коем случае не хотят ничего ломать или пробиваться силой.

Пока же толпа археологов тщательно расчищает центральную область.

[1]

Я встретил путника, он шел из стран далеких

И мне сказал: вдали, где вечность сторожит

Пустыни тишину, среди песков глубоких

Обломок статуи распавшейся лежит.

Из полустертых черт сквозит надменный пламень -

Желанье заставить весь мир себе служить;

Ваятель опытный вложил в бездушный камень

Те страсти, что смогли столетья пережить.

И сохранил слова обломок изваянья:

'Я — Озимандия, я — мощный царь царей!

Взгляните на мои великие деянья,

Владыки всех времен, всех стран и всех морей!

Кругом нет ничего... Глубокое молчанье...

Пустыня мертвая... И небеса над ней...

пер. Константина Бальмонта

Другой перевод

Оригинал

[2] «Зеленый сойлент» — американский фильм-антиутопия режиссера Ричарда Флейшера, снятый в 1973 году по роману Гарри Гаррисона «Подвиньтесь! Подвиньтесь!».

Нью-Йорк, 2022 год. Город (как и все прочие) перенаселен, пространство вне его превратилось в пустыню или находится в собственности могущественной корпорации-монополиста «Сойлент», производящей искусственным образом все продукты питания. Один из самых популярных — зеленый сойлент. Однако даже в этом человеческом муравейнике есть люди, которые процветают. Однажды убивают одного из таких богатеев по фамилии Саймонсон. За расследование берется детектив Торн, который сразу подозревает, что это заказное убийство. Шаг за шагом распутывая клубок тайн, он узнает страшную правду — из чего же делают зеленый сойлент...

Я все удивляюсь, откуда тарианцы берут палатки. На их собственной планете подобные сооружения совершенно бесполезны — слишком ветрено. Может, используют их в тех немногих пещерах, которые не успели забить белым камнем? Так или иначе, палаток у них определенно много. Вчера к закату зеленые костюмы успели соорудить целый палаточный городок вокруг внешнего склона самой северной горы. В данный момент горы по-тариански называются Северная, Южная и Восточная, хотя, наверное, им уже дали более официальные имена. Северная — это та, что ближе к Нуриоту, а Восточная дальше всех отстоит от озера. У Южной расположили оборудование и палатки для «находок», хотя пока все находки сводятся к двум отчасти сохранившимся скелетам, обнаруженным под обломками в центре площадки.

Пока ждали возвращения «Литары» с приборами, которыми планируют попробовать вскрыть дверь, центральный круг подвергся самому тщательному изучению и теперь все больше обнажается — видны крупные участки земли и свежерасчищенные дорожки. Они представляют собой не просто круги, как на мишени, а более сложный комплекс из полукругов и прямых линий. Красивый бы сад получился. Серые костюмы хотят попытаться воссоздать центральную структуру.

Так как сразу после завтрака четвертый отряд отправили отмечать на карте близлежащие врата, я все утро провозилась с домашним заданием. Они также обнаружили несколько зданий среди деревьев в южном направлении. Серые костюмы надеются, что эти постройки как-то относятся к нашим раскопкам. Девятому отряду поручили более скучную обязанность караулить, чем они и занялись, разбившись попарно, раз уж ддора вроде как приглядывала за порядком в данной области. Я же решила не путаться у людей под ногами и нашла себе удобный каменный выступ, нависавший над скоплением палаток. День выдался необычно солнечный и теплый в сравнении с недавней температурой.

Я понемногу привыкала к неспешности серых костюмов, поэтому на прибытие «Литары» с новым оборудованием почти не отреагировала, только порадовалась доступу к сводкам последних новостей: каждый раз, как один из кораблей возвращался на Тару, для него собирали небольшие информационные блоки. Разумеется, куча новостей касалась Муины, но все они были поверхностными, а меня больше интересовало, вернулся ли уровень частоты вторжений ионотов на Тару к нормальному. Сетари восстановили большинство маршрутов, и единственное, что я нашла — долгосрочный прогноз ситуации.

Когда я впервые получила права доступа, то обычно закрывала глаза, пользуясь интерфейсом. Теперь же приноровилась смотреть новости и одновременно видеть мир вокруг, но едва ли сознавая, что происходит рядом. Поэтому ошалела, когда справа что-то мелькнуло и послышался глухой звук удара. Остановив просмотр новостей, я увидела стоящую надо мной пару людей в темно-зеленой и черной униформе. До мозга постепенно дошло то, что заметили глаза: один из них пытался меня пнуть, а второй не позволил, поймав за ногу.

— Не начинай, Кетзен, — сказал мой спаситель скорее устало, чем раздраженно. — Мы здесь не за этим.

Я с трудом его поняла и только пару мгновений спустя осознала, что парень говорит на другом диалекте.

— Занимайся они своим делом, нас бы вообще тут не было. — Второй оказалась невысокая женщина со сверкающими зелеными глазами и термоядерным темпераментом. — Разве ты сам не сказал, мол, очень в духе нашего альянса проверить их уровень боеготовности? — Она бросила на меня уничижительный взгляд. — Если ты из тех, кого нам вечно ставят в пример, то у тарианских сетари нет ничего, кроме громкой репутации. Можешь доказать обратное?

Вот так я познакомилась с коларскими сетари. Их язык имеет то же происхождение, что и у тарианцев, но развился в достаточно отдаленный диалект. Они довольно странно произносили слова, и мои попытки перевода не слишком помогали. Так или иначе я просто тупо смотрела на зеленоглазую, пока наконец не поняла, что она вызывает меня на бой, и ответила:

— Битва будет короткой.

Задира разозлилась еще больше, а другие коларцы, которые к нам как раз шли, замерли как вкопанные. Похоже, решили, будто я хвастаюсь, что могу уложить эту самую Кетзен одной левой.

Но прежде, чем я успела получить кулаком по физиономии, пришла подмога в лице цура Селки, продемонстрировавшего одно из тех внезапных появлений, в которых так хороши люди с талантами к скорости. Представитель девятого отряда — парень по имени Томасал — присоединился к нам мгновением позже. Впрочем, мое место было прекрасно видно из половины лагеря, а Томасал как раз стоял на страже. Его я ожидала, а вот цура Селки — нет.

Коларцы отреагировали на него так же, как и тарианские сетари — мгновенно вытянулись по струнке. Селки никак не стал комментировать ситуацию, просто оглядел их и сказал:

— Это Касзандра Девлин. Ваши инструкции включают в себя требования по обращению с ней. Запомните две вещи. Первое: система Девлин не в состоянии выдержать контакт с несколькими пользователями, обладающими многочисленными талантами. Последствия могут стать фатальными без своевременного медицинского вмешательства. Второе: ваш главный приоритет в нынешнем задании — сохранить ей жизнь. — Он посмотрел на меня и добавил: — Тебе дали возможность поднять тревогу не просто так. — Затем взмахом велел Томасалу следовать за ним и ушел.

Коларцы стали интересных оттенков красного. Они куда более смуглые, чем тарианцы, и среди них чаще встречаются блондины и шатены, чем брюнеты, хотя внешне можно принять их за потомков азиатов и кавказцев. Всем новоприбывшим где-то около двадцати лет. Парень, что не дал Кетзен меня пнуть, сильно смахивает на киношную версию Лоуренса Аравийского, только моложе и без развевающихся одежд и головного убора. Я включила интерфейс и увидела, что его зовут Арад Налаз.

— Я не смогу побороть даже мокрый бумажный пакет, — сочувственно сообщила я Кетзен, которая позабыла о бравате и смущенно порозовела. — Битва была бы короткой, потому что я сразу же проиграть. Может, начнем сначала?

Один из коларцев — среднего роста с золотистой кожей — рассмеялся:

— Да уж, мы точно смогли произвести впечатление. — Затем подошел ближе и чуть поклонился: — Я Рейтен Шаф, и как по мне, не стоило тебе одеваться в форму сетари, раз ты не из них.

— Приписана к сетари, — объяснила я. — Иногда хожу с ними в Эну, поэтому мне

нужна защита униформы.

А вот коларские сетари не носили нанокостюмов и потому были вынуждены таскать с собой оружие для ближнего боя, а не выращивать его.

— Ты человек, э-э, переместившийся из мира под названием Земля? — спросила ослепительная девушка по имени Ларам Диав.

— Да. А коларские сетари здесь тоже для того, чтобы приглядывать за толпой археологов?

— Ну... это не совсем верное описание. — Шаф ухмыльнулся. — Значит, если люди тебя касаются, у тебя может случиться припадок? Похоже на аллергическую реакцию.

— Только если слишком много разом, — пояснила я и покраснела. — Сделаем вид, что это не звучит странно. Думаете, тарианские сетари не хотят вас здесь видеть?

Шаф сердито глянул на Кетзен:

— Нет. Но нам целую вечность рассказывали, что технические детали нашего вклада еще надо согласовать.

— Постоянно находился очередной повод не пускать никого из нас на Муину, — добавила Кетзен. — Добейся они своего, мы бы вообще не узнали о раскопе.

— Скорее всего, никто на Таре тоже. Но не сетари приняли это решение. — Я пожалала плечами. — И все равно добро пожаловать. Здесь красиво.

На их лицах мгновенно появилось классическая тоска изгнанников, и в итоге коларские сетари остаток утра провели на моем камне, болтая о Земле и Муине и о том, как я очутилась сперва в Пандоре, а потом на Таре. Они показались мне милыми ребятами, не такими формальными, как тарианские сетари, скорее, как старшие отряды. Было невозможно не заметить глубокую обиду, которую они испытывают к тарианцам. Практически Тара ворвалась в существование Колара пятьдесят лет назад и начала вмешиваться в их мир. Колар пребывал в чем-то вроде промышленной эры, в то время как Тара уже десятилетия использовала интерфейс и семьдесят лет продвинутые нанотехнологии. С Коларом не поделились ничем, кроме «белого камня» и программы сетари — причем только им разрешили использовать интерфейс. Похоже, тарианский подход отдавал покровительством и строгим контролем. Практически гарантированное оскорбление.

Хотела бы я знать, чем руководствовался цур Селки, предоставив мне знакомить коларских сетари с раскопом. Впрочем, долго это не продлилось: прибытие «Литары» послужило сигналом четвертому отряду вернуться, и Рууэл послал мне одно из своих типично коротких сообщений: «Тесты перед обедом». Видимо, он связался и с Шафом (капитаном отряда коларцев), потому что тот отреагировал одновременно со мной. Хотелось верить, что Шаф получил чуть более развернутое послание, но все равно он выглядел недоуменно, когда заявил:

— Похоже, нам пора выдвигаться.

Мы спустились к четвертому отряду, который ждал неподалеку от тента для находок и рассматривал какую-то сложную машину, установленную вокруг дверей в Южной горе. Когда мы оказались в поле зрения, Рууэл, как обычно, подключил всех к каналу миссии и начал инструктаж, одновременно ведя нас дальше на юг к местности, поросшей низким кустарником.

— Контакт с Девлин усиливает и иногда искажает таланты. В ходе данной тренировки мы выясним, какой эффект Девлин оказывает на ваши способности, затем отработаем

движения и очередность усиления нескольких команд в боевых условиях. У нас здесь нет тренировочных залов, так что запускайте энергию просто в пространство. Сонн.

— Обычный режим, — сообщила она и выстрелила молнией вдаль и вверх. Затем коснулась моей руки кончиками пальцев. — Усиленный.

Похоже, никто не говорил коларцам об усилении. Некоторые из них на миг ошалели, когда в воздухе возникла шаровая молния и медленно поплыла прочь.

— Искажение стабильное, и выявленные эффекты по каждому таланту перечислены в материалах к инструктажу. — Рууэл по-капитански кивнул Шафу и отступил назад, явно передавая ему бразды правления.

Занятно, что именно четвертому отряду поручили первым работать с обиженными коларцами. Куча других сетари могли бы выступить в роли миротворцев — первый отряд так уж точно. А еще были те, кто точно бы этого не захотел — пятый отряд. Они бы наверняка устроили межпланетным отношениям ледниковый период. Но Рууэл — Рууэл всегда старался выполнить задание как можно быстрее и безболезненнее и явно не видел смысла ставить себя или свой отряд выше других людей или вообще что-то кому-то доказывать. Он вел себя с коларцами так же, как и с любым другим отрядом и ждал, что они просто все сделают, как надо.

Шаф, очевидно, легко приспособивался к разного рода неожиданностям. Он поручил Налаз начинать с управления ветром, а сам пока ознакомился с материалами, которые мне не показывали. Тест прошел без непредвиденных ситуаций, а потом началась привычная сессия усиления, полетов с телекинезом и имитации боя. Было забавно наблюдать, как Кетзен изо всех сил старается скрыть, как ей приятно заслужить короткий одобрителный кивок Рууэла. Умеет он производить впечатление.

Сегодня Рууэл уже пришел в себя, только темные круги под глазами остались. Вряд ли он много спал накануне. Сейчас он отдыхает в двух капсулах от меня, и я надеюсь, эта ночь будет лучше.

Мы уже сворачивали сессию, когда я услышала ддору. И мгновенно поняла, что шансов скрыть от Рууэла свои чувства нет, так как он, похоже, всегда знал, когда я не решаюсь ему что-то сказать.

Рууэл остановил отряды и посмотрел на меня:

— Ддора?

Я кивнула:

— Звучит тревожно.

— Охотится?

— Нет. Чего-то не понимает. — Я передала услышанное на канал отряда, и Рууэл нахмурился.

Он добавил на канал цура Селки и заметил:

— Либо это реакция на машину, либо на угрозу целостности раскопа.

— Продолжай трансляцию, Девлин, — только и ответил нам цур Селки, но явно сказал по другим каналам гораздо больше, потому что люди резко убрались из центрального круга к берегу озера.

Сигнал ддоры почти тут же изменился.

— Теперь частично вопросительный звук, но в основном грустный, — с надеждой сообщила я по интерфейсу, затем спросила Шафа вслух: — На Коларе есть собаки?

Он не удивился моей способности слышать ддору — видимо, прочел «материал к

инструктажу» — и просто кивнул.

— Ддора как очень большой пес. — Я повернулась обратно к Рууэлу. — Эта, похоже, не знает, что муинцы вернулись. Ддора в Пандоре прекратить плакать.

— Система идентификации запущена, — сообщил цур Селки. — Оставайтесь на местах. Ддора запнулась на «полуслове», снова издала смущенный звук, потом вопросительный. А затем опять заняла.

— Идентификацию установили на блок питания, — довольно поведал цур Селки. — Видимо, этого недостаточно, чтобы прикрыть использующую его машину. Однако, полагаю, устройство сработает успешно.

Он отключился от канала, и Рууэл сказал:

— Короткий перекус. Если раскоп открыт, оба отряда войдут вместе как передовой.

Думаю, у них с Шафом был частный канал, потому что они вместе пошли вперед. Я тоже отключилась от канала миссии и посмотрела на два отряда сетари, которые двинулись за командирами, суперкорректные по отношению друг к другу. По крайней мере, никто не проявлял открытой враждебности. Четвертый отряд наверняка знал о попытке Кетзен завязать драку, но последовал примеру Рууэла. А раз уж он болтливостью не отличается, все просто молча пошли к палаткам.

— Коларские отряды тоже с номерами? — спросила я Таранзу, мою ровесницу, в отличие от остальных коларцев, которые казались года на два старше. У нее короткие мелированные светлые волосы и не столь смуглая кожа, как у напарников. А еще она смотрела на все широко распахнутыми глазами, что мне тоже понравилось. — Как этот четвертый, а тот, что на базе, девятый?

— Мы первый отряд, — сообщила Таранза, бросив на тарианских сетари чуть извиняющийся взгляд. — Так что путаница неминуема.

В итоге оба отряда обсуждали это за обедом, и даже Сонн вставила одно-два предложения. Капитан девятого отряда, которому предстояло заступить на смену и который как раз завтракал, когда мы дошли до палаток, в конце концов решил использовать вариант «отряд-один». Значение все равно не менялось, и вроде коларцев все устроило, хотя, подозреваю, они продолжают называть себя первым отрядом на своем диалекте.

Ислен Тезарт объяснил, что установленная его командой машина создала поле эфира, отгоняющее от двери ее собственный. Затем они применили ту же разновидность нанотехнологий, с помощью которых строят здания, и уничтожили печать — только печать. Машина образовала некрасивую рамку вокруг входа, но цели добилась.

Идти «передовым отрядом» — означало столкнуться с тем, что было по ту сторону печати. Реакция Рууэла немного меня подготовила, и я ожидала увидеть внутри скелеты, но никто не догадывался, сколько же их обнаружится. Десятки, возможно, сотни останков усеивали короткий коридор и шестиугольную комнату за ним. Сколько погибло в давке, когда обезумевшая толпа ринулась на выход? Печать прекрасно их сохранила: высохшая кожа обтягивала серые кости, одежда уцелела, но стала такой хрупкой, что могла рассыпаться от одного прикосновения. Почти все погибшие лежали лицом вниз, вытянув истончившиеся руки или прикрыв ими голову. Полагаю, они убегали от ддоры. От того, что поймало их и убило одним махом.

Благодаря сканированию мы уже знали общее расположение подземного комплекса: пять кольцевых уровней, каждый последующий меньше предыдущего. Конечный представлял собой комнату в центре между тремя горами. Когда я увидела масштабы

постройки, то не удивилась, что тарианцы бросили сюда значительную порцию своих ресурсов. Командующий раскопом хотел, чтобы сетари просканировали комнаты этой части уровня видением битвы на предмет наличия монстров, ловушек, невидимых глазу угроз и, если возможно, нашли коммуникационную платформу и то, что генерирует эфир. Ислен Даффен была не в восторге, что первыми пойдут сетари, хотя им наказали как можно больше левитировать, дабы ничего не нарушить. Однако после сражения с гигантом она вроде стала больше прислушиваться к сетари, по крайней мере, в том, что касается безопасности. Ислен Даффен хочет, чтобы я еще рассказала ей об истории Земли, но с обнаружения этого раскопа она работает без остановки и едва не падает от усталости. Даже не знаю, когда нам удастся выкроить минутку.

Стены внутри раскопа сияют тем же светом, что и Пандора во время лунного дождя, но без свободно плавающего эфира. Значит, нам хотя бы не надо беспокоиться о свете. Четвертый и «отряд-один» разделились на команды и принялись прочесывать главный проход, ныряя в боковые коридоры и комнаты, а потом вновь собираясь вместе. Почти сразу выяснилось, что спуски вниз запечатаны так же, как был вход, и когда мы нашли длинный коридор по этому уровню, то столкнулись с той же проблемой. Итак, у нас есть доступ только на треть верхнего уровня.

Это город, а не гробница. Понятия не имею, с чего древним муинцам захотелось жить под землей — одна только проблема вентиляции создавала ненужную головную боль, — но каждая найденная комната походит на жилой квартал, кроме тех немногих, где были источники воды или зоны сбора. Никто на нас не кинулся, никаких ловушек не встретилось. Коммуникационная платформа обнаружилась в зале в конце длинного узкого прохода, и после утомительных переговоров было решено послать Сонн попытаться деактивировать замки. Распечатать двери не вышло, ддора жутко обрадовалась, и к счастью, нам пришла пора возвращаться.

Группа техников принялась устанавливать другую машину вокруг входа в Северную гору, а археологи разделились на две команды: одна старательно распутывала ковер из останков у самого входа, а вторая работала в ближайшей комнате. Исследователи были в восторге. Дело даже не в том, что все сохранилось в идеальном состоянии, просто в Пандоре и Нуриоте мало мест, не пострадавших от воздействия ветра и дождя и набегов животных. Ну и разумеется, обнаружение рабочей старинной лантарской технологии. Не знаю, поможет ли она починить пространства, но это первая крупная находка со времен получения Тарой «системы идентификации».

У меня не особо болела голова после ддоры, но я все равно устала, поэтому обрадовалась, когда Рууэл отправил нас обратно на «Диодел». Отряд-один отправился спать на «Литаре», которая осталась здесь на ночь. Большинство участников экспедиции расположились в палаточном городке, и пусть тарианские сетари больше привыкли находиться вне помещений, раз уж ходят в пространства, обладатели талантов видения не могут спать, не закрывшись в капсуле или в комнате на Таре. Видение битвы реагирует на каждого проходящего мимо человека.

Как и частенько во время еды, Рууэла не было, а у меня возникло ощущение, что не сижу здесь, четвертый отряд, наверное, обсудил бы коларцев. Поэтому после обеда я отправилась в душ и сразу спать.

И как раз сидела на краю своей капсулы и заплетала косу, когда возник Рууэл.
— Девлин. Ты после медблока еще видела кошку-ионота?

На этот вопрос мне отвечать не хотелось. Странно, почему Рууэл вообще его задал. Я моргнула и вдруг сообразила:

— Ты предупредить капитана коларцев, что я могу сделать глупость, и он должен за мной присматривать?

— Да. — Очень прямолинейно, очень по-рууэловски. — Я так понимаю, видела. В следующий раз сообщи.

Если мне когда-нибудь придется ему врать, то ничего не выйдет. И вряд ли я смогла бы притвориться, будто слушаюсь.

— Я чаще всего делать то, что говорят, потому что это либо разумно, либо у меня нет выбора. Тень я однажды уже сдать на тесты, но больше никогда.

Если не считать пару стычек с медиками, думаю, это первый раз с момента спасения, когда я отказалась подчиниться — и Рууэлу мне вот совсем не хотелось бы говорить «нет». Я в напряжении ждала его реакции, но он просто какое-то время на меня смотрел, а потом сказал:

— А если окажется, что она не такая безобидная? Ты не сможешь исправить причиненный ею вред.

— То есть если она не превращалась в злого котенка-людоеда раньше, то однажды все-таки может? Ну тогда и меня заприте на случай, если я решит бегать и колоть людей ножом.

— У кошки гораздо больше шансов попасть, — сообщил Рууэл с совершенно невозмутимым лицом и покачал головой, явно решив, что нет смысла пререкаться дальше. — Отдохни.

Я хотела сказать, чтобы он сам последовал своему совету — тени под глазами стали хуже некуда, — но слишком растерялась от очередного проявления чувства юмора (или же доказательства полного его отсутствия, раз уж Рууэл говорил без намека на иронию). Кроме того, он уже пошел прочь.

В итоге я проснулась гораздо раньше остальных. С одной стороны это дало возможность записать в дневнике события прошлого дня, не ловя на себя любопытных взглядов, с другой — я жалела, что проснулась. Во сне я лежала рядом с Рууэлом. Мы не говорили, ничего не делали, просто лежали, свернувшись клубком в темном тихом месте. Я слушала его дыхание, биение его сердца. Совершенно бессодержательный, но удивительно реалистичный сон. Я проснулась такой довольной и счастливой, что захотела вернуться в него обратно.

Надо найти лекарство от слюноотделения на почве тотальной влюбленности.

Тяжкий труд

Теперь все входные двери открыты. Как оказалось, внутри все почти идентично — тела у самого порога, а дальше жилые кварталы. Мы не нашли, что же управляло запором, и решили больше ничего не открывать, пока не придут новые части машин. Техники не ожидали, что понадобятся десятки устройств. За ними и другими строительными устройствами отправилась «Литара», а на месте принялись возводить первые постройки поселения, названного Аренрон, в честь какого-то тарианского исторического деятеля.

Рууэл решил, что его отряд расслабился, и принялся гонять их в суровом режиме. Хорошая физическая форма помогает снизить истощение от использования талантов, а на этом задании у четвертого отряда было не особо много возможностей потренироваться. Теперь они бегали трусцой, подтягивались и все в таком роде. Так как я приписана к четвертому, мне тоже перепало, но, к счастью, лишь малая часть от того, чем Рууэл нагружал всех остальных. И хорошо, а то я все равно чуть концы не отдала.

Впрочем, было терпимо. То, что я явно не могла делать — вроде подтягиваний, — он меня и не заставлял, предлагая вариант попроще. Радоваться не получилось, но день я пережила, а напарники вели себя так вежливо, что я почти не чувствовала себя на их фоне полным ничтожеством.

Зависит от точки зрения

Сегодня, пока ждала, когда четвертый отряд вернется с пробежки (которая длиннее моей), учила горстку зеленых и серых костюмов и трех сетари кидать камешки. День выдался безветренный, а побережье оказалось даже больше усеяно галькой, чем в Пандоре. Вот я и развлекалась. Собрала кучку камней и стала проверять, смогу ли побить собственный рекорд (семь отскоков).

После отжиманий руки болели, и больше четырех отскоков не получалось. Я как раз искала новые камешки, когда заметила, что обзавелась публикой: двумя зелеными костюмами и серым. Все выглядели весьма озадаченными. Их вопрос «Но как?» лишний раз доказывал, насколько их планеты отличаются от Земли. Колар не совсем пустыня, но достаточно сухой мир, где вода по большей части находится под землей. Тара же покрыта бурными океанами. К тому времени, как вернулся четвертый отряд, почти весь отряд-один и двое из девятого уже выстроились в очередь.

Рууэл позволил подчиненным сделать перерыв и поиграть, но сам не присоединился, не капитанское это дело. Глейд легко побил мой личный рекорд и поинтересовался, какой максимальный результат у обитателей Земли, но я не знала. Кажется, папа, когда меня учил, говорил что-то про свыше тридцати отскоков, но это всегда казалось чем-то неправдоподобным. Сегодня всех победил Пар Аурон — восемь отскоков. Половина сетари кидала лучше меня уже со второй или третьей попытки. Они так же хороши физически и уж конечно сильнее.

А потом снова начались упражнения: разминка и поднятие больших контейнеров для воды, которые Рууэл одолжил у зеленых костюмов. К счастью, все проходило на лужайке чуть севернее палаток, и на сей раз за мной не наблюдали. Кажется, у меня теперь все мышцы болят.

Музейные экспонаты

День прошел без приключений. По идее, изучение потерянных инопланетных городов должно быть более захватывающим, но открытие второго уровня (для чего понадобилось еще три машины) очень сильно походило на повтор ситуации с первым. Снова жилые кварталы, только побольше. Меньше тел. Дерево хорошо сохранилось, металл потускнел, ткань хрупкая. Записей почти нет. Каста лантаров использовала письменный язык, но не-лантары, видимо, грамотностью не отличались. Кроме пары надписей на горшках и статуях (вероятно, имена людей — алфавит существенно изменился, и я поняла только половину) больше ничего не заметили. Уж точно никакой библиотеки или сборника инструкций, или суперсекретных планов. И никакого проектора поля, который мы могли бы выключить.

Одно стало ясно — хорошего археолога из меня бы не вышло. У меня просто нет столько терпения. Я сосредоточилась на домашнем задании, а сама наблюдала за парой зеленых костюмов, которые прямо влюбились в бросание камешков. А еще старалась не смотреть на гладкий белый шрам нового поселения. Не люблю задумываться, как поспособствовала вторжению в этот мир.

Большая и громкая

Сегодня утром мы с четвертым отрядом отправились в околопространство, пытаясь найти способ добраться до нижних уровней подземного сооружения через дыры в стенах, которые существуют только в околопространстве. Но проблема в том, что эфирный щит есть и там тоже. В итоге удалось спуститься на второй уровень, пока машины удерживали проходы, но ниже дорогу мы не нашли.

Компанию нам там составляла ддора, что страшно сбивало с толку. Она похожа на огромное облако раскрашенного света, а по ощущениям — словно на лицо попали сотни колющих кристалликов льда. Придя в восторг от вида сетари, она выражала свою радость бесконечным громким «хххааааа». В околопространстве они ее тоже слышат, и даже Рууэлу не удалось скрыть, сколь сильно ему хотелось, чтобы она заткнулась. Зато серые костюмы ну прям очень интересуются ддорой, и после вылазки, пока они изучали записи, четвертый отряд смог как следует отдохнуть. Группа техников обеспокоена, что так много разрушающих поле машин работает одновременно, и собирается, отключив некоторые из них, открывать по одному проходу за раз. А пока они делают это для сетари, те их охраняют. Я же опять бездельничаю.

Кажется, третий уровень поселения — нечто вроде церкви. Вероятно. Там пусто — никакой мебели, лишь образы одной и той же женщины вырезанные по всем стенам да мозаика на полу. Всюду, куда ни глянь, изображение прекрасной, идеализированной женщины. Из ее слез текут реки, в складках юбки прячутся животные (милахи!), а из длинных летящих волос вырастают деревья.

Исследуя помещение, четвертый отряд не выказал ни единой эмоции. Они не уверены, символизирует ли эта женщина богиню-мать Муины или что-то другое. Сюда ведут три входа, над каждым из них есть чье-то изображение, и только одно напоминает эту женщину. Если она олицетворяет Муину, то что означают два других лица?

Так как с каждым уровнем помещения уменьшаются в размерах, техники рассчитывали сегодня расчистить путь на самый нижний уровень, но, кажется, им никак не удастся настроить машины на работу над следующим щитом. Пронаблюдав все послеобеденное время за их неудачами, Рууэл решил, что отряду полезно выпустить пар — занявшись рукопашным боем. К сожалению, в тренировку он включил и меня, а в наставницы определил Сонн. И несмотря на огромный синяк, что она оставила мне на ноге (ибо ожидала, что я хоть сколько-то умею уворачиваться), Сонн оказалась методичным и хорошим учителем.

Спустя некоторое время к нам присоединился отряд-один. Не то чтобы они по мановению волшебной палочки перестали презирать тарианцев. Просто решили, что четвертый отряд прилично справляется со своей работой, а межпланетная политика последних нескольких десятилетий — не их вина. Или, скорее (и важнее), четвертый отряд не ведет себя так, словно коларские сетари хуже тарианских, и у отряда-один нет повода для постоянного раздражения.

Однако это не означает, что сетари не хотели помериться силами в рукопашном бою. Особенно Кетзен (ее, как выяснилось, зовут Мерал). Да и четвертому, в конце концов, не чуждо ничто человеческое, и к спарингу они относятся серьезно. Оба отряда оказались равны по силам. Рууэл по своему обыкновению больше наставлял, чем участвовал (думаю, он старается избегать соревновательных ситуаций), но когда Кетзен попросила его выступить ее партнером — чему я ничуть не удивилась, — он совершенно спокойно согласился.

Одно дело избегать соперничества, но совсем другое — разозлить человека, показав, что не воспринимаешь его достойным противником. Не думаю, что Рууэлу хотелось, чтобы и другие циклились на нем, как Каджал. Впрочем, все равно так и вышло, только в другом смысле. Встречая и уворачиваясь от атак Кетзен, пока она прикладывала усилия, чтобы хоть на сантиметр к нему приблизиться, Рууэл наконец закончил схватку с экономной в движениях и легкой аккуратностью. И посоветовал коларке поработать над ударами слева, так как они у нее слабее.

И с тех пор Кетзен не сводит с Рууэла глаз. Видимо, полное поражение в рукопашной привело ее в экстаз, что мне категорически непонятно. Похоже, в экстаз также пришел и Диав, и несколько зеленых костюмов, которые наблюдали издалека. Разумеется, Рууэл никак не показал, что заметил новых поклонников. Однако их заметил весь четвертый отряд. Глейд страшно развеселился, Мори отнеслась спокойно, Сонн отмахнулась, Халла никак не отреагировала, а Пар покраснел.

Я потихоньку их узнаю и вживаюсь в свой новый отряд. Четыре месяца с моего спасения. Пять — с того дня, когда я возвращалась домой с экзаменов и свернула не туда. Сейчас я уже была бы на середине первого курса университета. Ну, если бы хорошо сдала экзамены. Скоро день рождения Джулса, а затем День Матери. Дни все прибавляются и прибавляются.

Последнее время мне постоянно снится Рууэл — некое подобие того сна, когда мы с ним дремлем, свернувшись вместе калачиком. Излишне говорить, что эти дни в кровать я отправлялась с удовольствием. Однако сегодня мне приснилось, что ночью четвертый отряд отправили с Муины, а меня прикрепили к седьмому. И никто мне об этом не сказал. Я просто спустилась на завтрак и застала там Форел и ее дружков. Дальше... дальше все смешалось. Снилось тренировка, похожая на те, которыми меня нагружали в последние дни, только теперь приходилось терпеть язвительные шуточки седьмого отряда. Я была раздавлена, унижена и чувствовала себя преданной, так как четвертый исчез, не попрощавшись. И больно было даже не из-за Рууэла — ведь со мной он всегда вел себя как капитан, не больше, — а из-за остальных. Мори, Глейда и Пара. Даже Халла начала понемногу со мной перешучиваться. И Сонн чуток смягчилась. А теперь их нет, они отправились на следующее задание и ни слова не сказали на прощанье.

Думаю, этот сон — реакция на то, что последние несколько недель я очень много работала с четвертым отрядом. Начала чувствовать, будто мы одна команда. И теперь подсознание напоминало, что я вне отрядов и всегда буду лишь временным назначением. И что, скорее всего, Мори и Глейд болтали со мной только по поручению Рууэла.

К счастью, я по-прежнему встаю раньше всех. После душа и утра, проведенного за письмами к Зи, Маре и Зен, голова достаточно прояснилась, и я смогла скрыть плохое настроение. Не то чтобы я боюсь, что в ближайшие дни меня прикрепят к другому отряду. Ведь четвертый — единственный с видением видения. Забавно, как попытка нурийцев меня выкрасть заставила тарианцев таскать меня по руинам Муины в призрачной надежде выяснить, что же Инисар имел в виду.

На четвертый уровень пробиться сегодня не удалось, зато техники открыли другие помещения третьего. Где оказалось еще больше росписей, скульптур и мозаик, только роль божества играли два других человека — мужчина и женщина, непохожая на первую. Что поставило бывших муинцев в тупик. Насколько они знают, лантары безоговорочно правили планетой, но божествами народ их не считал. И сейчас, когда изображения вокруг ясно говорят об обратном, тарианцы почувствовали себя не в своей тарелке. Ну, то есть, это если решить, что здесь изображены именно лантары, а не боги, о поклонении которым все просто забыли. Может, это вообще не очень секретная база какого-нибудь культа или типа того.

Перед бегством муинцев с планеты их культура почти наверняка была единой для всей территории. И учитывая похожесть языков на Таре, Нури и Коларе, их предки наверняка говорили на одном языке. Думаю, частично эта общность культуры объясняется тем, что правящий класс был один и его члены могли телепортироваться и путешествовать через червоточины. По словам Каты, все лантары воспитывались в каком-то центральном имперском городе, где их обучали управлять своими силами. Не в Нуриоте, а в месте под названием Каласа. Правда, кроме названия больше ничего о нем и неизвестно. Так что выяснить, какие из развалин — Каласа, одна из приоритетных задач экспедиции.

Серые костюмы ведут жаркие дискуссии о росписях. Дейз и Ката, с которыми мы теперь редко общаемся после их перевода с «Диодела» в палаточный городок, разошлись во мнениях. Дейз считает, что на росписях изображена богиня Муины и два других неизвестных божества. Или, может, это три ипостаси Муины. Ката же уверена, что это лантары. Помня,

что последних не слишком-то уважают на Таре, я никак не могу понять, почему Катю так расстраивают эти изображения, говорящие о невероятном нарциссизме лантаров. Но, опять же, и тарианцы, и коларцы придерживаются похожего мнения о божественных сущностях (они верят не совсем в богов, а, скорее, в то, что у каждой планеты есть душа).

Аня из девятого, которой с момента перевода их отряда сюда постоянно выпадало ночное дежурство, переведена на дневное. К несчастью. От того, что у нее и Кетзен теперь одинаковый график, никто из них не выигрывает. Конечно, открыто они не враждуют, но лед между ними ощущается, и он, кажется, распространяется на всех тарианских сетари.

Именно поэтому ужинаю я сегодня в компании Дейза и Каты.

Попытки проникнуть на следующий уровень Жуткого Подземного Города успехом так и не увенчались, так что сегодня четвертый отряд снова отправился размечать врата. У меня же утром состоялся очередной запланированный медицинский осмотр. Вердикт врачей — несмотря на большой синяк на ноге, заработанный на тренировке, и несколько других небольших синяков и болезненных мест тут и там, я никогда не была здоровее. Ну, с последней моей почти смерти.

А благодаря бездействию последних дней, я еще и сильно продвинулась в школьной программе и перешла к чуть более интересным урокам. Пишу по-прежнему ужасно, но понимание улучшилось настолько, что большинство заданий могу теперь выполнять супербыстро. Но учеба все еще выводит меня из себя. Она очень похожа на этот раскоп. Все думали, что его открытие — огромный успех, но на самом деле никаких ответов до сих пор не получено.

Небо потихоньку затягивает, и ветер креп...

Ну что ж, я в бешенстве. Я сидела за столом на улице в обеденной зоне, писала и вдруг услышала, как рядом с судорожным вздохом кто-то споткнулся и едва не уронил стаканы, которые нес. Хруста я не уловила. Лишь подняла голову и увидела два серых костюма, виновато смотрящих на мои лежащие на земле растоптанные часы.

Наверное, на моем лице отразились все чувства — словно мне дали под дых, — потому как серые костюмы перестали извиняться и запаниковали. Тот, у кого руки были свободны, бросился поднимать часы и с надеждой их перевернул. Задняя панель тотчас же отлетела, треснувший циферблат явно умер. Это были всего лишь электронные часы за двадцать долларов, но мне страшно хотелось рыдать.

Однако я сдержалась, чем ужасно горда. Мне хватило самообладания оглянуться — на мгновение, чтобы записать на видео происходящее вокруг. Потом я заверила серых, что все в порядке (не то чтобы они мне поверили), забрала обломки часов и вернулась на «Диодел». Вытащив из своей капсулы школьный рюкзак, я достала позабытый мобильный. Батарейка давным-давно села, ведь я так и не выяснила, как им удалось ее зарядить — зачем, если вся музыка скопирована на интерфейс? Так что я разыскала серый костюм-ученого и спросила, знает ли она, что тут можно использовать как зарядку.

Звали ее Эллесс Ройяра, и она приняла мобильник, словно это самая последняя, самая крутая на свете игрушка. Правда, особо мудрствовать ей не пришлось — всего лишь посмотреть в записях, что они проделывали с моим телефоном прежде. После этого Эллесс положила его в штуку, напоминающую микроволновку. Только та ничего не поджарила, а перезарядила. Похоже, все проще простого, ведь на протяжении нескольких веков техника таранцев устаревала, и они набили себе руку, придумывая, как реанимировать древние «музейные» экспонаты.

Поблагодарив Эллесс, я вернулась на «Диодел» и включила телефон. Он так давно был выключен, что время и дату пришлось устанавливать заново. Благо, я хотя бы примерно могла прикинуть, который сейчас час в Сиднее. Ну а дата с утра не изменилась.

Только тогда я позволила себе выдохнуть и посмотреть запись интерфейса.

Я почти всегда ношу часы под униформой, снимаю их лишь во время заданий или если опасаясь, что могу промокнуть. И когда пишу в дневнике, тоже снимаю, ибо застежка

врезается в запястье. Вот и сегодня я положила их на угол стола, около локтя. Видеть часы я не могла, так что, полагаю, вполне вероятно, что я столкнула их на каменистую землю, они отскочили и попали под ноги серому костюму.

Но на самом деле я в это не верила. И внимательно просмотрев запись, заметила, что в стороне стоял Терел Ревв из девятого отряда и наблюдал. Терел — один из дружков Аньи. И телекинетик. Не то чтобы это серьезное доказательство. К тому же он выглядел искренне расстроенным.

Они вряд ли догадывались, как это для меня важно — знать, какой день на Земле. Знать, когда желать родным счастливого дня рождения. Отмечать важные даты земного года. Следить за собственным возрастом.

Не думаю, что чего-то добьюсь, устроив разборки. Просто нужно вести себя осторожнее, не подставляться и больше не утыкаться в дневник на глазах у окружающих и не оставлять мобильник без присмотра. Надо помнить, что вызываю у всех, даже абсолютных незнакомцев, сильные чувства. Будь то благодарность, что я открыла им их мир, или ненависть за то, что угрожаю разрушить их представления о прошлом Муины, или за что там меня Анья терпеть не может, без понятия.

Сетари не помешало бы почистить свои ряды на предмет придурков.

Шумиха все-таки поднялась, хотела я того или нет.

Излив душу дневнику, я сидела в пустынной комнате отдыха на «Диоделе» и играла с ожившим мобильником, громко включив музыку. За окном постепенно темнело, ветер усиливался. Вдруг в дверях возникли цур Селки и Рууэл. Музыка пришлось выключить.

— Разбитый предмет, который ты носишь на запястье, при тебе? — сразу перешел к делу Селки.

Они с Рууэлом похожи не только внешне. С его точки зрения, причина их прихода очевидна, а потому, зачем объяснять?

Мгновение я хотела притвориться, будто выбросила часы, но даже поверь они мне — что маловероятно, — то просто использовали бы видение пути. Думаю, доставая часы из маленького кармашка, который специально для них сделала, выглядела я не слишком воодушевленной.

— Как вы узнать? — спросила я, опуская часы в протянутую ладонь цура Селки.

— Сила твоей реакции встревожила разбившего их техника, и он доложил о случившемся своему руководству. Ты оказалась записана на интерфейс одного из дежурных. И то, как ты осмотрелась, тоже было записано.

Одна из перчаток цура Селки была без пальцев, и он, опустив взгляд, едва коснулся разбитого дисплея. Прикосновение длилось не больше двух секунд, затем он передал часы Рууэлу. На лице его ничего не отразилось, но я поняла, что он увидел подтверждение моим подозрениям, потому как спросил:

— Другие инциденты были?

Я покачала головой:

— В том дело... я просто не думала, что столкнуть часы на землю. — Судя по виду, ни Селки, ни Рууэл мне явно не верили, так что я пожала плечами и продолжила: — Есть отряды, с которыми предпочла бы не работать. Но раньше никто не пытался сломать вещи или поранить меня, или что-то подобное.

— Какие отряды? — сразу же уточнил Селки.

— Наверняка же сами знать, — огрызнулась я.

— И все-таки.

Подумав, я решила, что все то же самое готова сказать, если окажусь прикреплена к одному из этих отрядов.

— Пятый и седьмой пока. Не была бы в безопасности, отправляясь в Эну с их капитаны. Предпочла бы не отправляться. К девятому такого не чувствую. — Рууэл вернул мне часы, и глядя на них, я вспомнила то болезненное, режущее ощущение в животе. — Они, наверное, не осознавать, что для меня значат часы.

— Не сам предмет, а его функция? — спросил Селки и взял мой мобильный. — Это устройство может их заменить?

— Оба показывают земное время. Телефон надо заряжать раз пять-шесть дней.

Цур Селки с кивком вернул мне телефон и вышел.

— Что теперь будет? — спросила я Рууэла, который почему-то задержался.

— Выговор всем замешанным. Отряд вернется на Тару для проверки, где его, скорее всего, расформируют и наберут заново с какими-то кадровыми перестановками.

Все из-за того, что сбросили мои часы на землю. Мне подурнело.

— Не принимай близко к сердцу. — В голосе Рууэла отчетливо слышалось нетерпение. — Внутренний баланс в девятом нарушен с момента его набора. То, что они не справились с нынешним заданием, лишь внешний повод для реформирования.

Сначала я даже не поняла, о каком задании идет речь, а потом до меня дошло — обо мне. Главная задача всех сетари здесь — защищать меня. Да, думаю, страшно расстроить того, кого ты призван оберегать, можно счесть за провал. Забавно, если подумать.

— Они пренебрегли психологическими аспектами, — заметила я.

Рууэл наверняка узнал собственные слова, но из образа серьезного капитана не вышел.

— Правильная реакция — сосредоточиться на практическом решении возникшей проблемы, — похвалил он, — но ты по-прежнему сомневаешься, рассказывать нам или не рассказывать, в ситуациях, когда это больше всего необходимо. А ведь ты рискуешь не только собой.

— Сегодня скорее выбрала промолчать. Но в большинстве случаев не понимаю, что важно.

— И не пытайся. Если задумалась, стоит ли нам что-то рассказать или попросить о помощи, всегда руководствуйся принципом «да, стоит». Такое же правило следует применять к любым твоим мыслям обо всем на раскопе. Какие-либо сравнения с земными цивилизациями могут все только запутать, но как судить, если мы о них не узнаем?

Сквозь длинное обзорное окно я посмотрела на видимый из этой части корабля треугольник гор и лагерь. Дождь еще не начался, но люди уже прятались под навесы, а зеленые костюмы проверяли, все ли палатки надежно закреплены. Последние дни я и правда перестала делиться своими мыслями о подземном комплексе, не желая понапрасну тратить время историков.

— Когда коснулся той двери, что чувствовал?

Рууэл не ответил, и, повернувшись, я увидела, что сейчас он замкнут даже больше обычного. Требуется открытости, а сам... Решив не поднимать этот вопрос, я продолжила:

— Можешь сказать, их ддора убила?

— Нет. — Он помедлил. — Страх, паника, ярость, чувство, что их предали. Ощущение, что что-то надвигается, но конкретного образа этого чего-то нет.

— Вчера говорила с Дейз и Ката. Что они не понимают все это. Принятая тарианская история утверждает, лантары хотели облегчить перемещения между пространства, строить Колонны. Колонны открыли врата повсюду, между реальным пространством и околостранством тоже. Ионоты убивать людей Муина. Тогда лантары придумать ддора для убийства ионотов и чтобы легче добираться до Колонн. Но что-то случилось, они потеряли контроль ддора, и много муинцев умерло. Прежде чем нашли Аренрон, техники считают, что причина — и эфир, и ддора, которая нападать на людей, так как их «допуск» был отменен. Историки же спорить, как долго это заняло? Соглашаются, что недолго — где-то один тарианский год от запуска Колонн до бегства с Муины. Но это место выбивается такой график. Увидев город внутри, историки думать, что, вероятно, был убежищем, бункером, недоступным для ионотов. А ддора проникла, убила всех. Но целый город построить за тарианский год, всех туда переселить? Лантары строить здания так же быстро, как тарианцы? Если строить укрытие так скоро, зачем тратить время, покрывая стены изображениями? И ддора... когда мы касаемся платформ, она реагирует мгновенно. И убивала бы быстро. Жители в город умерли бы мигом, если б ддора. К тому же слышу ее

только я. Не было бы времени, чтобы попытаться сбежать и погибнуть на выходе в давке. А если бы выброс эфира, то все падал бы на месте, как тогда сетари. Если же эфир проникал медленно, не заперлись бы они в комнатах? Вентиляционные шахты, которые нашли, тоже перекрыты эфирным камнем. В общем, люди явно не должны были выжить, когда поднять эфирные щиты.

Обычно я не пытаюсь так много говорить по-тариански, так что к концу немного запуталась. Но Рууэл все равно наверняка уже знаком с большей частью этих предположений, ведь историки обсуждают их последние несколько дней. Он, однако, терпеливо меня выслушал и заметил:

— Нужно учитывать вероятность, что здесь была и другая угроза. Что-то, от чего лампы не могли защититься.

Я покачала головой:

— Сам сказал. Предательство. Думаю, возможно, именно лампы убить людей здесь.

По лицу Рууэла было не понять, что он думает о моей теории. Он лишь спросил:

— Почему ты так решила?

— Из-за того, что город под землей и перекрыто все, даже вентиляция. И особенно из-за все эти богоподобных изображений. Египтяне так же со своими Боги-цари делали: сохраняли тела, строили для них огромные гробницы, окружали богатствами, рисовали на стенах сцены их жизни. И следили, чтобы в загробной жизни им прислуживать домочадцы.

Рууэл нахмурился:

— Домочадцы?

— Слуги. Их или убивали, или замуровывали в гробнице, пока жить. — Я вздохнула. — Пример не совсем подходит, если здесь то же самое, то происходило бы по всей планета. И строить дома для слуг внутри гробницы — необычно. Но если людям сначала сказали, что это укрытие, а потом запереть внутри, и смерть из-за поступков лампы — это больше похоже правда, чем что-то еще.

— Вероятно, мы узнаем больше завтра. Техники скоро откроют четвертый уровень.

Судя по отрешенному выражению лица, Рууэла кто-то вызвал по интерфейсу, так что я совсем не удивилась, когда он ушел, напоследок велел мне пообедать.

Приказ я сознательно проигнорировала. От одной мысли о встрече с кем-то из девятого отряда мне становилось так плохо, что еда бы просто не полезла. Но когда я могла от чего-либо сбежать? Никогда. Келин привела Анью и Ревва и заставила их извиниться. И если Ревв казался искренним, Аня извинялась не слишком вежливо и явно фальшиво. Еще раньше я задумалась, ляжет ли вся вина на одного только Ревва, но, кажется, лгать цуру Селки не мог никто. Да и всем, кто когда-либо сталкивался с девятым отрядом, было понятно, что именно Аня станет зачинщицей злых шуток над бродягой.

Отослав их с Реввом, Келин извинилась теперь уже от своего имени.

— Предпочла бы, чтобы никто не заметил, — сказала я. — Создала проблему для других из девятого.

— Наша проблема прилетела вместе с нами. Надеюсь, когда-нибудь мы с тобой поработаем.

Она ушла, а я немного повеселела. Ведь Келин впервые не выглядела так, словно у нее раскалывается голова.

Через некоторое время прибежала Мори и отвела меня обедать, чему я совсем не удивилась. Рууэл не пренебрегает психологическими аспектами.

После обеда мы отправились в околопространство, где пытались проложить маршрут к Пандоре. Но хотя путь, по которому шел Пар, вел вроде бы туда, одни из врат оказались вращающимися, и складывалось впечатление, что они скоро переместятся. Так что Рууэл решил перенести поиски на другой день. Когда мы вернулись, девятого отряда уже не было — улетели на «Литаре», — и я уже не чувствовала себя такой смущенной, что не могла говорить даже с четвертым отрядом.

Но все равно, лучше бы день прошел по-другому.

Лишь к обеду серые костюмы наконец справились с, как они сами выразились, дополнительным, намеренно установленным щитом вокруг нижних уровней. Внутри отправили только четвертый отряд, так как отряду-один пришло время дежурить. Хорошие новости — других препятствий мы не встретили, потому смогли спокойно перемещаться по трем комнатам четвертого уровня и спускаться на пятый. Плохие новости — тут нет ни библиотеки, ни большой стены с выбитыми на ней объяснениями происходящего, ни каких-либо надписей.

Кроме имен, вырезанных на саркофагах.

Если бы это место не пугало до чертиков, я бы, может, и возгордилась своей удачной догадкой. На четвертом уровне не так плохо, лишь появляется ощущение какой-то придавленности. Но, думаю, его можно списать на глубину и жутковатую атмосферу всего подземелья. Пространство здесь разделено на клиновидные сектора, каждый занимает треть круга, с единой внешней ступенчатой стеной. Очень похоже на учебную аудиторию амфитеатром, только вместо сидений — стоящие под наклоном саркофаги. Меньше египетских и далеко не так богато украшенные, так что по ощущениям ты будто в комнате, полной глядящих на тебя сверху вниз металлических людей.

Пока мы делали первичный осмотр, интерфейс Сонн транслировал происходящее для все растущей группы серых костюмов; правда, доступ к каналу связи и возможность комментировать имели только главные — в данном случае цен Хелада, ислен Даффен, ислен Тезарт и цур Селки. Явно потрясенная ислен Даффен попросила показать саркофаги поближе, и мне впервые выпал шанс последовать инструкции Рууэла вмешиваться, если что-то не так.

— Они казаться размытыми кому-то еще? — спросила я дико извиняющимся голосом. Слишком привыкла во время миссий молчать и сейчас чувствовала себя неловко, открывая рот, когда вздумается.

— Покажи. — Рууэл подал знак четвертому остановиться.

Я перенаправила картинку со своего интерфейса на общий канал. Попроси они описать размытость, мне бы пришлось туго. Казалось, будто на саркофаг накладывается еще один саркофаг, а на него еще и еще, и все последующие словно бы немного смещены. Не все силуэты были нечеткими, но при этом некоторые — намного сильнее других.

— Осмотрись, — скомандовал цур Селки, и я медленно обвела взглядом помещение.

Нашлось еще несколько размытых предметов, но с саркофагами, конечно, не сравнить. Стены украшали вырезанные изображения людей в полный рост, застывших в чопорных позах и с гордостью взирающих на уже знакомую нам богоподобную троицу. И эти участки стен были размыты особенно сильно. Даже Халла расплылась несколько раз.

— Жизненные показатели выше нормы, — сообщил Рууэл. — Возвращаемся?

— Пока нет. Девлин, держи канал открытым и, если что-то изменится, сообщай.

Мы продолжили исследовать четвертый уровень, который по-прежнему оставался впечатляющим, жутковатым и — в моем случае — нечетким. И так как состояние мое не ухудшилось, лишь видно было небольшое напряжение, мы отправились в последнюю комнату.

Увидев там три саркофага, повернутых к стоящей посередине комнаты малахитовой

мраморной глыбе (при этом казалось, что на поверхности находится лишь одна треть камня), я совсем не удивилась. Правда, «увидев» — это громко сказано. На самом деле я вглядывалась в белые, серые и золотистые пятна, пытаюсь определить очертания предметов. Позже я пересмотрела общий канал, желая понять, как все выглядело для остальных сетари. Когда Рууэл и Халла переходили от одного видения к другому, они лицезрели совсем другую, но не менее странную картину. Включая черный туман и призрачные человеческие фигуры.

Саркофаги же были похожи на предыдущие, только красиво стилизованные и богато украшенные золотом, серебром и черным металлом.

— Впечатления? — спросил цур Селки.

— Центральный камень — источник защитного поля, — сказал Рууэл. — А еще... очень много всего, но интерпретировать я не могу.

— Опасность, — добавила Халла. — Едва... едва ли не активная угроза.

Рууэл перевел взгляд на меня. Думаю, и в качестве напоминания, чтобы я не молчала, если что, и дабы проверить, как я справляюсь. Интерфейс наверняка показывал, как быстро бьется мое сердце. Самой мне казалось, что я медленно-медленно взбираюсь на гору.

— Давит. — Боже, как глупо это звучит! Но я все равно продолжила: — Как сила тяжести. Тянет все к земле. Деформирует.

— Поднимите Девлин наверх, — коротко скомандовал Селки. — Затем сопроводите техников вниз. Ни к чему не приближаться, пока не закончим все возможные проверки.

Меня отправили прямиком к медикам, которые сказали, что, скорее всего, я применила какую-то разновидность видения. Вероятно. К тому моменту у меня дико разболелась голова — что, очевидно, случается с каждым, кто учится использовать свои таланты. Услышав это, я еще больше пожалела детей, включенных в программу подготовки сетари.

Я застряла у медиков на большую часть дня — сканирование мозга, — но не то чтобы за это время произошло что-то интересное. С предосторожностями техников сопроводили вниз, и те провели день, обследуя все подряд и пытаюсь выяснить, что, черт возьми, происходит с комнатой.

И вот уже утро. Ночь я провела в медицинском отсеке «Диодела» под тщательным присмотром, и наконец меня отпустили, впрочем, так и не разобравшись, что значат эти расплывчатые наслоения.

Сразу же после завтрака прибыла «Литара» с, как мне показалось, десятитысячной толпой на борту, включая восьмой отряд. Во время совместных тренировок и миссии в Пандоре у меня не возникло с ними проблем, и сейчас я порадовалась, что буду работать с уже знакомым отрядом. Но все равно, здороваясь с ними, чувствовала себя страшно неловко. Глупо, понимаю. Но ведь я знала, что до отлета они все успели услышать, что кто-то из девятого слишком сильно дразнил бродягу и был за это наказан. Видимо, слухи в том или ином виде дошли до всех сетари, так как первый в полном составе забросал меня встревоженными сообщениями, прося обращаться к ним в любое время, если мне что-то понадобится. Даже Зен прислала длинное письмо с подробным рассказом о последних событиях своей жизни. Такой у Зен способ оказывать поддержку, при этом не влезая в психологические аспекты. Из новостей: Зи идет на поправку, первый и двенадцатый вернулись на Тару и выходят на маршруты в обычном режиме. Охранять Пандору сетари больше не отправляют, ибо ддора и сама отлично справляется с этой задачей.

На «Литаре» также прибыли коларцы, в большинстве своем археологи. До сегодняшнего дня коларцев на Муине было не очень много (лишь отряд сетари да явившийся с ними индивид, чья задача, кажется, сводится к наблюдению за происходящим и докладам правительству). Не знаю, повлияет ли как-то увеличение их числа на расстановку сил в экспедиции, но оно точно усложнило мое утро. Ислен Даффен «забронировала» меня на несколько часов — рассказать одному из ее главных подручных все, что я знаю о гробницах, похоронных ритуалах древних египтян, саркофагах и, судя по всему, обо всех верованиях и религиях на Земле. Прекрасно понимая, как мало знаю, я очень боялась спутать реальные исторические факты, мифы и эпизоды «Звездных врат». И ситуацию отнюдь не улучшало то, что меня допрашивало шесть человек (четверо коларцев и двое тарианцев), которые или ругались друг с другом, или оспаривали мои слова, или нетерпеливо меня одергивали и критиковали, так как я не могла ответить на все их вопросы (до сих пор говорю относительно медленно и бессвязно).

Караул сегодня выпал Араду Налазу из отряда-один, и он решил нести его с соседнего со мною камня. Его помощь оказалась неоценимой. Когда допрашивающие переходили границы, он лишь поворачивал голову и одаривал их отсутствующим взглядом своих глаз аля Лоуренс Аравийский, после чего все сразу же затихало и становилось вежливыми со мной и по крайней мере цивилизованными по отношению к друг другу. Хотя так и не скажешь, что они вообще обращали внимание на Арада. Позже я поблагодарила его за помощь, чем, кажется, слегка его позабавила, пусть он и сделал вид, будто ни при чем.

В любом случае, не думаю, что мой бессвязный рассказ о мифах и легендах Земли хоть как-то помог. В смысле, конечно, что-то общее есть, но ясно же, что случившееся здесь разительно отличается от пирамид и замурованных внутри них мумифицированных фараонов.

Весь вчерашний день и сегодняшнее утро техники сканировали открытые комнаты. Принято решение дождаться результатов изучения центрального камня и лишь тогда браться за пятый уровень, пока же — сосредоточиться на четвертом. Вскрыли часть саркофагов, чему мы с четвертым отрядом стали свидетелями. Некоторые оказались пустыми, в других обнаружались тела. Техники думают, что умершие, вероятно, сначала были сожжены и лишь

потом помещены в саркофаги. Странная штука — останки есть только в неразмытых.

У меня по-прежнему ни одной идеи, что может означать эта нечеткость. Рууэл сказал, мол, мне следует научиться отключать видение, так что провожу время, пытаюсь заставить размытость исчезнуть. В итоге усталость и раздражение. Кажется, ни один из моих так называемых талантов, коих я приобрела неописуемое множество, не стремится следовать моим командам. Они просто обрушиваются на меня.

Как и головные боли.

Малахитовый мрамор

Все утро Сонн использовала меня как боксерскую грушу. Коллекция синяков растет.

Пока мы тренировались, отряд-один охранял археологов. Саркофаги на пятом уровне оказались пустыми, и после обеда ученые решили приступить к изучению «малахитового мрамора», как я его про себя обозвала. Серые костюмы называют его камнем силы.

Какая роль у камня, кроме запечатывания входов, непонятно. Серые костюмы не уверены, что случится, если кто-то коснется его или попытается им управлять, поэтому эвакуировали всех из комплекса на берег озера. Благо, хоть погода наладилась. А затем они отправили на пятый уровень Сонн (из-за ее способности управлять Эной) и Мори (телепортация) с запасом воды и еды на экстренный случай.

План был такой: Сонн, управляя Эной, должна заставить камень опустить щит, если же в ответ он закроет входы, созданные серыми костюмами, или вообще взорвет все сооружение — что, конечно, будет страшно забавно, — Мори попробует их оттуда телепортировать.

Рууэл был категорически против. Он не возражал вслух, не казался раздраженным, ничего такого. Но почти все время провел с полуприкрытыми глазами и приказы отдавал даже более четкие и точные, чем обычно. Думаю, Канато из восьмого отряда разделял его недовольство. Может, потому что весь вчерашний вечер они с Мори о чем-то тихо переговаривались. Мне и самой мысль о ней, пойманной в ловушке среди саркофагов, нравилась не больше, чем Рууэлу или Канато. И о Сонн я волновалась. Конечно, она так себя ведет, что мне трудно проникнуться к ней симпатией, но я ценю ее подход к нашим тренировкам. Впрочем, я бы никому не пожелала оказаться под толщей горы, даже пятому отряду.

Но ничего страшного не случилось. Способен малахитовый мрамор делать что-то еще или нет — черт знает, но команду снять печать он выполнил моментально. Рууэл открыл глаза до их обычного состояния и едва не застучал меня за подглядыванием. Хотя кого я обманываю — мне совершенно точно надо перестать за ним наблюдать, уже же понятно, как легко он отслеживает подобные вещи.

После снятия щита серые костюмы снова провели ряд сканирований и попросили разные таланты коснуться камня, дабы определить, что он может. Похоже, всех коснувшихся камень заставляет нервничать, особенно Халлу. И говорят они одно и то же — превосходство. Каким-то образом камень дает власть. Халла говорит, власть над другими людьми, Селки — над миром, Рууэл же сказал просто — власть.

Естественно, потом они решили, что и я должна коснуться мрамора. Голова сразу же разболелась, и расплывчатым стало все вокруг. Казалось, будто внутри все вибрирует, даже кости, и я с трудом справилась с рвотными позывами и не наблевала на таинственный мистический камень.

Сегодня один из тех дней, когда мне безумно хочется устроить истерику. Так как нурийцы назвали меня пробным камнем, а малахитовый мрамор — это большой камень (от которого мне плохо), серые костюмы, разумеется, захотели провести миллион тестов и потратили на это целую вечность. Ну, не вечность, конечно, но ощущение именно такое. Наконец цур Селки разрешил мне вернуться на корабль и в стомиллионный раз просканировать мозг.

Выйдя от медиков, я все еще помирала, так что плюхнулась в свою капсулу, да так и

лежала и дулась, пока не уснула. И разумеется, проснулась, когда заснули все остальные. Надо снова отключаться, иначе вырублюсь завтра в середине дня.

Итак, меня вернули на Тару.

Вообще весь сегодняшний день вынес мне мозг. Началось с очередного сна о Рууэле. В полудреме я прекрасно сознавала, что Рууэл здесь, в моей капсуле, но при этом не испытывала присущей снам логичной уверенности, которая позволяет спокойно воспринимать все увиденное, неважно, сколь оно невероятно. То есть я думала, что по какой-то причине он действительно забрался ко мне в капсулу и прижимается к моей спине! В голове с сумасшедшей скоростью проносилось: «Что происходит? Что происходит?! ЧТО ПРОИСХОДИТ?!», а затем Рууэл потянулся вперед, и я подумала, что он собирается поцеловать меня в шею, сделала глубокий судорожный вздох и... проснулась. Я лежала в той же позе, что и во сне, только без Рууэла. Нанокостюм отсутствовал, то есть на мне было только нижнее белье и обвязка униформы. По идее, если ты спишь, интерфейс не реагирует на приказы, но, видимо, я все-таки отчасти бодрствовала. Хорошо хоть не сделала крышку капсулы прозрачной.

Спрятавшись в душе, я перебирала способы, которыми могла опозориться в таком полусонном состоянии, и тряслась от ужаса, стоило представить себя сейчас рядом с Рууэлом. Без понятия почему. Видение видения сложно описать, но, скорее всего, он не может пронюхать о моих снах сквозь защищенную капсулу. По крайней мере, об этом говорит все, что я здесь посмотрела и прочла. Если я окажусь рядом, Рууэл наверняка почувствует мое смущение, но все-таки это не дар все-про-всех-знания или типа того.

Впрочем, неважно. Через некоторое время мне удалось отвлечься от тревожных мыслей и посмотреть расписание на день. Четвертый отряд только что отправился на поиск надежного маршрута через пространства к Пандоре. А затем прибыла «Литара», и цур Селки сообщил, мол, меня возвращают на Тару. Тот дурацкий сон, когда четвертый улетел, не попрощавшись, оказался вещим, только наоборот.

Времени на сборы не дали, так как «Литара» должна была оставить груз и быстро отправляться. Я лишь ошарашенно высушила голову, схватила сумку и немного еды в дорогу. Но таки успела написать сдержанное прощальное письмо четвертому отряду с пожеланиями удачи, которое они получают, когда вернутся в реальное пространство. И как же я счастлива, что настраивала себя больше не думать о них как о «своем» отряде. Теперь по крайней мере могу сделать вид, будто рада подтверждению своей правоты. Только по пути на Тару, имея в полном распоряжении комнату с капсулами, я чувствовала себя страшно одинокой и оторванной.

Правда, совсем в одиночестве меня не оставили — подсунули серый костюм, чтобы следил, как бы по дороге я не слетела с катушек. Не помню, когда за мной в последний раз никто не наблюдал. Обычно это кто-то из сетари, или зеленый костюм, или серые, делающие вид, что не проверяют меня на предмет надвигающегося нервного срыва. Меня все это страшно раздражает, но, думаю, они считают, что слишком часто пренебрегают психологическими аспектами. С чего они взяли, будто перебрасывать полезную бродягу с одного задания на другое без предупреждения — хороший способ со мной работать, это уже другой вопрос.

Не просто полезную бродягу. Бродягу многоцелевого назначения. Я усиливаю способности, слышу ну очень громкие звуки, открываю забытые цивилизации и вижу

размытые штуки! Если верить расписанию, нянчиться со мной будет третий отряд. Долбанное переходящее знамя.

Но в сегодняшнем мрачном утре нашлось и хорошее. Цур Селки отправил ко мне техника по имени Войз Эука, чтобы воспроизвести земной календарь. После неизбежного медосмотра я провела с Войзом целый час, объясняя, как на Земле измеряют время и какие у нас есть виды календарей. Дала ему мобильник, чтобы он замерил разные единицы. Мы дотошно сравнили секунды и минуты в моем телефоне и на Таре, и кажется, Войз не считает поставленную задачу особенно сложной. Так что я могу перестать трястись, что потеряю телефон. Они целую программу напишут, лишь бы я была счастлива. Я даже високосные года вспомнила.

Едва прознав о моем прилете, первый отряд назначил встречу. Только им сначала пришлось сходить на маршрут, а еще мы чуток не совпали сменами, но после их возвращения все же собрались в квартире Мары и поужинали нунами. Блинчиками то есть.

Как же круто быть не на задании и вне прицела камер! Ну, настолько вне прицела, насколько позволяет мой второй уровень мониторинга. И не носить униформу круто, и есть еду, в которой куча сахара, а сколько калорий и полезных элементов, никого не волнует. И снова слышать поддразнивания Лона, и обнимать Мару, и видеть Мейза — ласкового и немного встревоженного за меня.

После ужина Зи, как я и ожидала, проводила меня до комнаты и учинила безжалостный допрос обо всей этой истории с девятым отрядом. А еще, к моему ужасу, возжелала узнать, что именно у меня произошло с пятым и седьмым, раз я не хочу с ними работать. Благо, в итоге выяснилось, что это закрытая информация, и Мейзу ее сообщили только потому, что он старший капитан сетари, а Зи спрашивала от его имени.

Я совсем не хотела вмешивать сюда Зен — не думаю, что она бы возрадовалась, расскажи я, как ее третировали, — так что просто объяснила, мол, видела отвратительное поведение Каджала и Форел по отношению к другим сетари, и рассказала о тестировании с пятым отрядом.

— Не думаю, что они сделать что-то мне. Просто считаю, им будет весело, если испугана или неловко. Отправляться вместе в Эну, нужно больше доверять отряду.

Просмотрев запись моего тестирования с пятым, Зи пришла в ярость и заявила, что я должна была кому-нибудь обо всем рассказать. Хотя бы о том, как они ушли вперед в Эне. Затем Зи спросила, есть ли кто-нибудь или что-нибудь еще, что причиняет мне беспокойство или делает несчастной, и я повеселила ее рассказом о знакомстве с отрядом-один. Она довольна, что с большинством сетари я нормально лажу.

Я так счастлива, что с Зи все хорошо. Весь первый отряд выглядит уставшим, но новых травм я на них не заметила. Ужас просто. Получается, встречаясь со своими ближайшими здесь друзьями, я в первую очередь проверяю их на ранения.

О, и сегодня день рождения Джулса. Поздравляю, негодник. Надеюсь, ты получил кучу подарков.

Таарел из третьего встретила со мной за завтраком и рассказала, что мы будем делать в ближайшие дни. Одни из врат, ведущих из околопространства в реальное пространство на Унаре, расположены дико неудобно — в пределах крупного пересадочного узла. Последние несколько десятков лет они медленно, но верно увеличивались, и местные власти вынуждены были постоянно расширять вокруг них шлюз. И если врата продолжают расти, то придется очень сильно все перестроить, а это вызовет кучу заторов и сложностей.

Едва стало понятно, что с моей способностью усиливать сетари есть вероятность на самом деле закрывать врата, зазвучали (и звучат все громче) требования закрепить за нами с Таарел обязанность «устранить наиболее досаждающие проходы». И вот наконец «мэр» Унары (лаханти), один из самых могущественных людей Тары, приказал КОТИС заняться этой проблемой в первую очередь. И решить ее. Похоже, вот и объяснение моему внезапному назначению.

Только вот даже с моим усилением это ужасно трудная работа, и по прикидкам аналитиков у нас с Таарел уйдут недели, чтобы запечатать врата в этом самом пересадочном пункте Рана. Однако, по их мнению, если Таарел начнет закрывать врата, а потом ей на помощь придут другие сетари, это ускорит процесс. Но выдернуть из отрядов самые сильные таланты по управлению Эной невозможно, особенно сейчас — ведь отряды охраняют и Муину тоже. Поэтому решено использовать самых способных из калрани.

Сегодня пробный день, проверка этой теории о совместных стараниях. После завтрака мы встретились с десятью отобранными калрани. Младшему из них двенадцать, старшему — примерно как мне. И все они такие донельзя правильные в своей кремово-коричневой форме. Тот, что мой ровесник — скорее всего, кандидат в четырнадцатый отряд. Тринадцатый уже укомплектован и проходит заключительные тренировки перед началом работы. Их всех переселили на мой этаж, правда, мы пока еще не встречались.

Кажется, все калрани знают Таарел. Ну, по крайней мере, знают достаточно, чтобы приветствовать ее «добрый день, тси Таарел». Я раньше об этом как-то не думала, но логично, если «выпустившиеся» сетари тренируют калрани в каких-то областях. Ну и конечно, сами сетари когда-то были калрани. И так как Таарел — это Таарел, я совсем не удивилась, увидев, что большинство ребят ею потрясены, немного нервничают и решительно настроены показать себя во всей красе.

Как относиться ко мне, они не знают. Я диковинка и потенциальный мощный усилитель их способностей. Они поздоровались, и я вежливо ответила, гадая при этом, слышали ли они о девятом отряде. И все, дальше держала рот на замке. Даже когда увидела, что работать придется в моей старой комнате в медицинском отсеке, а врата, на которых они хотят опробовать технику запечатывания, те самые, что я открыла в околопространство. Вообще, странно было видеть в своей комнате с панорамным окном шлюз. Разместили его там, где раньше стояла кровать. Также убрали одну стену, но для двенадцати человек места все равно не хватало, и мне приходилось внимательно следить за тем, где стою.

Объяснив калрани правила о прикосновениях к бродяге, Таарел усилилась и начала запечатывать врата. Показав, как это делается, она попросила всех калрани усилиться и по очереди попробовать повторить ее действия. Для меня сделали проекцию врат, но все равно было ужасно скучно — смотришь и видишь лишь детей, серьезно тарашащихся куда-то

вперед. Дейну, подростку лет четырнадцать, удалось запустить процесс закрытия. И бедняга так старался не показать, насколько это для него важно, что сначала побелел, а потом стал красным как помидор, когда Таарел наградила его быстрым одобрительным кивком. Рууэлу тоже отлично удаются такие кивки, только Таарел еще и тепло улыбнулась. Да, у нее определенно есть харизма.

Затем Таарел по новой усилилась и опять приступила к воротам, велев остальным сделать то же самое и по одному присоединиться к ней. Калрани приходилось прерываться раньше, чем истекали пять минут моего усиления, и восстанавливались они дольше. И все же не прошло и одного касе, а они полностью запечатали ворота. Выглядели ребята при этом совершенно выжатыми, но очень довольными.

После всех отправили на медосмотр. Ха-ха! Таарел сказала, что, скорее всего, нам одобряют отъезд на Унару завтра. Я ушла к себе и проспала до вечера. И снова мне снилось, что я брожу по бесконечным пустым коридорам КОТИС и ищу Рууэла. Уже второй такой сон после возвращения на Тару.

В десятом классе Алисса запала на Кайла Маркуса. Первый ученик школы, скрипач, он выигрывал дебаты, но был такой забавный, что его никто не ненавидел. Алисса и Кайл оказались в группе, которая помогала «Агуле» и Технической школе для мальчиков организовать совместный бал. Все полугодие Алисса была звездой. Болтая с ним, она подавала все сигналы. Но когда семестр закончился, и Кайл не пришел на вечеринку, которую она организовывала, подруга сдалась. Сказала, что поставит их обоих в неловкое положение, если будет бегать за ним, словно сучка в течке.

Не хочу бегать за тем, кому не интересна. И я правда очень, очень стараюсь не думать о Рууэле, не писать о нем. И не смотреть записи с ним, так как уверена, что второй уровень мониторинга предполагает отслеживание файлов, которые я изучаю. Но мне снова и снова снятся эти сны, а когда просыпаюсь, в голове только одно: Рууэл не здесь. Не спит через одну капсулу от меня. Он даже не на этой планете, и если позову — не придет. Боже, я такая жалкая.

Рууэл никогда меня не поощрял. Не выказывал ни малейшего интереса. Лишь выполнял по отношению ко мне свои капитанские обязанности. Вот только я не могу принять здравое, логичное решение перестать о нем думать — и тут же запросто его осуществить. Так что последние пару дней мне ужасно плохо. Потому что Рууэл, который ни разу не поболтал со мной, ни разу не попытался как-то узнать меня поближе, сейчас далеко. Мне не хватает его рядом. Ах да, из-за всего этого я вдобавок страшно на себя злюсь.

Таарел — хороший капитан, так что сразу заметила мой упаднический настрой, но она умна и не давит. Лишь приглядывает, проявляет внимание и всячески показывает, что, если нужно, я могу с ней поговорить. Конечно, говорить о своих чувствах к Рууэлу с ней я не хочу совсем. Если она деликатно так скажет, мол, они с Рууэлом обручены, я буду страшно унижена. И вообще. Прямо сейчас я просто не желаю знать, вместе они или нет.

Проснувшись, я обнаружила на кровати Тень, отчего тут же взбодрилась. Конечно, незаметно провести ее в Унару не получится, как не получилось и на Муину, но ужасно хочется. Хотя Тень всего лишь эхо бывшего, ведет она себя как самая обычная кошка: умная и хулиганистая, любит, когда ее чешут за ушами, мурлычет и ластится ко мне, словно сучала. И она моя, в отличие от всего остального здесь. Да, гладить ее было глупо, но из всех моих глупых поступков этот самый лучший.

А что пишут в Википедии?

Кажется, среди кучи выдумок обо мне в сети появились и крупинцы правды. Все утро читала разделы о самой себе (как те, что посвящены сетари) — их нашлось несколько десятков. И обо мне появилась запись в энциклопедии! Слава богу, без настоящих фотографий, но парочка достаточно точных рисунков есть. Выяснилось, что некоторые из друзей Ненны записали нашу встречу (я не удивлена — как же, встреча с бродягой), но, похоже, бродяг, как и сетари, невозможно сфотографировать. Мы, пока не пройдем всякие тесты, считаемся «попадающими под защиту недееспособными». Но можно записать наш голос и общие очертания. Боже, как же ужасно слушать свои тогдашние попытки говорить по-тариански! Я изъяснялась дико медленно и с ужасным акцентом, слова использовала не те, а уж грамматика! Удивительно, что меня вообще понимали. Я и сейчас не говорю свободно, и без интерфейса не могла бы выражаться правильно, но в целом с тарианским у меня хорошо.

Запись обо мне в энциклопедии гласит:

«Касзандра Девлин. Рождена приблизительно пятнадцатого денн три тысячи семьсот тридцать второго года в городе Озтралия, планета Зимля. Пройдя через естественные врата, оказалась на Муине приблизительно сорокового орд три тысячи семьсот восемьдесят пятого года. Обнаружена исследовательским отрядом сетари на руинах Горалата второго арн три тысячи семьсот восемьдесят пятого года. Первоначальное обращение как с переместившимся лицом. В последствии идентифицирована как усиливающий талант и прикреплена к сетари. Тридцать второго нейяз три тысячи семьсот восемьдесят шестого года в Горалате обеспечила признание одорой отряда сетари, остановив тем самым нападение одоры и открыв планету Муину для повторного заселения».

Похохотав над «городом Озтралия», я прочла статьи о «Зимле» и Пандоре, в которых, к сожалению, не было ни слова обо всех несчастьях мира, вырвавшихся на волю. На других, неофициальных, сайтах нашлось еще много всякого. Кажется, после объяснения, что Земля — это «сестринская» планета, враждебность ко мне почти пропала, но совершенно очевидно, что в этом мире у меня никогда не будет нормальной жизни. Даже слегка похожей на нормальную не будет. Ну, не то чтобы я питала иллюзии на сей счет.

КОТИС сделал несколько официальных заявлений о том, как меня нашли на Муине и прикрепили к сетари, но определенно не хочет афишировать, чем я занимаюсь сейчас. Ибо в сети ни слова ни об Аренроне, ни о нурийце. Готова поспорить, КОТИС расскажет об этом только когда не останется иного выхода.

Зато куча информации о Пандоре. Появилось множество зданий, которые уже активно используют; еще больше строится. И не все они массивные квадраты! Поселение сейчас сосредоточилось скорее на исследовании планеты, а не на раскрытии тайн ее прошлого. Люди изучают растения и животных, проводят пробные посадки всякого сельскохозяйственного. На фотографиях Пандора непередаваемо прекрасна — ярко-красная и золотая листва и аквамариновое озеро. Те, кого не пугает мысль оказаться на открытом воздухе, мечтают попасть в Пандору. Есть даже соревнование, где приз — визит в город.

На Унару отправимся сегодня после обеда. Последние дни я страшно неразговорчива. Надо начинать изображать Поллианну,^[1] а не Хмурзиллу.

Мы отправились на Унару сильно позже обеда. Прежде чем ступить на танзу, формой напоминающую наконечник стрелы, калрани в своей кремово-коричневой форме выстроились гуськом, и сразу же стало похоже, будто мы на школьном выезде. Только автобус у нас космической эры. Сегодня калрани были, пожалуй, еще более строги и напряжены. На их фоне Рита Орла и Тол Сефен из третьего, идущие впереди меня, казались абсолютно непринужденными. Половина их отряда — те, у кого нет видения боя — получила передышку, но Орле и Сефену приходится нянчиться с нами — охранять на случай, если сетари пропустили каких-то ионотов, и те вдруг выскочат на нас из врат.

Также в нашей команде несколько серых и зеленых костюмов, но нет сомнений, что главная здесь Таарел. Она начала с краткого рассказа, как мы будем добираться до шлюза, и указаний, что делать, если кто-то отстанет. По ее мнению, на запечатывание врат у нас уйдет от одной до двух недель (двенадцать дней).

После инструктажа подала голос одна из самых взрослых калрани, девушка по имени Пен Алаз. Она спросила, мол, если им удастся на самом деле закрыть врата, станет ли это одной из их обязанностей. Несколько калрани подались вперед — вопрос явно волновал всех. Учитывая, как долго они тренировались сражаться с ионотами в Эне, думаю, карьера на поприще латания стен между мирами кажется им столь же скучной, как и мне.

— Нет, не станет, — ясно, четко и серьезно ответила Таарел. — Транспортный узел Рана — полезное для нас упражнение, но те, кто требуют большего, плохо понимают ситуацию. Новые врата появляются все быстрее и быстрее. Ионоты множатся. На некоторых маршрутах мы сталкиваемся с группами в два, а то и в три раза больше обычного. И дальше будет только хуже. Мы должны бросить все силы на поиск глобального решения, ибо иначе, если разрывы продолжают возникать с той же скоростью, через пять лет КОТИС придется строить шлюзы не вокруг них, а вокруг тех немногих мест, где врата еще не появились.

— Это происходит из-за отключения Колонны?

Не успела я внутренне вздрогнуть, как Таарел опровергла:

— Нет. Если уж на то пошло, отключение, похоже, наоборот дало нам небольшую передышку и первые неоспоримые доказательства связи Колонн с продолжающимся разрушением стен между околостранством и реальным пространством. Раньше за год появлялось несколько новых врат, а старые немного расширялись. Совсем чуть-чуть, но все же. Однако за последние пять лет произошел скачок, а вместе с ним резко возросла популяция ионотов. Неудобно расположенные врата меркнут на фоне необходимости остановить это движение в пропасть, так что даже не думайте о запечатывании. На это нет времени.

Таарел не стала юлить. И хотя все, что она сказала, не секрет и озвучивалось новостными каналами, не принадлежащими КОТИС, я впервые услышала столь откровенную оценку происходящего. И в полной мере осознала перспективы. Неудивительно, что власти бросают все свои силы на Муину — отправляют людей и вливают ресурсы в планету, на которую несколько месяцев назад они бы даже не ступили. КОТИС пытается обогнать катастрофу.

Вчерашние слова Таарел отодвинули на второй план мои страдания на тему «о, я ему не нравлюсь» и хоть частично избавили от хандры. Орла и Сефен этому тоже поспособствовали — стоя на страже на случай нападения, они с удовольствием со мной общались. Калрани напряженно прислушивались к нашей бесцельной болтовне, но сами молчали. Со мной они вообще говорили лишь раз — когда нас представляли друг другу. Почему? Без понятия.

Транспортный узел Рана превзошел все мои представления о загруженности. Находится он в самом центре Унары и похож на Центральный вокзал, только в разы масштабнее. Если нужно перебраться из одного крупного района города в другой, вы доезжаете до Раны, а уж отсюда — куда надо. В общем, все дороги ведут в Рану. Потому металлическая коробка размером с двухэтажный загородный дом в одном из главных залов (где люди переходят с одной линии на другую) причиняет всем просто кучу неудобств. Конечно, нанотехнологии позволяют тарианцам достаточно легко изменять город, но перенос Раны вызовет колоссальную головную боль.

В Унаре личного транспорта почти нет — лишь «поезда», лифты и траволаторы. У службы спасения, военных и очень богатых людей есть маленькие проворные вагончики, которые носятся по линиям между обычными «поездами», а когда надо освободить дорогу — прячутся в небольшие «карманы». От нашего странного «правительственного» отеля до Раны мы добирались именно в таких. А оставшиеся пятьдесят метров до шлюза, перед входом в который поставили палатку, шли пешком в сопровождении местной полиции. Официальных заявлений о том, что сетари попытаются запечатать ворота, не было, но, заметив нашу униформу, толпа напряглась. У большинство жителей Унары нет возможности даже мельком увидеть сетари во плоти. Да и на своем родном острове, Конне, они редко ходят в форме. Обычно сетари появляются в городах Тары в подобном виде, только когда охотятся на ионотов, прорвавшихся в реальное пространство, а в таких случаях врубается тревога и начинается эвакуация.

Что ж, когда сотни людей оглядываются, замедляются, да просто останавливаются и тарачатся, образуется серьезный такой затор. Сотрудник транспортного департамента, ответственный за устройство нашего «лагеря» (суетливый бородатый мужчина по имени Марда), спешно проводил нас в большую палатку и долго выговаривал многострадальной главе полицейского отделения, дескать, нужно проследить, чтобы возобновился ход пассажиров. Уверена, Марда сомневался, что сетари под силу запечатать ворота, и думал, будто наши попытки — совершенно лишнее осложнение его и без того сложной работы.

Шлюз оказался больше обычного, с дополнительным сканирующим оборудованием и, видимо, каким-то оружием. К тем нескольким дням, что мы здесь проведем, подготовились: привезли низкие мягкие кресла и столики с едой и горячими напитками и даже поставили в угол переносной туалет. На самом деле ну очень странное зрелище — вся эта мебель, расставленная вокруг большого пустого пространства, что окружает шлюз.

Первым делом Таарел попросила Анаси, хрупкого подростка лет пятнадцати, с помощью иллюзии очертить ворота. В принципе она могла бы показать нам через интерфейс то, что благодаря таланту видела сама, но, думаю, для наших зрителей так нагляднее. Ворота оказались огромны. Намного больше вчерашних, и они уже начали разрывать пол шлюза. Словно дерево пустило невидимый корень.

Суэта снаружи не стихала. Я проглядывала источники сплетен и каналы, посвященные сетари, и те почти сразу же показали нашу палатку и охрану рядом. Не прошло и десяти минут, как руководство вокзалом объявило этот зал «пустой зоной». То есть если кто-то будет находиться здесь больше пяти минут, не имея при этом разрешения, или станет снова и снова сюда возвращаться, его интерфейс начнет издавать отвлекающий шум. И чем дольше нарушитель находится в неполюженном месте, тем громче звук. Тех немногих, кто способен это терпеть, выпроводят персонально.

Противоположная сторона зала не попала в «пустую зону», и внезапно расположенные там кафе стали самыми популярными заведениями на планете. Через некоторое время им даже понадобилась помощь полиции, чтобы контролировать поток посетителей. Трансляцию на новостных каналах начали уже через пять минут после нашего прибытия, и журналистам каким-то образом удалось выбить из руководства вокзала официальное заявление о запечатывании врат. Обо мне не было сказано ни слова, но сразу же пошли разговоры, и мое присутствие признали подтвержденным неофициально. Неудивительно, ведь люди неплохо знают силы сетари, и прежде те никогда не запечатывали врата. Некоторые из зевак были в восторге от перспективы увидеть меня, но большую часть намного сильнее интересовали сетари. А калрани, думаю, вообще вызвали экстаз, ведь вне КОТИС в униформе их никогда не видели.

Таарел, которую суматоха снаружи ничуть не смущала, решила, что сегодняшняя работа продлится полтора касе. После первого касе самые юные калрани останавливались. Объявив, что на сегодня все, Таарел попросила Анаси снова проявить врата. Те, как мне показалось, уменьшились на одну пятую.

— Еще четыре сессии, — сказала она Марде, который тарацился на очертания врат так, словно бы наконец поверил, что это может сработать.

Последовала небольшая пауза, пока шли приготовления к нашему отъезду: переместили наш вагончик, так чтобы он мог выехать и спрятаться за поездом, прибывающим на ближайшую платформу. Тем временем полиция установила очень полезную герметизирующую стену — два ряда двухметровых палок, которые создали размытый щит. Разумеется, всем сразу же стало понятно, что мы уезжаем, и внезапно тысячи (ну никак не меньше!) людей хлынули в зал. Позже в новостях скажут, что они поджидали на ближайших «улицах». Восторженные разговоры отдавались эхом, и гул стоял невероятный. Быть затоптанными нам не грозило, так как полиция легко могла оценить потенциальную угрозу, и все же мне их жаль. Обеспечивать безопасность в таких условиях — суцая головная боль.

Когда мы вышли из палатки, толпа взорвалась. Ответив быстрой улыбкой и кивком в сторону зрителей, Таарел торопливо провела нас к платформе и дальше — в закрытый сектор. Она следила за калрани, чтобы те в своем ошеломлении не отстали, а Орла и Сефен встав по бокам, сопровождали меня. Обратная дорога от шлюза до платформы показалась мне намного длиннее.

Все, кроме Орлы и Сефена, вымотались. Я умудрилась не заснуть в поезде, но, едва оказавшись в своем номере в отеле, свалилась и проспала четыре часа. Наверное, как и все остальные. Таарел, правда, сначала пришлось отчитаться — цена капитанского звания. К счастью, мы тут не одни, и пять-шесть человек из службы поддержки КОТИС следят, чтобы все шло своим чередом, пока мы спим. Что мы делаем часто. Через полчаса ужин, а затем медосмотр. Бе.

Я смутно надеялась, что, пока мы здесь, удастся походить по магазинам, ибо покупки

через интерфейс совершенно не то. Теперь уже сомневаюсь, что это реально.

Сегодняшний день — повторение вчерашнего, разве что зеваки уже нас ждали. Хотя в попытке избежать ажиотажа мы начали на несколько часов раньше, а завтра планируем приступить на несколько часов позже — чтобы таланты по манипулированию Эной смогли получше отдохнуть. Говорят, если понадобится, мы даже пропустим один день. Мне страшно интересно, почему нас просто не переодели, вместо того чтобы устраивать весь этот цирк. Видимо, с интерфейсом это сложно. Плюс тот факт, что на Таре отсутствует ночь, когда большая часть людей отправляется домой, да и врата расположены в таком месте... Получается, даже появись мы не в форме, толку уже не будет.

Сегодня почти весь день меня терзает неуверенность в себе. Вчера куча народа увидела бродягу, вновь открывшую Муину, и конечно же, все поспешили высказаться. Издалека они, похоже, не разглядели мои разноцветные глаза, зато сколько пошло разговоров о том, какая же я «суюл». Ужасно некомфортно.

Суюл — висячий бледно-розовый цветок, и, называя меня так, они говорят, что я стеснительная. Как на Земле принято считать рыжеволосых темпераментными, так и на Таре верят, что белокожие люди — стеснительные, боязливые и немного даже бесхарактерные. И то, что вчера после одного потрясенного взгляда на толпу я опустила голову и только краснела, способствует этому впечатлению. Просто весь этот ажиотаж, шум... я растерялась.

Перестать читать комментарии о самой себе я не могу. И теперь каким-то непостижимым образом остро осознаю не то, как выгляжу сама, а как выглядят другие. Почти все мои знакомые здесь — азиаты. Из близких мне лишь про Лона и Зен можно сказать, что они европеиды. У них только разрез глаз немного не европейский. Раньше я об этом почти не думала. Зато думаю сейчас — после всех замечаний о цвете моей кожи.

В итоге сегодня ушло слишком много времени на раздумья — то ли я расист, то ли просто злюсь, так как и правда немного стеснительная и не умею драться.

[1] Поллианна — героиня романа Элинор Портер "Поллианна" (1913), очень живая, говорливая и жизнерадостная. Она учит окружающих игре «в радость».

После сегодняшней смены я возвращалась в отель с одним-единственным желанием — принять душ и проспать несколько суток. А зайдя в номер, обнаружила там какого-то мужчину.

Я чертовски испугалась. Скорее потому, что устала и никого не ждала, а не из-за каких-то его действий. На самом деле он всего лишь улыбнулся и заговорил. Я же сначала замерла на мгновение, затем вышла из комнаты и в кои-то веки подала сигнал тревоги. И только тогда до меня дошли его слова: мужчина представился и сообщил, что хочет взять у меня интервью и дать таким образом возможность высказаться без контроля КОТИС.

Буквально через несколько секунд в коридоре возникли Таарел и Сефен — при оружии и с крайне грозным видом. Следом появилась Орла, затем один из зеленых костюмов, что обычно нас сопровождали, а потом еще куча народа: сотрудница безопасности отеля, другие члены нашего эскорта и большинство калрани.

В итоге мне даже стало жалко репортера. Он поднял руки, показывая, что ничего не замышляет. Сетари не стали его атаковать, лишь заслонили меня — наверное, видение боя не посчитало его угрозой. Однако зеленый костюм все равно его скрутил, бросил на пол и для надежности прижал коленом. Затем в комнату услужливо зашла охрана отеля и розовый костюм, и мне кажется, по бедному репортеру даже немного потоптались.

Таарел хотела было вывести меня из номера, но я уперлась и попросила ее подождать. А когда гам немного утих, сказала:

— Я не под давлением. Но спасибо за предложение.

Правда не уверена, что мужчина меня услышал.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Велев жутко измотанным калрани идти следом, Таарел проводила нас в большую гостиную и исчезла. Сефен и Орла были по-прежнему начеку, на случай если вдруг появятся более агрессивные репортеры. Через несколько минут Таарел вернулась и сказала, что нас переселят на другой этаж. Внимательно осмотрев всех калрани, которые хоть и казались потрясенными, бдительности не утратили (что, учитывая возраст самых младших, страшно сбивало с толку), она отвела меня в сторонку, к дивану, и спросила, тронул ли он меня, причинил ли боль. Так как мы были уже не на задании, Таарел не могла просмотреть запись моего интерфейса. Не тот уровень доступа.

— Думаю, он хотел только говорить. — Я с готовностью отправила запись с моего канала «вне миссий», которая показала, как я зашла в номер и вышла. — Сожалею о тревоге. Я удивилась и не поняла, что это просто репортер.

— Поднять тревогу — самая правильная реакция, — с отсутствующим видом возразила Таарел, просматривая запись. — Совершенно неважно, репортер он или нет. Чтобы оказаться у тебя, он должен был обойти систему безопасности и явно не самыми законными средствами.

— Переселяемся, чтобы просканировать комнаты?

— И потому что наше расположение должно оставаться тайной. Все обставят так, будто мы переехали в другое здание, но мы лишь переместимся на другой этаж.

Возбуждение от случившегося очень быстро схлынуло, и я отключилась на диване, проснувшись через несколько часов в другой комнате. Не люблю, когда меня таскают туда-

сюда спящую. Или трогают мой рюкзак. Не знаю, лазил ли репортер по моим вещам, но ничего не пропало, и дневник и телефон вроде бы в порядке. Думаю, их тоже просканировали. К счастью, перед ужином не было никаких дополнительных проверок или каких-либо задержек, ибо я просто умираю с голода.

Происшествие с репортером даже побудило нескольких калрани заговорить со мной. Начала Пен Алаз, одна из двух самых взрослых калрани, моя ровесница.

— Почему ты его поблагодарила?

Алаз не очень-то дружелюбная и веселая, но и не злая. Она похожа на Дженни из моего математического класса — вундеркинд без навыков общения, с манерой задавать внезапные вопросы лишь потому, что вдруг захотелось узнать, и неважно, вежливы они или нет.

Проглотив кусок хлеба (очень странного липкого коричневого хлеба, который по вкусу напоминает затвердевший веджимайт [1]), я ответила:

— Потому что он предложил помощь, если мне нужна. Думаю, по большей части хотел хорошую историю, но я оценить жест.

— По сути, потенциальный спаситель, — заметил Тахан Морел, второй из старших калрани.

Тахан высокого роста, с пронзительными карими глазами, прямыми черными бровями и очень выразительным широким ртом. Нельзя сказать, что он враждебен, скорее саркастичен и любит бросать вызов. Что довольно освежающе на фоне того, как ко мне относятся остальные.

— И нет ничего, что тебе хотелось бы сказать миру?

Я задумалась.

— Только то, что официальная энциклопедия исковеркала слово «Австралия».

Тахан засмеялся:

— Готов поспорить, он ждал совершенно другую историю.

— Тебе и правда не на что жаловаться? — не поверила Алаз.

— Есть, конечно. Постоянно жаловаться на тренировки. Ненавижу, что не могу гулять одна. Отвратителен второй уровень мониторинга. Какой смысл говорить все это репортеру?

— Не припоминаю, чтобы кто-то фиксировал твои жалобы на тренировки, — развеселилась Таарел.

— Мара говорит, что корчить кожи — все равно что жаловаться.

К несчастью, этот разговор побудил Таарел запланировать для нас на завтрашнее утро тренировку, хотя ей пришлось потрудиться, чтобы найти подходящее помещение. Хорошо, что все больше людей хочет со мной общаться. И интересно, кто попадет в четырнадцатый отряд — Алаз или Морел?

Вся эта история с репортером вдруг заставила меня понять, что куча его коллег, скорее всего, запрашивала у КОТИС разрешение взять у меня интервью. Что самые разные люди по самым разным причинам пытались со мной связаться, а мне ничего об этом не сообщали. Не знаю даже, беспокоит меня это или нет.

Вчера после ужина на связь вышел Мейз. В основном, чтобы обсудить репортера, но также и просто поговорить обо мне и о моем вероятном будущем в ближайшие несколько лет. Он, конечно, не предрек грядущие события, но подтвердил, что черта с два я смогу куда-либо ходить без телохранителей. Я немного поныла про полное отсутствие контроля над тем, что делаю, и про то, как порой бесят все эти ограничения, пусть я и понимаю, что они для моей собственной безопасности.

К счастью, дальше разговор перешел к событиям на Муине, и я с радостью поняла, что Мейз весьма ими взбудоражен. Его немного смущает Аренрон, но отнюдь не расстраивает мысль, что лантары были даже более самонадеянными, чем все считали. Как и в случае с обнаружением Колонны, Мейз верит, что Аренрон поможет докопаться до сути проблем, вставших перед тарианцами. По его словам, лучше сначала узнать побольше и лишь потом отключать другие Колонны, поскольку на самом деле мы понятия не имеем, будет ли от этого толк. Мейз согласен с мнением Таарел, что вопрос стоит очень остро, но сейчас есть хоть какой-то шанс продвинуться, а не просто бесконечно сражаться с постоянно растущим поголовьем ионотов.

— И, — добавил Мейз, прежде чем попрощаться, — несмотря на слова нурийца, что твой талант невероятно редок, поиск Земли — по-прежнему приоритетная задача. Так как мы знаем, что где-то в районе Пандоры расположены естественные врата, всем сетари с видением пути дан приказ их искать.

Мейз бодрился, но я знала, что он устал. И так как я — один из источников его тревог, нужно постараться свести уровень драмы в моей жизни к минимуму.

Утром была тренировка. В конференц-зале, между небольшой сценой и стульями, сдвинутыми к одной стене. Думаю, Таарел хотела, чтобы калрани немного размялись, дабы уравновесить ту безумную нагрузку, которая приходится на них при управлении Эной. Но это не означает, что Таарел дала нам какие-либо поблажки.

Мои навыки в рукопашке настолько базовые, что я по-прежнему отрабатываю блокировку простейших ударов. Меня с легкостью вырубит двенадцатилетка, и несмотря на это, Таарел встала со мной в пару. Не могу сказать, насколько она хороша в сражении — по мне, так они все смертельно опасные, — но она оказалась терпеливым учителем. Подбадривала меня, однако снова и снова заставляла быть более агрессивной. А затем сказала, что мне надо преодолевать свое нежелание бить людей. Я прежде об этом не задумывалась, но, полагаю, она права — я действительно каждый раз вздрагиваю при мысли, что надо кого-то ударить. Мне понравилось тренироваться с Таарел, пусть она и обращается со мной, словно мне на несколько лет меньше, чем на самом деле.

К суматохе, что поднимается при каждом нашем появлении на транспортном узле, мы уже привыкли. И внимания к нам меньше не становится, как бы ни сдвигалось время приезда и отъезда и каким бы коротким ни был визит. А вот атмосфера внутри палатки изменилась — мы больше разговариваем. Главная тема по-прежнему «Муина», и мы обсуждаем последние новости. Исследовательские команды все больше расширяют границы известных территорий планеты и присылают совершенно потрясающие записи своих обзоров с воздуха. Муина очень красива — покрыта буйной растительностью, и лишь иногда встречаются засушливые зоны, которые так широко распространены на Земле. Огромных

морей и океанов тоже нет, скорее, равномерное чередование суши и озер.

Осталось поработать здесь всего один день, и кажется, он будет короткий. Надо закрыть лишь десятую часть первоначальных врат, и мы планируем закончить с этим сразу после завтрака.

Унара говорит «спасибо»

Все, дело сделано. Думаю, сейчас счастливее всего полицейская охрана, хотя готова поспорить, что и калрани рады завершению. За местом бывших врат будут пристально наблюдать ближайшие несколько лет, вдруг те снова откроются. Но когда мы вернулись в отель и приступили к нашим пострабочим медицинским осмотрам, огромный металлический шлюз, что занимал половину зала на протяжении нескольких десятилетий, уже начали разбирать. В новостях звучали счастливые речи чиновников о закрытии врат и восторженные отзывы фанатов сетари о том, кто и как выглядел и что, когда мы покидали Рану, Кинеар (один из двенадцатилетних близнецов, которые росли бы шалунами, если бы не стали калрани) обернулся и помахал на прощание собравшейся огромной толпе.

И только я решила, что все закончилось, как пришла Таарел и сказала, мол, лаханги (мэр) Унары пригласила нас на ужин. Хотя для нас это скорее пятичасовой чай. Через несколько минут отправляемся покупать одежду.

Про вчера можно сказать, что на одну треть было весело, на две трети — некомфортно. Сначала восхваления и суета вокруг нас, а затем пафосный ужин, по поводу которого мама хорошенько бы прошла, с незнакомыми и не самыми приятными мне людьми.

Не знаю, почему мы не могли прийти на прием в униформе, но я, конечно, нисколько не возражала отправиться в бутик, расположенный напротив нашего отеля, и попримерять платья. Пусть даже в компании нервной помощницы лаханги, которая должна была привести нас в должный вид. Хоть на Таре и царит меритократия, это совсем не означает, что здесь рай и равноправие. Богатство все еще значит больше, чем ум.

Нона Маерск, помощница лаханги, явно невысокого мнения о сетари. Но Таарел понадобилось не больше двух минут, чтобы ее приручить. Таарел излучает уверенность в себе и теплоту души, перед которыми очень сложно устоять. На бумаге такое описание кажется странным, но других слов я подобрать не могу.

Таарел выбрала темно-зеленое бархатное платье, волосы скрутила в узел и выглядела просто потрясающе. Для меня нашлось платье, меняющее цвет в зависимости от освещения — от фиолетового к синему и красному. Я сама себе страшно в нем нравилась, только вот разномастные глаза на таком фоне казались совсем фиолетовыми.

Отношение ко мне Маерск было очень нелогичным. Она обращалась со мной и как с почетной гостьей (на ужин пригласили Таарел, Сефена, Орлу, Морел, Алаз и меня), и как с пятилеткой. Маерск говорила очень четко и медленно, а иногда принималась обсуждать меня с Таарел, будто я не стою рядом. В ответ я начала развлекаться, притворяясь, будто едва ее понимаю, и изъясняясь на просто ужасном тарианском. Это продолжалось, пока Таарел не открыла частный канал и не велела мне прекратить.

Я хотела было не послушаться — просто чтобы посмотреть, как она станет призывать меня к порядку, но вместо этого спросила по каналу:

— Могу задать наверняка невежливый вопрос?

— В любое время. Мой ответ будет зависеть от вопроса.

— Почему ты так сложно укладываешь волосы? Наверное, уходит много сил, чтобы поддерживать прическу? Особенно в пространствах, когда и наводнения бывают, и дожди?

Ничуть не обидевшись, Таарел рассмеялась. На Таре никто не станет смотреть косо, если ты вдруг улыбнешься или рассмеешься. Здесь голоса в голове вполне реальная штука.

— Это упражнение по управлению Эной, — ответила она и коснулась пальцем моих распущенных волос, превратив одну прядь в длинный волнистый локон. — В основном мы применяем такие манипуляции на вратах, но если захотим — если есть время и силы, — можем управлять и структурой пространств тоже. Намного сложнее менять то, что не относится к Эне. Это возможно, но требуется сила и контроль. Когда-то я не могла даже сдвинуть локон, так что сложные прически стали не способом покрасоваться, а ежедневным упражнением. — Улыбаясь, она добавила вслух: — Иногда я не укладываю волосы, и тогда мой отряд меня не узнает.

— Я не узнаю тебя сейчас, — сказал Сефен и покраснел как рак. Он преклоняется перед Таарел. — И самого себя не узнаю.

Здесьнее мужское формальное одеяние совсем не похоже на привычные мне фракы с пингвиньими хвостами. Официальный костюм состоит из длинных узких штанов, мягких

ботинок, рубашки до колен и сюртука такой же длины. Все бледных естественных цветов. Чем-то напоминает ближневосточные наряды, только вот тюрбанов я еще не встречала. Женские вечерние платья похожи на наши, но чаще всего с большим количеством слоев.

— Есть что-то, чего не знать лаханги Унары, и о чем мне лучше не говорить? — спросила я по частному каналу.

— Лаханги совершенно точно в курсе всего, — задумчиво ответила Таарел. — Остальные же гости... лучше всего следовать примеру лаханги. Обсуждать любые темы, которые она затронет. И помни — если тебя что-то беспокоит или смутит, сразу же связывайся со мной.

Оставшееся до ужина время я расспрашивала о принятом здесь этикете за столом. Впрочем, если бы меня пригласили на обед с королевой за несколько часов до оного, я бы тоже расспрашивала об этикете.

В резиденцию лаханги — точнее до ее личной транспортной станции — нас доставил одновагонный поезд, даже более роскошный, чем мой номер в отеле. Калрани и сетари тотчас же вытянулись по струнке и задеревенели лицом, словно на параде, что смотрелось очень странно, учитывая их гражданскую одежду. Лишь Таарел была расслаблена и спокойна.

Нас проводили в полную гостей комнату, и кажется, меня представили всем до единого. Весь процесс запомнил лишь мой интерфейс.

Лаханги Унары зовут Себрет Танай, и она моложе, чем я думала. Ей где-то около сорока, и у нее обескураживающие ясные серые глаза, что огромная редкость для Тары. Своим пронизательным умом лаханги немного напоминает истен Нотру, вот только меня не тянет к ней так же, и чувствую я себя намного менее уютно в ее присутствии.

Не то чтобы лаханги была груба или типа того. И я отнюдь не провела весь прием, думая, что она злая. Просто ее скорее интересовала не я сама, а то, что я могу сделать для ее мира. Те трудности и преимущества, что я собой представляю. За столом меня посадили рядом с лаханги, и после нескольких обычных вопросов о моих первых неделях на Муине она начала с пристрастием расспрашивать о Земле. Население, формы правления, виды оружия, полное отсутствие подтвержденных паранормальных способностей, вероятная реакция на появление тарианцев. Большую часть этих вопросов мне уже задавали, и, скорее всего, мои ответы были в представленных лаханги отчетах, но сейчас я говорю по-тариански лучше, так что, думаю, она не зря решила поговорить со мной напрямую. Что мне снова и снова приходилось подчеркивать, так это разобщенность Земли. Что на появление тарианцев не будет единой реакции даже от одной отдельной страны, не то что от всей планеты. За всеми этими расспросами я едва успевала пробовать блюда, которые подавали, так как тратила кучу усилий на ответы.

Полагаю, ужин преследовал две цели: дать возможность лаханги и еще нескольким чиновникам получить более полное представление о Земле и побаловать детей лаханги общением с настоящими живыми сетари. Я почти не слышала, о чем они говорили, но ее сын изо всех сил старался очаровать Таарел, а две дочери... думаю, они уже прозвали Морела «лакомым кусочком» и мечтали заполучить его на десерт.

Я страшно рада, что в самом начале, когда едва говорила по-тариански, мне не пришлось побывать на подобном приеме. Почти не сомневаюсь, что сегодня правильно подбирала слова и лишь слегка накосячила с грамматикой. Также рада, что усталость калрани была видна невооруженным взглядом, и нам не пришлось задерживаться надолго.

И мы смогли оставить платя! Испытываю безумный соблазн нарисовать на своей лабораторную крысу — просто чтобы увидеть реакцию окружающих, но моя роль сильно изменилась, и определение подопытной крысы больше не подходит. Теперь я усиливающая волшебная лоза.[2] Мною тыкают в инопланетные руины и смотрят, что из этого выйдет.

Мы возвращаемся в комплекс КОТИС. Буду рада оказаться в своей квартире. Надеюсь, Тень меня ждет.

Решен мой график на следующую неделю: вместе с третьим отрядом я отправляюсь на Муину. Третий сменит в Аренроне четвертый отряд, который уже очень долго несет там вахту. Меня же оставят в Пандоре, принимать участие в глубоком изучении местной платформы и принципов ее работы в качестве коммуникатора. Что лично для меня означает сплошные мигрени. Не могу сказать, что в восторге от перспективы.

Почти весь день я провела в постели, с мурлыкающей под боком Тенью, думая о жизни, которая распланирована и структурирована некими инстанциями. Какой-либо выбор, кроме нурийца, мне предложил лишь репортер, оказавшийся по моей вине за решеткой. Если взбрыкну, получится ли добиться права как-то влиять на то, чем я занимаюсь и куда иду?

Только надо помнить, что послушно стоять там, куда меня поставили, все же много лучше, чем гордо и независимо голодать на Муине.

Эли ужасно забавная. Она навещала родных (у калрани и сетари есть самые настоящие каникулы, на время которых они отправляются по домам и всякое такое. КОТИС — скорее большая школа-интернат со строгими правилами, но никак не тюрьма) и вернулась безумно возбужденная, что повидала младших брата и сестру. Но она так страшно расстроилась, что пропустила случай принарядиться и не увидела половину своего отряда в парадных одеяниях, что едва могла связать два предложения, постоянно отвлекаясь на запись и повторяя, как бы она хотела быть с нами и как все чудесно выглядели.

Перед стартом «Литары» я получила небольшой подарок — Эука разработал и установил программу с земными часами и календарем. Мне же велел сравнить ее с тем, что показывает телефон, и сказать ему, если нужно что-то подправить. Эука идеально точно скопировал внешний вид часов и календаря с моего мобильного, только использовал тарианские цифры, не земные. Сложно поверить, что уже конец апреля. Прошло больше пяти месяцев.

Я теперь другой человек, но все же я — это я. Куча всего, что раньше я считала интересным, сейчас кажется глупым. Сколько времени потрачено на реалити-шоу! Но я по-прежнему скучаю по музыке, хотя потихоньку начинаю проникаться тарианскими песнями. Видимо, сыграло свою роль, что язык перестал быть такой проблемой. Я скучаю по любимым книгам и страшно хочу узнать, что там дальше во многих сериалах и интернет-комиксах, а ведь есть еще фильмы, которые должны были выйти и которые я хотела посмотреть. Все больше и больше чувствую себя оторванной от собственного мира, но при этом ни разу не тарианкой.

Меня беспокоит, что мы с четвертым отрядом меняем планеты, и не только из-за Рууэла. Он по-прежнему снится мне каждую ночь, но я надеюсь, что, долго его не видя, излечусь. Проблема в том, что именно с четвертым (кроме первого) у меня сложились наиболее прочные связи. Особенно с Мори, она стала почти другом. Только вот миссии и назначения на разные планеты, и прикрепление к разным отрядам... не уверена, что мне удастся преодолеть те барьеры, которые ставит между мной и сетари второй уровень мониторинга.

Мысли обо всем этом и страстное желание связаться с Алиссой, спросить, как у нее дела, побудили меня снова написать Ненне, хотя она так и не ответила на предыдущее письмо. Мы прибываем в Пандору, так что послание она получит в лучшем случае завтра. Надеюсь, ответит. Семья Лентсов была так приветлива, что меня до конца жизни не оставит чувство вины за причиненную им боль.

Время отправляться к инопланетным сооружениям, чтобы меня тыкали и испытывали. Хочется верить, что они не ждут, будто я смогу терпеть головные боли слишком долго.

[1] Веджимайт — густая паста темно-коричневого цвета на основе дрожжевого экстракта, национальное блюдо Австралии.

[2] «Волшебная лоза» как способ поиска подземных вод, залежей руд, а порой и кладов известна человечеству многие века. Некоторые ученые полагают, что история лозоходства насчитывает не менее 700 лет. В народе по разному воспринимали лозоходство. Одни считали это явление колдовством и относили его к категории дьявольских сил, другие же называли лозоходцев просто удачливыми мошенниками.

Вилочная лоза — это прут в виде латинской буквы Y. При ее использовании искатель держится за нижнюю часть, направляя вперед два рожка. При приближении искомого объекта «волшебная лоза» притягивается к объекту и начинает тянуть за собой искателя. Оказавшись над искомым объектом, «волшебная лоза» начинает вибрировать.

Два шага вперед, десять назад

Новые выводы:

1. Всегда носить полную форму сетари.
2. Найти зажигалку.
3. Быть осторожнее со своими желаниями.

Затянувшиеся уловки и плавание в бассейне

На Пандоре как раз рассвело, когда прибыли мы с третьим отрядом. Медосмотр ожидался только через пару часов, так что Таарел сдала меня двум зеленым костюмам, которые изначально за мной приглядывали — Эсему и Хетцу. Два парня, один постарше, другой помоложе, вежливые, но совершенно безразличные. Как жаль, что третий отряд почти сразу улетел на «Литаре». Я так хотела послушать, что скажет Эли по поводу изменений на Пандоре.

Лагерь так разросся, что даже не верилось: помимо множества палаток виднелись десятки домов на разных стадиях строительства. Зеленые отвели меня в комнату в главном здании — лишь кровать и стеллаж, зато с видом на озеро. Я оставила там свои пожитки, проглотила завтрак и спросила, могу ли сходить к озеру, проведать выдр и убедиться, что их заводь не потревожили. Эсем ответил отказом — мне приходится заранее обговаривать все свои перемещения по Пандоре, — зато предложил сводить меня в мою старую башню, пока я дожидаясь очередного задания.

Было как-то жутковато бродить по городу и смотреть, насколько продвинулись очистительные работы. Археологи сосредоточились на зданиях вокруг главного амфитеатра, выдергивали сорняки, счищали грязь, заносили все находки в каталог, но оставляли все на местах, за исключением разве что самых хрупких предметов. Я безуспешно заглядывала в окна, надеясь увидеть в них прежних обитателей, а не серые и зеленые костюмы.

Археологи даже собирались восстановить сады, потому что город планировали целиком превратить в музей. В том числе и форт Касс — историческое жилище бродяги, которая открыла этот мир. Голова шла кругом, и я не знала, радоваться или огорчаться, что кусочек моей жизни превратят в диковинку для туристов. Мое одеяло, коврики и горшки выглядели невероятно жалко.

Слишком быстро Эсем и Хетц отвели меня к амфитеатру и представили небольшой группе техников, которым вскоре предстояло устроить мне сеанс головной боли. Им не терпелось приступить к делу: похоже, они долго ждали разрешения со мной поработать. Все кошки переселились в нетронутую часть города, но все-таки несколько штук я заметила: пойманных и прирученных котят и одного-двух взрослых особей посмелее, которых голод выгнал из укрытия.

Техники объяснили, что пытаются понять принципы работы платформы и пути проникновения эфира. Раз я могла слышать ддору, они надеялись получить более точные или же вариативные сведения во время моего контакта с платформой.

— Попробуй просто пообщаться с ддорой, как делала раньше, — попросил Джелан Скал, главный техник гиковской наружности. — Знаю, тебе больно ее слышать, поэтому мы постараемся повернуть сессию побыстрее. Нам важно качество, а не количество. Если субъект стоит на платформе, данные получаются точнее, так что мы помониторим ее реакцию на тебя до самого появления ддоры, а потом еще немножко, пока вы общаетесь. Готова?

Я кивнула и пошла по лестнице на платформу, хотя готова была поспорить, что это их «немножко» растянется на «множко», но надеялась, что ддора уже привыкла к муинцам и послушается, когда я прикажу ей заткнуться. Я повернулась к довольному Джелану Скалу, он начал что-то говорить... а потом исчез.

На миг мне показалось, что Скал и прочие техники — а заодно и оборудование — правда растворились. Но, разумеется, это просто я перенеслась, что лишь подтверждали сияющие стены и огромная дыра в глубине комнаты. Помещение было иным, разбитым и расколотым. Кусок пола и дальней стены отсутствовал. А обрыв, у которого я оказалась, вел в большую затопленную комнату. Я прошла к краю платформы, глянула вниз и увидела что-то вроде соединенной тоннелями системы резервуаров с прозрачной водой.

Не особо привлекательно. Я потрясла головой и попыталась придумать, как вернуться. Одного желания оказалось недостаточно. Я прошла обратно к центру платформы, сосредоточилась. Тщетно. Мне стало не по себе. А стоило поднять голову...

Ко мне по потолку полз крузатч.

Я сосредоточилась изо всех сил. Все равно не помогло.

Крузатч двигался быстро и проворно: прямо Человек-паук с улыбкой Чеширского кота. Выбора не осталось. Уж с этой тварью мне точно не тягаться. Телепортироваться обратно на Пандору тоже не получалось. Я развернулась и прыгнула с обрыва.

Полет был долгим, а вода — холодной, но вошла я в нее чисто и поплыла к одному из прямоугольных туннелей. Увы, вход располагался слишком далеко, чтобы я могла проплыть сквозь него, не вынырнув за воздухом хоть раз. Я помедлила, всмотрелась сквозь воду, но никого над собой или впереди не увидела. Никаких ухмыляющихся теней на стенах или потолке. Я ринулась на поверхность, быстро набрала воздуха в грудь и нырнула обратно.

Вдруг кто-то схватил меня за пятку, потом за лодыжку и потянул прочь из воды. Крузатч даже не цеплялся за стены или потолок, он просто парил в воздухе. Хватка твари была одновременно болезненной и обжигающей, даже сверхпрочный нанокостюм от нее не спасал. Вода попала мне в нос. Отплеываясь, я принялась лягаться свободной ногой, дважды попала, но крузатч и не подумал меня отпустить, пока я не вырастила на ботинке шип и не врезала ему по руке. Вспыхнул белый свет, я оказалась на свободе.

Падала долго, и это хорошо: успела сгруппироваться, сориентироваться и набрать воздуха. Уже в воде я изо всех сил ринулась к ближайшему коридору, благо он был недалеко, и вынырнула уже в круглой комнате диаметром метра три и с высоким потолком. Из нее тоже тянулись подводные туннели, но ни одного надводного.

Все было тихо и мирно, но мысленно я кричала. Когда тварь меня сграбастала, я чуть не умерла от шока. Журнал событий наверняка зафиксировал панические попытки отбиться и всхлипы. Вынырнув в круглой комнате, я отдувалась и крутила головой, пытаюсь понять, не увязался ли крузатч следом.

Далеко не сразу я успокоилась, но поняв, что опасность миновала, стала глубоко дышать, выравнивая сердцебиение. По краю помещения шел выступ. Я подплыла и уцепилась за него — нормально сесть не получалось из-за глубины. Голова шла кругом. Да, я месяц провела на Муине, много раз пугалась и неоднократно рисковала жизнью. Но никогда меня не хватали и не вынуждали отбиваться. Я оказалась одна. Никаких сетари. Я даже не знала, на Муине я или нет. Судя по интерфейсу, связь отсутствовала.

Кассандра, ты по уши в дерьме.

У меня даже не было нормального оборудования, с которым сетари ходят в Эну — впрочем, пользоваться я умела только дыхательным устройством. Вода была холодной: не ледяной, но долго сидеть в такой не захочется. Дыхание вырывалось изо рта легкими облачками пара. Успокоившись, я сделала костюм герметичным, но приятнее не стало.

Итак: мне холодно, я промокла, еды нет, зато где-то поблизости ошивается минимум

один крузатч.

Я тут же поняла, что если только техники не совершат чудо, никто не догадается пройти за мной сквозь платформу. Ситуация явно была из разряда «с Девлин вечно все работает не так». Позвать на помощь я тоже не могла. Сейчас над Муиной летало два тарианских спутника: один на орбите, для связи между двумя поселениями, второй сканирующий. Увы, мой интерфейс, питающийся лишь от электричества, вырабатываемого моим телом, так далеко не дотягивался. Да и все равно я находилась вне поля. Или за печатью, как в Аренроне.

Решив, что невозможно просто сидеть здесь и ждать, когда кто-нибудь меня спасет, я подняла правую ногу над водой и скатала с нее штанину костюма. Вокруг лодыжки отпечатались следы от хватки крузатча — сизые, обожженные, в окружении глубоких царапин. Похоже, костюм не смог уберечь кожу от высокой температуры, хотя, когда тварь меня выпустила, восстановился.

Так как к выходу в Эну я не готовилась, то и не захватила с собой аптечку. Впрочем, нога была относительно в порядке, да и холод приглушил боль. Я раскатала штанину обратно, но вместо ботинок сделала подобие ласт. А заодно перепонки между пальцами рук. Люблю свой костюм.

Закончив приготовления, я пересмотрела запись, чтобы выяснить, через какой из четырех одинаковых туннелей сюда попала. У меня работали одновременно журнал миссии и журнал второго уровня мониторинга, то есть фиксировалось абсолютно все.

Стены поросли зелеными водорослями. Наконец я сопоставила одну из них с той, что первую увидела в записи — значит, вплыла я через туннель в противоположной, — отрастила клинок из наножидкости и обрубил водоросли вокруг входа. Затем открыла в интерфейсе художественное приложение и принялась составлять карту. Через этот туннель возвращаться нельзя, там остался крузатч. Еще одну встречу с ним я не переживу, да и неизвестно, смогу ли забраться через расщелину в полу обратно на платформу. Придется найти другой путь.

Выбрав стену справа, я прорубила в водорослях круг с цифрой два, глубоко подышала, одновременно чтобы успокоиться и набрать побольше кислорода в легкие, а потом нырнула.

Оглядываясь назад, мне даже вспоминать тяжело, на что походили следующие несколько часов. Система резервуаров была огромной: бесконечная череда туннелей и гигантских емкостей. Мне оставалось лишь временами отдыхать у бортика в очередной круглой комнате. Обнаружились два плюса. Во-первых, никаких животных, кроме рыб и мелких черепашек. Во-вторых, стены светились, как в Аренроне. Хотя последнее беспокоило, ведь, похоже, я по-прежнему находилась за глухой печатью.

Костюм не давал мне замерзнуть до смерти, но чем дольше я находилась в воде, тем медленнее и тяжелее двигалась. Казалось, что я всю жизнь вот так плыву по бесконечному лабиринту тускло освещенных комнат и уже не смогу остановиться. Я выбилась из сил, гадала, не ошиблась ли при составлении карты, не кружу ли вокруг какой-то большой комнаты, но благодаря нацарапаным на стенах цифрам продолжала ориентироваться. Туннели были просто кошмарными, их приходилось проплывать как можно быстрее. Раз или два они оказывались длиннее, чем я рассчитывала, и я едва их одолела, особенно когда движения замедлились. Без ласт вообще бы не справилась. Ближе к концу легкие горели, перед глазами мелькали белые точки. Вынырнув на поверхность, я едва могла дышать. Мысль о том, чтобы продолжить, казалась невозможной. Я легла на спину и просто лежала

до тех пор, пока не поняла, что либо двинусь дальше, либо утону.

А потом ощутила поток. Теплый поток.

Очнувшись от неожиданного контраста, я замерла прямо посреди комнаты. Теплое течение. Я поплыла к нему, миновала очередной туннель и оказалась в небольшой квадратной комнате, в которую и лился сверху благословенный поток.

Ошалев от усталости, я поначалу просто стояла под ним, а потом принялась карабкаться по спиральной лестнице из блоков. Вода лилась по ней, было скользко. Я успела одолеть лишь половину пути, когда сорвалась и ударилась головой. Расплата за спешку. Во второй раз я сделала поверхность костюма ребристой и осторожно лезла, пока не достигла круглой металлической решетки. Благо, та поднималась, и я аккуратно под ней пробралась.

Моему взгляду предстала купальня, вроде римской, где-то раза в два больше моей спальни. Вода поступала из резного отверстия в стене и лилась в бассейн в середине помещения. Наружу вели большие двойные двери. Закрытые.

Я на ногах не держалась, однако как можно тише подтащила к дверям зеленую ржавую железяку (кажется, жаровню) и продела ее через ручки. Вряд ли это остановит того, кто решит сюда войти, но шум хотя бы даст мне шанс успеть сигануть обратно в водный лабиринт.

Я немного постояла в бассейне, чтобы согреться, но потом сил осталось лишь отползти в сухой угол комнаты и закрыть глаза. Я проплавала более пяти часов, ужасно вымоталась и проголодалась. Так устала, что даже поплакать как следует не смогла, просто сидела там и дрожала, пока не отключилась на десять часов. Никто не пришел на помощь, но и крузатчи не появились. Меня мучили кошмары, будто я все плаваю и мерзну. Я проснулась голодная и измученная, но по крайней мере смогла ходить не шатаясь.

Пришла пора решать, что делать дальше. Крузатч не смог последовать за мной, но если решу отправиться на разведку, придется отойти от спасительной воды. А после недавнего заплыва я могу наткнуться в коридоре на группу ионотов — и все, моя песенка спета.

Сидеть тут, пока не умру от голода, тоже не вариант.

Обдумывая все это, я лежала в горячей ванне, частично свернув униформу, которая забавно морщилась там, где вода попала под ткань. Мара показала мне, как в целях приватности блокировать журнал миссии — запись не прекращалась, но просмотреть ее мог только человек с высшим уровнем доступа. Вряд ли бы его остановило мое желание укрыть от посторонних глаз частичку своей жизни. Да и мне велели не отключать запись, пока я технически на миссии. Было ужасно неловко принимать ванну в таких условиях, но костюм хотя бы немного меня скрывал.

Собравшись с духом, я заставила себя пройти через двери.

Галерея снаружи была пуста. Слева зияла трещина, и пол перекашивался вниз на несколько сантиметров. Крузатчей не было, но впереди простиралось открытое пространство. Я осторожно пробралась через него, спряталась за колонной и выглянула наружу.

Горный скат — три ската — и долина между ними. Белые здания, большие, роскошные с какими-то невероятными арками, пересекающимися в воздухе. Небо казалось нереальным, жемчужным. Впрочем, достаточно ясным для дня. По-прежнему прячась за колонной, я медленно повернула голову, чтобы запечатлеть все в журнале и потом подробно рассмотреть в тихом месте. Купальня располагалась на самом дне долины — пожалуй, это к лучшему. Водный лабиринт целиком находился на одном уровне, и я теперь была примерно на одной

высоте с платформой. Я всмотрелась в здания. Их было множество, ведь долина представляла собой огромное плоское пространство.

Вокруг царил хаос. Трещины, обломки, рухнувшие на строения валуны. Я никак не могла понять, откуда же пришла. Я так долго плыла, приходилось иногда возвращаться обратно, и карта получилась весьма приблизительная. Открытой платформы тут не было, но в центре долины располагался круг зданий поменьше. Я телепортировалась сюда из Пандоры и знала, что есть другие города с платформами. Похоже, они больше работали как транспортная система, чем как устройство связи (вот тут сетари с талантом видения ошиблись). Тогда круг зданий имеет смысл — прямо как узел Рана на Унаре. Но чтобы убедиться в этом, придется пробраться к ближайшему дому, да так, чтобы меня никто не заметил.

Место выглядело до ужаса уязвимым. И крузатчи могут летать. Словно в подтверждение моих мыслей, одна тварь медленно проплыла вверх по дальнему склону.

Я отползла прочь, пересмотрела запись о зданиях и проложила путь с учетом руин и теней так, чтобы избегать открытых участков земли. Впрочем, все зависело от удачи. Стоит твари посмотреть в нужную сторону, и она тут же меня заметит, даже если я стану ползти на четвереньках. Черная одежда — не лучший камуфляж среди белых камней.

Сейчас, пересматривая журнал, я думаю: как же глупо было заглядывать за каждый угол, прежде чем пошевелиться. Хотя тогда это глупым не казалось. Я дважды видела крузатча и замирала, распластавшись на земле, готовая бежать изо всех сил. Чем ближе я подбиралась к цели, тем больше проникалась верой, что справлюсь. А потом начала переживать, вдруг никакой платформы там нет и все впустую.

Меня ждало препятствие похуже. Не считая обломков и высохших деревьев, центральная площадка была чистой. Вокруг стояло пятнадцать домов, все фасадом внутрь. Двойные двери некоторых распахнуты, иные запечатаны. К каждому вела небольшая лестница, портики поддерживали плохо скрытые колонны в том же смутно-римском стиле. А над ступеньками пятого справа дома кружила группа крузатчей.

С одной стороны это обнадеживало. Крузатч сидел над платформой, через которую я прошла, возможно, эти охраняют подобное устройство. Выглянув на секунду и еще раз пересмотрев запись, я поползла в противоположном направлении, в сторону здания в шести домах от крузатчей. Открытые двери и удачный угол обеспечивали хорошее прикрытие. Я взбежала по ступеням и выглянула, наивно надеясь, что все твари смотрят в другую сторону. Увы. Я закусила губу, немного выждала и двинулась внутрь дома, не слишком быстро, но и не слишком медленно.

А переступив порог, побежала. Если платформа здесь, то не слишком далеко, ведь здание не такое уж большое. Наткнувшись на уклоны вниз и вверх, я выбрала первый — он походил на платформы, которые мне встречались.

Не думаю, что когда-нибудь в жизни бегала быстрее. Крузатчи меня увидели. Стоило свернуть не туда и... думаю, я бы уже ничего и никогда не написала. Но вот она, платформа, я взбежала на нее, мечтая оказаться где угодно, только бы подальше... а потом все скрыла чернота.

Отдуваясь, я тяжело села на пол. Меня перекинуло в какое-то душное замкнутое пространство. Было темно и ничего не видно. Платформу покрывал песок. Несколько раз глотнув воздух, я сползла к краю, волнуясь, не напорюсь ли на крузатча, но потом явилась ддора — новая, незнакомая. Она издала вопросительный шум, а не радостный (все-таки я не

муинка), но с удовольствием стала ждать указаний. Невзирая на пульсирующую голову, я рассмеялась, сползла с платформы, пока еще куда-нибудь нечаянно не перенеслась, а потом села в темноте и разрыдалась.

Постепенно глаза привыкли. Я сумела различить очертания почти засыпанного песком коридора, а придя в себя после бега и плача, прокопала лаз под потолком и выбралась на слишком яркий солнечный свет.

После расставания с ддорой головная боль уменьшилась, но чем больше я оглядывалась, тем сильнее падала духом. После всех мучений в воде я угодила в одну из немногих пустынь на планете. Город почти полностью поглотила зыбучая дюна, лишь несколько золоченых крыш торчали из песка. Тарианцы анализировали многолетние записи спутников и отмечали все руины с «расписанными кровлями». Они наверняка послали дронов проверить, не материализовалась ли я где-нибудь. Но пока в воздухе никто не появился.

И разумеется, связь так и не наладилась.

Воздух был сухим, раскаленным. Пока забиралась на самую высокую башню оглядеться, я уже взмокла от пота, поэтому преобразовала костюм в достаточно легкую одежду. Можно было отделить части друг от друга, и они все равно сохраняли форму. Я оставила ботинки, укрепила их на случай встречи со змеями и скорпионами, а из остального соорудила легкие шорты и топ, свернув остаток наножидкости в валик на спине.

Город располагался на краю пустыни; то, что не покрывал песок, высушило солнце. Некогда здесь росли длинные тонкие деревья, но теперь не осталось ничего даже относительно живого или вертикального.

Я вошла в комнату на самом верху башни, села в тени и стала ждать. На самом деле, читать книгу — одно из чудесных преимуществ интерфейса. Мне всегда будет, чем развлечься на чужой планете, ведь я закачала себе телепередач и книг на пару десятилетий. Я перенеслась сюда днем, а когда пару часов спустя жара спала, вышла на крышу осмотреться.

Во время чтения я думала, что же делать. Вокруг ни клочка зелени, ни капли воды. Даже кактусов нет. Тут долго не протянешь. Но отправляться в поход по такой стране — вовсе самоубийство. Да и...

Лодыжка разболелась. Я сняла правый ботинок, осмотреть синяки, ожоги и порезы. Вокруг них все распухло и покраснело. Поход мне явно не светил.

Я прикинула, не рискнуть ли использовать платформу еще раз, но шансы разминуться с крузатчами в нынешней ситуации не превышали шансы на снежную бурю в моем нынешнем аду. Поэтому я перебралась в ближайшее здание, набрала веток и развела костер. Вроде глупость, да и приятного мало, но я помнила, как мучилась без огня на Пандоре, поэтому начала именно с этого. Тут было легче — пожалуй, дело в сухой как порох древесине. Она мгновенно занялась, и я устроила хороший дымный костер, такой, что несколько часов не погаснет. Потом, немного отдохнув, принялась вытаскивать из песка длинные тонкие побеги. Взрослые деревья выглядели ненамного больше, но я решила не рисковать и не тратить силы понапрасну.

До самого заката я мастерилла стрелу — самую большую, какую только получилось. Примерно полметра толщиной и очень длинную. Я обливалась потом, обгорела и жутко вымоталась. Лодыжка пылала, у меня началась лихорадка, сосредоточиться на чем-то удавалось с трудом. Я едва держалась на ногах и просто хромала вдоль этой подоженной стрелы, попутно пропитываясь дымом.

По пути назад я едва не потерялась, что прямо-таки подвиг, когда рядом с тобой огромный горящий указатель. Однако меня повело в сторону, и я долгое время стояла в темноте, не понимая, где оказалась. Наконец сумела сориентироваться, прошла к зданию... а дальше в памяти наступил провал. Лишь бесконечный кошмар плавания, беготни и борьбы с тварями. Меня бросало в жар и холод. Кружатч слился с Колонной.

Мне не нужно помнить, как я испугалась.

А потом, улепетывая от тьмы, полной ухмыляющихся монстров, я внезапно столкнулась с Рууэлом.

— Девлин, — сказал он и прижал тыльную сторону ладони к моей щеке. Я смутно помню, какой холодной показалась мне его кожа. — Ты с нами. Прекрати бежать.

Я моргнула. Я лежала на кровати, и он правда касался моей щеки.

— Спасибо, — произнесла я, если верить интерфейсу, по-английски. Да так изумленно, что самой смешно.

Рууэл тоже развеселился. Тень улыбки появилась на его губах. Потом было так трудно не пересматривать эту запись снова и снова.

Я снова отключилась, на сей раз без сновидений. И лишь два дня спустя пришла в себя в медблоке на Таре.

И да, целые сутки это записывала. Завтра продолжу.

В глазах всех присутствовавших я поднялась на платформу в Пандоре — и пропала. Мне было искренне жаль двух своих «нянек» в зеленых костюмах и Джелана Скала, которому пришлось рапортовать о моем исчезновении. Благо, на тот момент я не была приписана ни к одному отряду сетари, иначе они получили бы серьезные взыскания.

Поиски развернули на всей планете. Как я и думала, они решили, что меня телепортнуло в другое поселение или в какое-то закрытое место вроде Аренрона. Хорошо, что все так переполошились, хотя когда-то я месяц прожила на Муине в одиночку. Сначала поисковики проверили поселения с узорчатыми крышами, над которыми еще не установили наблюдение, и запустили там дронов. Потом прошлись по всем известным строениям вообще. Они так или иначе собирались просканировать планету, но существенно ускорили процесс. Третий и четвертый отряды послали в Эну, а второй и одиннадцатый на Муину в надежде отследить меня с помощью видения пути.

Большую часть этого времени я находилась в лабиринте или спала в купальне. К тому моменту, как проснулась, поиграла в прятки в центре города и совершила отчаянный рывок к платформе, с моего исчезновения прошло уже семнадцать часов. А когда зажгла указатель и отрубилась в горячке — все двадцать четыре.

Не знаю, увидели бы поисковики мой знак, не заметь один из техников, что расположение «разрисованных» поселений само по себе образует некий узор. Не совсем четкий, но, похоже, они находились на равном расстоянии друг от друга. На них тарианцы и сосредоточились. Они стали искать огонь, хотя там было предостаточно естественных пожаров. Наконец один дрон решил рассмотреть поближе угасающий костер — мою стрелу, — и все возрадовались. Повезло, что на Таре этот символ означал то же, что и на Земле.

Туда спешно отправили ближайший корабль: он находился всего в часе пути. По моим прикидкам, они добрались до меня уже после заката.

Эли прислала мне очень теплое письмо, где в красках описала драматичные поиски. Она лучше всех владела видением пути и всерьез настроилась лично меня найти. Таарел даже пришлось урезонивать ее и заставлять отдохнуть. Третий отряд едва успел вернуться из второго, очень долгого рейда в Эну, когда ближайший шаттл оказался в пределах досягаемости моего интерфейса и подтвердил мое местонахождение. Общую радость подпортил тот факт, что я валялась без сознания и в очень плохом состоянии — обезвоживание и заражение. Затем они, разумеется, подняли мои записи и увидели, чем я занималась.

Пока я находилась в критическом состоянии, меня отвезли в Пандору, а затем обратно на Тару. Из первых двух дней я запомнила лишь слова Рууэла и то, как однажды открыла глаза и увидела над собой крышку капсулы. На третьи сутки сумела продержаться где-то минут десять, но потом опять уснула. Каждый раз, как я просыпалась, рядом оказывался другой человек. В основном ребята из первого отряда, но еще Зен, Мори, Глейд и даже Нилс из второго. Меня без конца обнимали, но я еще была не в силах поддерживать хоть какой-то разговор, удивительно, что в дневнике что-то записать умудрилась. Врачи усердно трудились над моей ногой, но, едва у меня получалось связать воедино две мысли, приходили и что-то мне вкалывали.

На следующий день стало лучше. Разум существенно прояснился. Меня разбудил уже привычный медик, опять заставил последить глазами за фонариком, затем вытащил из меня трубки и дал поесть каши. Проверил, как я сижу, проводил в ванную и обратно. Когда меня почистили, я отключилась, а очнувшись, обнаружила рядом Мейза.

— Первый отряд сидит со мной по расписанию? — спросила я.

Он поднял голову и одарил меня одной из своих сногшибательных улыбок:

— Официально нет, но вообще-то да, мы договорились об очереди. А сегодня ты лучше соображаешь, чем в наш последний разговор.

Я смутилась:

— Не помню прошлого раза.

Позже я пересмотрела свой журнал и выяснила, что Мейз и правда приходил ко мне раньше. Я тогда несла какую-то чушь по-английски. Даже сама не поняла, что именно.

— Неважно. — Он улыбнулся, явно прикидывая, насколько же я пришла в себя. — Здорово ты придумала с указателем.

— Тоже так думала до того, как его строить. Слишком жарко. Не повезло с платформой.

— Любой способ побега от крузатча по определению хорош, — заверил Мейз, на миг отведя взгляд. Он всей душой ненавидел крузатчей. — Ты как, можешь поотвечать на вопросы? По тому, что неясно из журнала?

Я пожала плечами:

— Ничем не занята.

— Хорошо. Ты специально пыталась использовать первую платформу или, может, ощущала при этом что-то необычное?

— Нет. Просто стояла на ней и надеялась, что на этот раз ддора не будет так орать. А потом все пропасть. Я вообще никаких усилий. — Предвидя следующий вопрос, я добавила: — Перенос, я посмотрела в воду и попыталась вернуться. Затем крузатч, я старалась сильнее, а потом бежала. Не знаю, почему не получилось. На следующей платформе ничего не почувствую, но пыталась перенестись.

Мейз задал еще несколько вопросов — почему я свернула к купальне, как определила, где искать другие платформы, — а сам внимательно за мной наблюдал. И явно очень за меня переживал.

— Не сломаться, — наконец заверила я его.

Он хмуро на меня уставился:

— Ты хоть понимаешь, что даже смотреть запись твоих приключений — то еще испытание? Представить не могу, как ты через это прошла, да еще и почти без последствий.

— Если ты все видеть, то знать, что я уже ломаться и не раз. — Я вздохнула и отвернулась от него. — Быть больше кошмаров. А тот лантарский город-школа Каласа? Хотеть там очень.

— Когда ты расстраиваешься, то больше ошибаешься.

Он так зачарованно это произнес, что я и правда расстроилась и сердито на него зыркнула.

— Мы больше не подвергнем тебя такой опасности, Касзандра.

Мейз коснулся моей щеки, и я поняла, что плачу, а ведь даже этого не заметила. Разумеется, я разрыдалась еще сильнее. В итоге выдохлась и вымоталась, но почему-то мне стало легче.

Конечно, они вернут меня на платформу, если иных способов найти Каласу не будет.

Сетари за меня горой, но нет гарантий, что я снова не окажусь где-нибудь одна.

Я постаралась прогнать эту мысль, успокоиться и расслабиться. Хотелось бы уже завтра выбраться из лазарета, а меня не выпустят, если я хоть на минуту проявлю страх.

Вся следующая неделя состояла из одних только процедур и умеренных тренировок. Кожа все еще облазила — спасибо недавнему «загару», заражение должно было пройти через пару дней, но, несмотря на общее истощение (опять!) и замотанную в синюю гелевую повязку лодыжку (там остались наиболее сильные ожоги), на этот раз я достаточно легко отделалась. Меня пичкали мерзкими на вкус «восстановительными» напитками, которые, впрочем, действительно помогали. К счастью, сегодня утром Зи разрешили умыкнуть меня из медблока. Так осточертел постоянный мониторинг! А еще Зи принесла мне сменную одежду и сообщила, что у нее для меня сюрприз.

— Какой сюрприз? — спросила я. Как-то в последнее время настороженно к ним отношусь.

— Что ж это за сюрприз, если я все заранее расскажу? Быстрее оденешься — быстрее узнаешь.

Вещи были новыми — пара черных брюк-капри, сандалии и очень симпатичный шелковый топ с изображением птицы с черно-синими крыльями.

— Твое? — спросила я, открывая дверь. — Красивое.

— Твое, — с удовольствием поправила Зи. — Это часть сюрприза.

— Спасибо, — изумленно и с легким сомнением поблагодарила я. — Подарок, что не погибнуть?

— К годовщине, — ответила Зи, слегка щелкнув меня по подбородку за глупость. — Сегодня год, как тебя нашли на Муине. Ну, год и три дня, но мы решили, что ты захочешь отметить, когда выберешься из кровати.

Год на Таре — чуть больше наших четырех месяцев.

— А кажется, дольше. — Я обняла ее. — Спасибо. Постараюсь не запачкать.

— Я тебе скажу, если что-то случится.

Зи проводила меня из медблока в жилые кварталы. Мы зашли в лифт и спустились на этаж, где обосновался первый отряд, но не пошли прямо по коридору, а обогнули шахту лифта.

— На следующей неделе вводят в строй четырнадцатый отряд, — сообщила Зи. — Как раз закончили твои комнаты.

— Другая квартира?

На одном этаже с первым отрядом. Это лучше, чем жить с теми, с кем я даже не знакома.

— Планировка как у нас, просто более защищенная. Мы снесли вниз твои вещи.

— Значит, разом годовщина и новоселье.

— Новоселье?

— Когда переселяются в новый дом, друзья приходят на вечеринку.

— Тогда да, новоселье.

Меня ждал не только первый отряд. Пришла Зен и несколько ребят из четвертого, второго и восьмого. Мы едва вместились в мою новую квартиру. Да и планировка тут все же отличается. Есть большое круглое окно (которое, впрочем, не открывается) с небольшим выступом под ним. А еще ковры и куча ярких подушек, на которых разложили подарки. Зен принесла стопку настоящих книг, выбрав автора, который, по ее мнению, мог мне

понравиться. Здорово! Я по-прежнему предпочитала истории, написанные на бумаге.

А Сонн протянула мне знакомую фигурку.

— Милаха! — изумленно взвизгнула я, и все рассмеялись. — Думала, не разрешается ничего брать с муинских раскопок?

Сонн жутко смутилась, но обрадовалась моей реакции:

— Решили сделать исключение. Но все же воспринимай ее скорее как долгосрочную аренду, а не собственность.

Я была счастлива. Если б знала, что отдадут, давно попросила бы своего милаху. Потом мы ели вредную пищу, пили газированные напитки, все расслабились и болтали. От их доброты мне даже неловко стало. И конечно, в самый разгар веселья я уснула. А проснулась уже поздно днем, в своей новой спальне (наполовину утонув в роскошных подушках) и долго лежала и смотрела на своего милаху. Его примостили на прикроватном столике, и зверек словно за мной приглядывал. Мне так понравилось иметь какие-то личные вещи. А не один лишь интерфейс.

Рууэл на вечеринку не явился. Их с Халлой послали на Унару вести расследование. Остаток четвертого отряда убивал время, тренируя старших калрани в пространствах. Затем им полагался небольшой отпуск, целая неделя. Думаю, большинство поедет навестить родных. Не знаю, пришел бы Рууэл на новоселье, окажись он здесь. Наверняка он специально держался на расстоянии, чтобы аккуратно лишить меня ненужных иллюзий. А еще подозреваю, что именно он почувствовал мою тоску по милахе и устроил его возвращение.

Больше Рууэл мне не снился — зато кошмары одолевали. Просыпаясь, я остро ощущала его отсутствие, мучилась, что он далеко. Глупо, но я перестала с собой бороться. Тоска по Рууэлу стала частью моего нынешнего существования. Ну и что? Не в первый раз мне страдать по тому, кому я не нравлюсь.

Будь у меня хоть капля здравого смысла — выбрала бы Мейза. Самый милый парень из тех, кого я знаю, и определенно один из самых красивых. С ним мне легко, спокойно и весело. Мейз с достоинством выдержал мои рыдания, да и прижиматься к его груди было приятно. Но я даже представить не могу, как с ним целуюсь.

Ладно, могу, но образ не вызывает во мне таких же чувств, как мысли о Рууэле. Даже близко не то.

Когда я думаю, что же мне нравится в Рууэле, первое, что приходит на ум — он никогда не стесняется меня критиковать. Звучит странно, но Рууэл обращается со мной как с достаточно взрослым и умным человеком, способным отвечать за свои поступки. А для Мейза я как младшая сестренка, которую надо оберегать.

Пожалуй, преувеличиваю. Еще Рууэл предоставляет мне достаточную свободу действий, а Мейз временами любит покомандовать. Не знаю. Все равно вздохнуть по Мейзу тоже плохая идея.

Сегодня была весьма умеренная тренировка с Марой, очень похожая на то, что мы делали с Зен. Своего рода тай-чи. Потом она проводила меня на процедуры и заговорила об отпечатке руки кузатча, оставшейся у меня на лодыжке. Тарианские технологии позволяли залечить шрам так, что через месяц и следа не останется.

Мне нравилось болтать с Марой. Вероятно, потом ей придется пересказать содержание нашего разговора, но она хотя бы надо мной не тряслась. Наоборот заявила, мол, с этого дня больше щадить меня на тренировках не станет, ибо я определенно могу бороться, когда прижмет. Как по мне — жуткая несправедливость.

Я крупно просчиталась, решив посмотреть документалку о воздухоочистительной системе в Унаре. Такой большой город нуждался в весьма серьезном сложном и надежном устройстве. Оно должно было не только снабжать помещения чистым воздухом, но и выводить наружу дым и неприятные запахи. Все это очень интересно, и я опознала один из ветряных туннелей, но потом они объяснили, как поддерживают чистоту в самой системе. Чтобы не допустить скопления пыли, ученые создали каких-то мерзких нано-слизней и запустили в трубы, чтобы они там жили и поедали грязь. Мало того — так чистили не только воздуховод, но и весь тарианский город. Когда в квартирах никого нет, слизи выбираются из системы и сжирают всю пыль и грязь в комнатах. Местные зовут их «соплями». Весьма точно.

Вот не надо было мне этого знать. Как же хорошо, что над кроватью нет вентиляционного люка! В голове возникли бесконечные сценарии ужасиков на тему того, что эти «сопли» могут решить почистить. Тарианские ужасики почти все про ионотов или нанотехнологии.

Когда я переставала параноить насчет пыли, то сворачивалась клубком и читала подаренные Зен книги. Поначалу меня не особо зацепило, но потом я прониклась главными героями. Действие разворачивается в мире под названием Лития, и хоть персонажи выходцы с Муины и обладают психическими талантами, все же занимаются освоением нового мира, а не борьбой с ионотами. Знатный замес из науки, магии и мистицизма. Не знаю, думала ли Зен о «психологическом аспекте», но мне и правда стало лучше. Даже написанная на иностранном языке, книга в руках успокаивала. Думаю, мне это было нужно, так же, как и выплакаться Мейзу.

Тень вскоре нашла мое новое жилище. Вроде ей тут понравилось, особенно на подоконнике. Она зарывается в подушки и наблюдает за грозами. На Таре еще ночь, и всю сверкают молнии. Благодаря звукоизоляции грома не слышно, но так здорово, что можно это все видеть!

Опять жуткие кошмары. Как я тону, а потом умираю от жажды. В конце концов посреди ночи я сдаюсь и оставшиеся часы просто лежала, глаза на рассвет и жалея, что Тень куда-то улизнула. Сегодня снова тренировалась с Марой и пережила больше медицинских тестов, чем было необходимо. Теперь мне сканируют мозг, а очередной серый костюм пытается меня «допросить». Seriously, если они хотят узнать, как у меня котелок варит, пусть лучше пришлют исту Треммар, а не какую-то женщину, которую я первый раз вижу.

Чем больше мне снится кошмаров, тем меньше мне хочется беседовать.

Сегодня ела с Зен и еще одной девушкой из ее отряда, Десс Чарн. Поболтали об Аренроне и о том, как я пережила путешествие по Каласе. Десс, которая терпеть не может плавать, сильно впечатлилась моими ластами и перепонками на пальцах и настаивала на использовании столь полезных модификаций во время тренировок в бассейне.

Зен задумчиво ее выслушала и пообещала добавить ласты при тренировках под водой, но непоколебимо стоит на своем в необходимости увеличивать скорость и в плавании на поверхности без каких-либо приспособлений. Она умеет отдавать приказы. И тренировала меня сегодня тоже Зен, а не Мара. Так странно, с тех пор, как она со мной возилась, столько времени прошло. Я невольно поглядывала наверх, почти ожидая увидеть, что кто-то за нами наблюдает.

Чувствую себя существенно лучше. Еще не восстановилась, но уже могу ходить, не шатаюсь. Зен заверила, что с радостью составит мне компанию, когда я снова соберусь в бассейн. А мне что-то не по себе. Плавать совсем не хочется. От одной мысли плохо.

И это меня очень тревожит.

Десенсибилизация [1]

Сегодня, не считая утреннего обследования, у меня выходной, раз уж первый и двенадцатый отряды на заданиях. Я долго сидела у себя в комнате, смотрела в окно на проливной дождь, а потом зарезервировала бассейн и пошла плавать.

Я взяла с собой маску для погружения, но поначалу просто наматывала круги на поверхности. И лишь долгое время спустя смогла заставить себя зажать в зубах респиратор и медленно пройти полосу препятствий до самого дна. Было нелегко: все время приходилось подавлять желание отчаянно рвануть наверх. Но я злилась на себя за трусость, продержалась до самого низа, а потом какое-то время лежала там, глубоко дыша и убеждая себя, что все нормально и плавать я не боюсь.

«Всплывай».

Сообщение от Рууэла, как обычно немногословное, настолько ошеломило меня, что я даже не сразу среагировала. Предчувствуя выволочку, я поплыла наверх и лишь в последний момент вспомнила, что должна по пути останавливаться у специальных меток, дабы избежать кессонной болезни, хотя не уверена, что в бассейне такой глубины ее вообще можно получить. По правилам полагалось задерживаться у каждой, так что подъем в общей сложности занимал минут пять, и мне с лихвой хватило времени погадать, что же Рууэл скажет, поудивляться, почему он непременно хочет сообщить это лично, и уговорить себя не слишком радоваться встрече.

Сквозь толщу воды я разглядела неверный темный силуэт на краю бассейна. Вспомнив, как неприятно было тарашиться на Каджала снизу вверх, я всплыла несколькими метрами дальше — но, как оказалось, Рууэл присел на корточки, чтобы не сильно надо мной возвышаться. Пока я приближалась, он смотрел на меня из-под полуприкрытых век, а потом спросил:

— Почему ты это делаешь, когда твои отряды работают в Эне?

Не знаю, что позволяет ему сразу переходить к сути — таланты видения или обычная сообразительность. Рууэл без лишних вопросов понял, чем я тут занимаюсь, и решил выяснить менее очевидные детали.

— Потому что с сетари спокойнее. Цели не достигла бы.

— Как и если бы отключилась бы на дне.

Я рассердилась. Стала бы я лезть в воду, ощущая усталость или недомогание.

— Уже давно не отключалась. Четвертый отряд больше не в отпуске?

— Нет, у нас есть еще пять дней.

— Нравится носить форму?

Он оглядел себя, прекрасно сознавая, что я пытаюсь соскочить с темы, но спокойно ответил:

— Я был в постели.

Итак, он надел униформу, потому что так было быстрее. То есть его разбудили и отправили сюда убедить меня не подвергать свою жизнь опасности. Я покраснела до кончиков ушей.

— Прости.

Рууэл покачал головой и встал:

— Не опускайся ниже пяти деларов.

Он вышел из помещения так быстро, что я не успела поблагодарить его за милаху. Да, можно было просто послать сообщение по интерфейсу, но это не то же самое. Я снова сунула в рот дыхалку, нырнула и проплавала еще десять минут, пребывая в крайне паршивом настроении.

Глупо, конечно. В конце концов, мне не запретили плавать одной, не отругали за то, что кто-то явно счел опасным поведением — просто наложили разумные ограничения. Но мне было плохо, потому что его выдернули посреди отпуска. И потому что отправили со мной нянчиться.

И да, со мной сейчас действительно надо нянчиться.

Некоторое время спустя я сообразила, что за всеми своими страданиями абыла, что нахожусь под водой. Плавание по-прежнему не вызывает восторга, но вряд ли бы я за раз добилась большего, да и вымоталась уже. Вернувшись к себе, я завалилась спать и погрузилась в кошмары о погоне.

А теперь вот задумалась, не перевели ли меня со второго уровня мониторинга на третий, когда за тобой постоянно следят? Что-то же заставило их прислать Рууэла... Я еще больше расстроилась, а ведь хотела как-то успокоиться, прежде чем неминуемо явится Мейз и захочет обсудить произошедшее. Повезло, что, когда первый отряд вернулся с задания, я еще спала.

Стоило проснуться, и уже через пять минут мне написал Мейз, спрашивая разрешение прийти поболтать. «Конечно», — ответила я, а едва он вошел в комнату, сразу ринулась в бой:

— Меня перевели на новый уровень мониторинга?

— У тебя отслеживают показания жизненно важных органов, — ответил Мейз, спокойно усаживаясь со мной на подоконнике. — А также твои перемещения. Разумеется, они забеспокоились, когда на дне бассейна у тебя участилось сердцебиение.

— Экстра-мониторинг навсегда?

— Мало что навсегда. — Он вздохнул и оглядел меня. — Касзандра, я понимаю, тебя это злит. Ты привыкла к гораздо большей свободе, чем мы когда-либо тебе предоставим. Но даже если ты полностью восстановишься, прошу, не экспериментировать так больше одна.

— Надо одной, если потом вдруг придется одной, — упрямо заявила я. — Но согласна, что далеко зашла.

Мейз решил не спорить и перешел к тому, что меня так беспокоило:

— Воздушные поиски Каласы только начались. Ты веришь, что мы его не найдем?

— Да, — ответила я. — Лучше не делать вид, что не придется возвращаться на платформу. Легче готовиться к худшему, а потом радоваться, что обошлось.

Ему пришлось признать мою правоту, и мы еще долго обсуждали, что случится, если они не смогут отыскать Каласу без меня. Скорейшее обнаружение города было задачей номер один на Муине, ведь если где и осталась информация о платформах и Колоннах, то именно там, куда ведут все платформы.

Сперва надо будет выяснить, есть ли там «система безопасности» и смогу ли я провести через нее сетари. Если не сработает, придется идти на гораздо больший риск. Скорее всего, меня снабдят каким-то оружием (а заодно едой, водой, респиратором и мощнейшим маяком), а потом посмотрят, сумею ли я телепортировать с собой кого-то из сетари.

Второй вариант тарианцев не особо радует, но Мейз признал, что, возможно, меня о таком попросят. Мы позавтракали и разошлись: он по служебным делам, а я на обследование и тренировку с Марой. Сегодня мне лучше. Преодолеть страх погружения было необходимо. Радость от воды ко мне явно вернется нескоро, но понадобится — проплыву.

Я справлюсь.

Вчера, сегодня, завтра

Если не ошибаюсь, в прошлое воскресенье был День матери. Я так увлеклась, что совсем о нем забыла. С прошедшим, мама. Я бы купила тебе очередной цветок в горшке, раз ты не любишь срезанные. Пожалуй, примулу, а то предыдущая не пережила встречи с Джулсом.

Я вернулась к обучению. Во-первых, чтобы считаться тут «взрослым» надо пройти определенные тесты. Сочетание возраста и способностей. Тесты не особо сложные, но сколько уже можно думать, будто со мной надо как-то по-особому обращаться?

И к чему эти обследования каждый чертов день? Первый отряд следит, чтобы я ела по большей части в присутствии хотя бы одного из них. Специальная забота о здоровье бродяги.

Сегодня они сформировали четырнадцатый отряд. Алаз стала у них спецом по управлению Эной. Четырнадцатый — еще один разведывательный отряд, и завтра мне предстоит их тестировать.

Тамошний капитан — Кин Лара, и мне немного странно, что его поселили в моей прежней квартире. Особенно учитывая, что у него четыре таланта видения (только видения видения нет). Кто знает, что ему пригрезится, пока он будет спать на моей кровати? Хорошо, что я там не очень долго прожила.

Надеюсь, с этим отрядом мы сойдемся. По крайней мере, там уже есть кто-то, кого я знаю. Алаз, конечно, мне на шею не бросалась во время запечатывания врат в Ране, но она хотя бы знакомая.

Четырнадцатый отряд

Сессия прошла хорошо.

Мы собрались в обычном зале. Я пришла чуть раньше, чтобы встретиться с Нилсом Сайятом, он пытается научить меня создавать иллюзии. Это мне подарок. Вообще-то, он предложил два варианта: массировать мне ноги или учить. Я выбрала второе, потому что не особо готова доверить ему свои конечности. В смысле, он же любит Зи, но иногда неясно, так ли уж Нилс шутит, когда флиртует со мной.

Единственное, что не дает мне заигрывать в ответ: я уверена, что Зи тоже его любит. Правда, иногда меня мучат сомнения. Пара ночей с Нилсом мне бы не повредила. Определенно, это было бы весьма познавательно.

Он очень ответственно подходит к занятиям. Пока учит меня визуализации. У него потрясающий голос, хрипловатый и завораживающий. У меня ничего не получается, возможно, потому, что я не столь профессиональна и все время думаю о массаже. Однако Нилс твердит, что создание иллюзий — одно из самых сложных умений, и я не должна сдаваться. Я по-прежнему сомневаюсь, обладаю ли вообще хоть какими-то способностями к иллюзиям, но против обучения не возражаю. Было бы здорово показать все то, что я пытаюсь описать, рассказывая о Земле.

Четырнадцатый отряд явился в полном составе и подошел знакомиться. Лара, их капитан, так расслаблен, что почти без сознания. Мне очень понравилась его сонная улыбка. На удивление, он провел свой отряд через тестирование так, будто каждый день этим занимается, а не заступил на пост только вчера.

Интересно работать с командой, где все либо мои ровесники, либо на год младше. За исключением Лары, они вели себя со мной до ужаса вежливо и аккуратно, но я чувствовала себя больше их равной, чем питомцем или талисманом. Они мне понравились. Вот бы все тесты в будущем проходили так хорошо.

Медленно прихожу в норму

Сегодня со мной тренировалась Мара. Она показала мне гимнастическое оборудование, которым пользуются сетари. Я догадывалась, что они наверняка и с весом упражняются. Мара объяснила, как работают тренажеры, но велела в одиночку к ним не подходить. Зря опасается: пусть в зале была всего пара людей из десятого отряда, вероятность очутиться тут с пятым и седьмым настолько велика, что я не рискну соваться в качалку без телохранителей.

Завтра тест с тринадцатым отрядом, а на следующей неделе — еще с несколькими командами, с которыми я прежде дел не имела. Мара говорит, начальство еще не решило, возвращать меня на маршруты или нет, и внезапно спросила, что я сама думаю по этому поводу. Обычно моим мнением не интересуются, видимо, всему виной пресловутый психологический аспект. После моего путешествия в Каласу все решили, что я хрупкий цветочек и вот-вот рассыплюсь. Даже Мара осторожничает больше, чем обычно. Последствия рыданий при включенном журнале миссии.

Я попросилась на дежурства с первым отрядом. Это лучше, чем переживать из-за кошмаров. Вдобавок, я волнуюсь о ребятах. Они выглядят усталыми.

[1] Десенсибилизация — один из первых методов поведенческой психотерапии Джозефа Вольпе, основанный на систематическом постепенном уменьшении чувствительности человека к предметам, событиям или людям, вызывающим тревожность и фобии. Основным принцип метода заключается в том, что антагонистическая по отношению к страху реакция, которая может быть сформирована во время действия стимулов, вызывающих страх, постепенно подавляет его реакции.

Еще пятнадцать минут

Немного позже «моей» полуночи, как раз когда я укладывалась спать, Мори прислала текстовый запрос на канал: *«Тебя это может заинтересовать»*.

Заинтригованная, я подключилась и обнаружила там Мори, Глейда, Пара и Сили Хеназ из восьмого отряда. Хеназ я едва знаю, но она вроде бы близкая подруга Мори и, возможно, почти возлюбленная Глейда.

— Что интересного?

— Это специальная расширенная серия. — Мори скинула на канал ссылку, и, открыв ее, я увидела середину начальных титров «Скрытой войны».

— По-прежнему сильно отстаю, — напомнила я, хотя уже начала догадываться, почему Мори вдруг понадобилось меня вызвать.

— Судя по анонсу серии, они списали персонажа с тебя, — вмешался Глейд.

— Это было неизбежно. — Голос звучал беззаботно, и новость меня и вправду не особо взволновала. Не случилось ничего такого, чего не могло произойти на Земле. — Почти привыкла к домыслам людей на свой счет.

— Тогда расскажешь, где они ошиблись, — довольно подытожила Мори. — Мы переписываемся во время просмотра, а в перерывах можно и поболтать.

Решив, что с ее стороны было очень мило лично поведать мне о новой серии, я все же осталась для просмотра, хоть это и нарушало мой график сна. Вообще, в каждую из двух смен идет бесплатная трансляция с рекламными вставками, а позже можно заказать повтор — платно (что-то вроде двадцати центов), зато без рекламы. Местные любят смотреть свежие выпуски в группах по каналам, но далеко не все прикалываются над сюжетом так же, как Мори и Глейд. Насчет Пара не уверена — то ли ему правда нравится история, то ли он просто составляет компанию Глейду. На сегодня это один из самых популярных сериалов на Таре, и даже я на него подседа, хотя взяла перерыв из-за кучи моментов, где другие калрани, соревнуясь за место в отряде сетари, издевались над главной героиней — слишком уж это напоминало травлю Зен. Представляю, что бы она подумала, если б узнала о моих ассоциациях. Я ведь все равно считаю ее невероятно компетентной, смертоносной и по праву занимающей свое место.

Специальная серия началась с того, что на холме из ниоткуда появилась девушка и ошалело заозиралась. Довольно высокая, с каштановыми волосами — вот и все сходство между нами. Актриса оказалась гораздо (гораздо!) симпатичнее меня. Изящный подбородок, огромные темные глаза, восхитительные скулы, кожа и фигура: эдакий русский тип, который здесь, по-моему, крайне редок. А вот от ее наряда меня перекосило. Нет, школьный блейзер и белая блузка почти правильные, только без галстука, но эта микро-мини-юбка и темно-синие гольфы до середины бедра... Похоже, «Скрытая война» не брезгует фансервисом.[1]

«Отправят домой, если явится в школу в такой короткой юбке», — написала я ребятам и задумалась, снимали ли это на Муине.

Холмы явно расположены где-то близ Пандоры, но, судя по их цвету, откуда бы создатели ни брали кадры, это точно не поздняя осень последних недель. Просто не верится, что они сумели отснять обо мне целую серию за короткий срок, прошедший с момента известия о моем существовании.

Не считая идиотской одежды, претензий к созданному образу у меня не было. Расстроенная, но не впавшая в истерику героиня какое-то время звала на помощь на несурзном языке, затем растерянно уселась на землю, но вскоре наполнилась решимостью и двинулась в выбранном направлении, выбивая отметки камнем на деревьях, до чего я когда-то не додумалась. Особенно меня впечатлила почти точная копия школьного рюкзака и то, что ее первой проблемой стали волдыри, а еще она тоже провела инвентаризацию и на закате записала все в дневник.

Нелепые буквы напоминали скорее стенограмму, но в субтитрах появлялся перевод некоторых фрагментов, вроде: *«Где я? Уверена, это не Зимля. Все, что я могу — это продолжать бороться, пока не отыщу цивилизацию... но вдруг здесь нет никого, кроме меня?»*

Потом началась реклама, и мы трепались по каналу о том, как здорово актриса изображала страх, потерянную и решимость, и о том, что я делала, а в сериале не показали (в основном проверяла мобильник и сетовала на нехватку салфеток, чтобы подтираться в этом враждебном мире — хотя об этом я старалась особо не распространяться). Еще мы немного порассуждали о методике создания фона, раз уж все были уверены, что снимать на местности никому не разрешали и не разрешат в ближайшее время. Глейд объяснил, что использовали компьютерное моделирование на основе официально опубликованных результатов исследований.

Далее путешествие киношной меня ускорило: несколько дней превратились в несколько кадров с вспалившимися волдырями, пробами случайных ягод и орехов, попытками сплести корзинку, коврик и шляпу, прятками от зверей и взглядами на луну с ну очень неземным кратером. Мое восхищение точностью деталей сошло на нет, когда актриса вскарабкалась на дерево, спасаясь от стаи серых терьеров. А потом долго лежала под плетеным ковриком: экран полностью почернел, и остались только звуки: чьи-то шаги совсем рядом, треск коврика под тяжестью невидимого монстра, его дыхание над героиней и ее попытки сдержать рыдания.

Чрезвычайно эффектная сцена.

Началась реклама, но я не могла вымолвить ни слова. Не из-за дурных воспоминаний, а потому что только истен Нотре рассказывала о терьерах, и только Лону и Маре — о жуткой ночи, когда готовилась стать чьим-то ужином. Тогда же я призналась им, что расстроюсь, если меня клонируют. Мори и Глейда серия впечатлила, но когда они начали обсуждение, я написала: *«Все так и было. Рассказала только двоим. Много правда».*

После небольшой паузы Глейд спросил:

— Ты у себя, Касзандра?

Он не знал, так как четвертый отряд еще не вернулся из отпуска, и далеко не все имеют право отслеживать мое точное местонахождение.

«Да. Собиралась спать. У кого есть полный доступ к файлу КОТИС обо мне?»

— Я выясню. Не отключайся, ладно?

Рекламная пауза только закончилась, когда пришло сообщение от Кетзарен — единственной не спавшей из первого отряда: *«Можно войти?»*

Я разблокировала дверь и слегка прибавила освещение. Меня мутило и бросало в жар, и вылезать из кровати не слишком-то хотелось, но и лежать там, скрючившись, точно ребенок в обнимку с плюшевым мишкой — тоже. В общем, я встретила Кетзарен у двери, а она, едва на меня взглянув, заставила сесть на диван. Судя по футболке и шортам, ее саму выдернули

из постели. Кетзарен устроилась рядом и крепко меня обняла, а Мори тем временем подключила ее к нашему каналу.

— Думаю, злюсь в основном потому, что не предупредили о разглашении таких подробностей.

Зря я заговорила вслух. Голос выдавал пережитое чувство чудовищного предательства, и, сосредоточившись на сдерживании слез, продолжение серии я смотрела урывками. Там показали, как я нашла Пандору, выбрала себе башню и начала обживать. Я уже успокаивалась, так как сценарий хоть и довольно точно следовал реальным событиям (кроме захватывающего эпизода с монстрокотом, полностью выдуманного), но ничего такого, о чем я не рассказывала бы разным людям по несколько раз, больше не показали.

Во время просмотра Кетзарен поглаживала меня по плечу, а едва началась очередная реклама — сразу после эпизода с первым лунным дождем — сообщила:

— Мара принесет нам чего-нибудь горячего попить.

— Не хотела будить людей, — вздохнула я.

Сам факт, что я расстроилась и вызвала переполох, хотя могла спокойно поговорить завтра с Мейзом, расстраивал меня еще больше.

— В последнее время чувствую себя перевозбужденным ребенком с вечными драмами.

— Перестань ставить себе такую высокую планку, — отчитала меня Кетзарен. — Этот год был для тебя чрезмерно сложным. Ты адаптируешься лучше, чем мы могли надеяться, но снова потерялась, осталась одна, раненая и в большой опасности — о таком нельзя просто забыть. Почему ты ждешь от себя подобного? Все еще видишь кошмары?

— Уже не так часто.

— Но и не редко, верно? А теперь еще и сериал. Поверь, все это выходит за рамки официально доступной информации о тебе. И в итоге ты чувствуешь себя использованной, чувствуешь, что не можешь нам доверять, разговаривать с нами, не опасаясь сплетен. При этом мы — единственные, с кем тебе хочется все обсудить, и ты думаешь, что обременяешь нас своими переживаниями.

— Все так очевидно?

— Ты открытый человек. — Кетзарен потянула прядь моих волос. — Я бы бесилась и хотела что-нибудь разбить, но ты другая. Уверена, что хочешь досмотреть до конца?

— Не усну, не зная, что там еще.

Но ведь будет следующий эпизод, и еще один. Я поняла, что трясусь. В буквальном смысле — сижу и трясусь из-за ТВ-шоу, и нет никакой возможности скрыть это от Кетзарен.

А в сериале разыгрывалась драма: ослабленная болезнью героиня пыталась делать хоть что-то ради выживания. Пришла Мара с кружками горячего напитка, смутно похожего на чай. С кучей подсластителя. Они с Кетзарен стиснули меня с боков, хотя не должны касаться меня одновременно, и мы наблюдали, как невероятно красивая девица становится истощенной и больной, но при этом еще более красивой, и во время второго лунного дождя видит, судя по всему, пророческие сны о Колоннах и каменных вратах. Мара и Кетзарен ощутили мою реакцию, но ничего объяснить я не могла.

— Поразительно, что она до сих пор таскает эти гольфы, — сообщила я по нашему каналу в очередной рекламной паузе, и голос прозвучал почти нормально. — Я бы с такими длинными носками столько всего полезного сделала, а она их просто носит.

— Полезного? Например? — поинтересовалась Мори, явно обрадованная, что нервный срыв мне больше не грозит.

— Например, пращу — для защиты. Бросать камни действительно сильно и быстро. Или сумку. Или лямки. Она даже не подвернула их вдвое, чтобы утолстить, когда заработала волдыри.

— Часть рыночного образа, — ответил Глейд. — Думаю, всю одежду можно будет купить в рамках перекрестного продвижения.

Мысль о тысячах тарианских подростков, расхаживающих везде в сексуальной версии моей школьной формы, была довольно-таки пугающей. Я потрясла головой, надеясь, что если Тара когда-нибудь выйдет на связь с Землей, то все копии сериала к тому времени волшебным образом исчезнут.

Смотреть следующую часть было тяжело. Меня всегда пугала идея безумия, и дни после второго лунного дождя, когда я все отчетливее убеждалась в существовании шнырявших за каждым углом тварей, до сих пор были подернуты мутной неприятной дымкой. Я совсем ослабла и чувствовала, как разум вместе с телом разваливается на куски. В разговоре с истен Нотрой я проскочила эти моменты, но явно открыла куда больше, чем хотела. А потом явилась ддора, которая совершенно точно спасла меня от хищного ионота, или что там пыталось меня сожрать. Дальше показали тихое туманное утро и вид глазами актрисы: две фигуры в черном стоят в ее убежище, глядя на нее сверху. Не сказать, что прям вылитые Сонн и Рууэл, но весьма похожи, особенно полуприкрытые глаза парня.

Затем камера отъехала назад, взяв в кадр всех троих, и переключилась на Сонн, которая смотрела вниз на больную и неряшливую (но все же очень красивую) девицу, а она пялилась на них, и страх и шок на ее лице превращались в радость.

— Грязная тварь, — прокомментировал лже-Рууэл.

У меня отвисла челюсть. Представляю реакцию Пара, Мори и Глейда...

— Что будем с ней делать? — спросила лже-Сонн (звали их, согласно отразившейся информации о сетари, Ластьер и Чейн). — У нас нет времени возиться с бродягой.

— Оставь ее у озера, заберут. Она не наша проблема.

И «Ластьер» поднялся по лестнице на крышу, оставив напарницу пасти перепуганную дрожавшую девицу. «Чейн» же сделала все возможное, чтобы избежать прикосновений «грязной твари». Завершилась серия образом героини, что сидела в одиночестве на прибрежном камне, прижимая школьный рюкзак к груди и глядя на плывущий по озеру корабль.

После мерзкого комментария «Ластьера», Мори торопливо написала: «Рууэл не говорил ничего подобного, Касзандра». А я ответила: «Знаю — читала отчет о миссии». Когда побежали финальные титры, их с Глейдом просто прорвало от возмущения. Даже Пар пробормотал что-то о том, как все неправильно. Все члены четвертого отряда безоговорочно преданы Рууэлу, и им было невыносимо, что его представили в ложном свете.

— Бедная Сонн, — вставила я, когда они остановились перевести дыхание. — Рууэл, скорее всего, и не заметит, но Сонн будет действительно больно. Когда встретитесь, передайте, что я и не думала, будто они говорила мерзости. Они лишь выглядели очень занятыми и удивленными неожиданной находкой.

Просматривая журнал миссии, я поняла, что, проследив мой путь до башни, сетари вообще не ожидали найти меня живой.

— Четвертый отряд — очень необычный выбор на роль злодеев. — Судя по тону, Хеназ изо всех сил старалась не расхохотаться. — Однако это самое наглядное и преднамеренное отображение настоящего отряда из всех, что я видела.

— И в серию вставили точную копию сцен, записанных в журнале миссии, — добавила Кетзарен. — В чем, собственно, и состоит проблема. Вскоре узнаете о результатах расследования. Уверяю, никто не считает, что четвертый отряд вел себя неподобающе.

— И на этой ноте мы все отправляется спать. Всем доброй ночи, — попрощалась Мара и отключилась от канала.

Я поблагодарила ребят, что дали мне знать о серии, и тоже вышла.

— Забавно, как два лишних слова могут изменить смысл всей сцены. Все почти так и было, но два слова превратили четвертый отряд в гадов вместо занятых своим делом людей.

— Ты немного оклемалась, — улыбнулась Кетзарен. — Больше не трясет?

Я пожала плечами и склонила голову:

— К такому сюрпризу я была не готова. Думала, они все перевернут и навывдумывают.

— Вместо того чтобы показать пугающую правду, о которой ты рассказывала только мне и Лону? — напряженно уточнила Мара. — Я так зла, что готова закричать. Мейз искал способы укрепить твое чувство безопасности и нерушимости личного пространства, а не наоборот. Мы и в самом деле записали ту беседу, Касзандра, и Мейз прикрепил ее к оценочному отчету, но заглянуть в него не можем даже мы с Лоном. Помимо вышестоящих лиц, только капитанам дозволено знакомиться с личностной оценкой, да и то лишь членов своих отрядов, в твоем случае это три капитана. Ничто из этой информации нельзя выносить на публику. Я правда не понимаю, что происходит, но и ты, и четвертый отряд имеете все основания для гнева.

— Сейчас слишком устала, чтобы злиться, — ответила я. — Прости, что взбудоражила посреди ночи.

— Считаешь, что лучше б было переживать в одиночку? — вмешалась Кетзарен. — Быть частью отряда — значит поддерживать друг друга.

— Я побуду с тобой несколько часов, — добавила Мара. — И не спорь. Помимо прочего это значит, что именно Кетз придется разбудить Мейза и рассказать ему о нарушении секретности. Нам всем будет легче, если с тобой кто-то останется.

Сил спорить и убеждать Мару, что я в порядке и со всем справлюсь, не было. Пришла пора признать, хотя бы мысленно, что из-за Каласы, да и вообще всего случившегося со дня сдачи школьных экзаменов, я и близко не в порядке.

В итоге хорошо, что Мара осталась: мне снились жуткие кошмары, но благодаря ее руке, сжимавшей мою, казалось, что я могу от них убежать. Позже Мару сменила Зи, и именно ее я обнаружила на краешке кровати, проснувшись от мерзейшего сна (тысячи зрителей в римском Колизее наблюдали, как меня пожирают львы).

Дождавшись, когда я проморгаюсь, Зи оцупала мой лоб.

— Придется сегодня отправить тебя к медикам, — сказала она, — и не надо гримасничать. Не знаю, лихорадка ли вызвала кошмары, или наоборот, но температура у тебя определенно повысилась. На Земле тебе тоже снились кошмары?

— Нет. В детстве бывали плохие сны, но ничего подобного. И даже на Муине кошмары снились, но не такие. Началось с жутких снов после отключения Колонны — словно воспоминания о случившемся, кусочки, которые не могла вспомнить после пробуждения. Все уже позади, но... — Я осеклась и покраснела.

— Но стоит ли мне рассказывать, а то вдруг и это попадет в сериал? — подсказала Зи.

Скорее, я думала о том, что стала видеть очень живые сны о Рууэле, которые компенсировали кошмары — вот только в этом точно не собиралась признаваться, будь

секретность нарушена хоть тысячу раз. Я пожала плечами:

— Похоже, сны теперь стали ярче. Или я запоминаю их лучше. Как продвигается расследование?

— Слухи есть, но ничего официального. Одевайся, и пойдем завтракать.

Ели мы в квартире Зи. Туда же пришел Мейз, чтобы обсудить сериал и мои чувства по этому поводу. Я честно ответила, что после просмотра не хочу больше никогда и никому ничего говорить, но при этом сознаю, что реакция чрезмерная. Впрочем, от психолога я отказалась наотрез. Я видела кошмары, потому что в реальности столкнулась с жуткими монстрами. И если придется такое обсуждать, то лучше с Зи или Марой, чем с каким-то случайным незнакомцем.

Мейз посоветовал больше не смотреть «Скрытую войну», а я ответила, мол, ни за что не пропущу четвертый отряд в роли злодеев и жду не дождусь появления нурийца, который будет меня спасать. Мейз понял, что я дразнюсь, но, думаю, смотреть сериал я все же продолжу, только теперь в одиночестве. А еще, кажется, он догадывается, как создатели получили информацию обо мне, но ничего не скажет, пока все не подтвердится официально. Мейз уверен — утечек больше не будет. Надеюсь, он прав.

Прямо сейчас я застряла на сенсорной кровати в медблоке. Они ждут, когда я отключусь, чтобы продолжить сканирование во время сна, но я от этой идеи как-то не в восторге — а вдруг приснится Рууэл?

Надеюсь, я не ошиблась, и ему плевать на сериал. Нет, вероятно, его зацепило, что отряд расстроился, но все остальное — вряд ли. Как хорошо, что на момент просмотра я уже точно знала, что Рууэл такого не говорил. Вообще трудно представить его произносящим нечто неуместное и оскорбительное, неважно, думает он так или нет.

В конце концов, я и правда была очень грязной. От одной мысли об этом хочется залезть в горячую ванну и от души натереться ароматным мылом.

Столько сканирований и тестирований, а толку-то. Температура упала, но, несмотря на усталость, уснуть было тяжело. В итоге мне вкатили слабенькое успокоительное, и не уверена, что вообще видела какие-то сны. Сегодня вернулась снова — заставили — и на сей раз отключилась естественным путем. Режим совсем сбился. Снилось, что я заблудилась — кажется, в торговом центре, ибо толкучка там была знатная. Так или иначе, мне позволили вернуться к обычным делам и графику тренировок с остальными отрядами (хотя тринадцатый убрали из начала списка в конец).

Похоже, изучить мои сны не удалось. Во-первых, я не хотела их видеть, а потому (сознательно или нет) подавляла. Во-вторых, я уже не была расстроена, а самые страшные кошмары снятся мне как раз от расстройства или стресса. Полагаю, как и всем людям.

Сегодня днем меня навестила Мори — завтра четвертый отряд возвращается на службу. Она до сих пор не успокоилась, а тут еще и вышло интервью с актером, который сыграл фальшивого Рууэла. Парень поведал о чудовищном графике съемок, о том, насколько ему нравится роль, и что «Скрытая война» популярна в том числе и из-за отказа создателей представлять сетари безликими однобокими героями без изъянов. Мол, даже отъявленные мерзавцы могут рисковать своими жизнями, защищая других.

По мне, так это просто умора, но я старалась не веселиться в открытую, Мори ведь искренне расстроилась из-за Рууэла. Готова поспорить, прямо сейчас из всего четвертого отряда Рууэл переживает меньше всего. В основном всех напрягла схожесть с реальными событиями, и разумеется, внутри КОТИС каждый в курсе, что меня нашел именно четвертый отряд. А еще персонажа той няшной актрисы зовут «Касзандра Девлин». По ее словам в интервью, продюсеры решили, что было бы глупо переименовывать столь крупную историческую фигуру. И «Скрытая война» нарисовала нашедших меня людей суровыми придурками. Могу только надеяться, что злодейский аспект добавлен ради драмы, и впоследствии его смягчат. В конце концов, Рууэл спас мне жизнь, когда я блуждала в пространствах.

После Мори зашли Мейз и Зи — рассказать о результатах расследования. Похоже, женщина по имени Интена Джун, офицер отдела по связям с общественностью, решила с моей помощью построить себе карьеру. Частью ее обязанностей был выпуск пресс-релизов о сетари, а позднее и обо мне и событиях на Муине. Сюда же входила работа техническим консультантом для шоу вроде «Скрытой войны», когда об этом просили. Похоже, Джун возомнила себя писателем и, вот так сюрприз, уволилась ровно за день до выхода в эфир серии с моим участием, после чего была упомянута в пресс-релизе как бывший член КОТИС присоединившийся к команде сценаристов.

Ситуация паршивая, но и она не объясняла, как моя беседа с Лоном и Марой оказалась частью сюжета: невозможно вступить в КОТИС без подписания толстого соглашения о неразглашении, и у офицеров по связям с общественностью точно нет доступа к чьим-либо личностным оценкам или журналам миссии. Однако Джун использовала вполне очевидную отговорку: мол, все это художественный вымысел, основанный на официально опубликованной обо мне информации, и дескать, в семье Джун встречались слабые таланты видения видения, так что она просто опиралась на развитую интуицию. Разумеется, после выхода пресс-релиза в народе начались споры о том, что из показанного правда, а что

выдумка, чего и добивались продюсеры. Серия имела оглушительный успех, а зрители на форумах теперь предвкушают сезон, в котором, как все надеются, вскроется подноготная настоящих сетари.

У критиков эпизод тоже вызвал много восторгов, особенно восхищались актрисой (новичок, Се-Ан Сурад, которая, что ни говори, целую серию длиной в кассе отыграла практически в одиночку и без единого слова). Почти во всех рецензиях упоминалась ночная сцена: мол, нечто столь простое, как дыхание зверя, принесло ощущение опасности и «заставило это отважное дитя» испытать дикий ужас.

КОТИС понадобился еще день, чтобы вычислить, каким образом Джун заполучил доступ к файлам. Мейз не вдавался в подробности, но расследование привело к некоему очень старому и высокопоставленному синему костюму, который как раз имел доступ ко всему, а также состоял в «ненадлежащих отношениях» с Джун. В итоге ему это нарушение секретности аукнется очень серьезно, а Джун — в гораздо меньшей степени. Система правосудия тут не такая безумная, как на Земле, но КОТИС — всего лишь государственное учреждение, оно не всесильно. Хотя они могут и, скорее всего, захотят выдвинуть обвинение и попытаться наказать Джун (штрафы, потеря всех функций интерфейса за исключением базовых, возможно, лишение свободы). На Таре нет смертной казни, но в экстренных случаях через интерфейс можно наслать действительно ужасную кару. Вот только кража моих личных данных — не совсем экстренный случай.

Похоже, Джун достаточно амбициозна, чтобы ради высокооплачиваемой работы пожертвовать несколькими годами свободы, привилегиями или даже гражданством.

— Мы уже не в силах удерживать СМИ в стороне от КОТИС и сетари, — сказал Мейз потирая глаза. Он вновь выглядел уставшим. — Прежде нам удавалось сохранять анонимность, поскольку вне стен КОТИС мы все одинаковы. В униформе, с определенным набором талантов — и никакой нужды обнародовать факты о нашей личной жизни. И создателей сериалов вроде этого без проблем снабжали подробностями о том, как формируются отряды, о маршрутах и ионотах, но без имен, информации о нас вне службы и без деталей настоящих миссий. Мы просто не позволяли ничему из этого выйти наружу, и сценаристы сами выдумывали персонажей. Даже отряды у них названы по цветам, и героя из зеленого отряда нельзя проассоциировать с членом четвертого, восьмого или десятого. Иногда чья-нибудь семья дает интервью, и большинство наших имен общедоступны, однако никто не может соотнести имена с отрядами, лицами или событиями. Нас узнают лишь после смерти.

Мейз посмотрел на меня, но я так и не смогла понять по лицу, думает ли он о своей жене.

— Но теперь из-за открытия Муины мир меняется, — продолжила Зи. — Наши усилия в Эне уменьшили количество смертей на Таре, но решение проблемы мы так и не нашли. Не происходило никаких важных событий, которые можно было бы приписать конкретным сетари. Пока четвертый отряд не нашел тебя. Нечто столь значимое подвигло продюсеров нарушить установленные правила, раздобыть истинные сведения об отряде и ввести персонажей, срисованных с четвертого. Хуже того — искаженных персонажей. Даже если бы они использовали уже существующих героев, они бы все равно стали ассоциироваться с теми отрядами, что работали с тобой.

— Если они в точности следуют моей истории, то на очереди Зен. — Эта мысль мне совсем не понравилась.

— Секретность сведений о Муине также под сомнением, — сказал Мейз. — Открытие Аренрона, твое пребывание в Каласе — все станет известно сотням, тысячам. Детали утекают, многие начинают задаваться вопросом, какое право имеет КОТИС, правительство, кто угодно засекречивать сведения, важные для всех выходцев с Муины. — Он вздохнул и пожал плечами. — Трудно оправдать сохранение тайны Аренрона лишь тем, что это может расстроить людей. Такое не спрячешь навечно.

— Это мы так долго и нудно пытаемся сообщить, что КОТИС не сумеет прикрыть сериал, — добавила Зи. — В лучшем случае — задержать выпуск, но, как бы ни добыли информацию, твое личное путешествие нельзя причислить к военным тайнам.

— И из-за меня часть сетари тоже станут известны. — От открывшихся перспектив меня замутило. — А отряды, с которыми не хочу работать?

— Селки полностью убрал это из отчетов, — заверил Мейз. — Сведения не пойдут дальше него самого, Рууэла и нас. Пятый и седьмой — очень эффективные команды, которым необходимо научиться контролировать свое эго. И нам не добиться этого, если все узнают, почему ты больше никогда не будешь к ним прикреплена. Если все сделать правильно, они сами придут к нужным выводам и осознанию своих ошибок.

Я расслабилась, затем вздохнула:

— И все равно проблемы еще будут, да? Они же смешивают супер-драму с правдой, и сетари не всегда смогут понять, что взято из моего файла. — Я умолкла, широко распахнув глаза. — А объяснение «лабораторной крысы» там есть?

Я дернула футболку, одну из тех, с рисунком. Я отстояла право надевать их на время тестов в медблоке.

Судя по выражению лица Мейза, крыса в отчетах упоминалась, и я не смогла удержаться от смеха.

— Ты включил момент, когда Рууэл сказал, мол, я правильно называю себя «экспериментальным животным»? — спросила, стараясь (не слишком усердно) спрятать ухмылку. — Сам влип! Ох, жаль, подразнить его я не осмелюсь.

Мейз и Зи напомнили мне, что четвертый отряд вряд ли сочтет это столь же забавным, но в целом, похоже, обрадовались моей способности смеяться. Зи предложила посидеть рядом, пока я сплю, но, полагаю, самое худшее позади. Вроде бы кошмары случаются после потрясения или удивления. Надо бы выяснить, как вызывать вместо них приятные сны.

Представься шанс, я бы с удовольствием отвесила той предательнице увесистую затрещину. Наверное, нужно сказать Таарел, что это поможет мне преодолеть нежелание бить людей.

[1] Фансервис — прием в современном изобразительном искусстве, ключевой особенностью является включение в сюжетный ряд сцен или ракурсов, которые не являются сюжетообразующими, но рассчитаны на определенный отклик у основной целевой аудитории с целью повышения заинтересованности и/или привлечения потенциальных зрителей. Термин происходит из фэндома манги и аниме, но сейчас он используется и относительно других медиа, например, видеоигр, комиксов и фильмов.

Часто термин используют только для обозначения самого популярного и дешевого вида фансервиса — панцу, подбора ракурсов и кадров таким образом, чтобы ненароком продемонстрировать детали нижнего белья персонажей женского пола.

Расставляя галочки

Мне назначили тренировки с шестым, десятым, одиннадцатым, двенадцатым и тринадцатым отрядами, после чего с подробными тестами будет покончено, пока не соберут новые команды. Сегодня тестировалась с двенадцатым, и все прошло весьма неплохо. Лентон вел себя подчеркнуто корректно, в то время как расслабленная Зен даже поболтала со мной, прежде чем начать запись сессии. Потом мы вместе обедали и беседовали о Каласе. Зен была настороже, готовая остановиться при первых призраках огорчения с моей стороны, и когда парочка сетари перешла к обсуждению «Скрытой войны», в частности к тому, насколько забавен четвертый отряд в роли злодеев, она прервала разговор одним словом.

Думаю, действующая служба позволила двенадцатому отряду успокоиться и принять Зен в качестве командира. До сих пор не пойму, отчего они относились к ней так враждебно, но уточнять не хочется.

Четвертый отряд вернулся, и я, жутко раздражая саму себя, весь день провела начеку — вдруг удалось бы хоть мельком увидеть Рууэла. После тренировки я как обычно задремала, а когда встала, ощущение его отсутствия было таким сильным, что не расстроиться получилось с трудом. Мы с ним теперь в разных сменах, так что шансов на встречу немного.

Время ужинать с Лоном и Марой.

Сегодня наконец поднялась на крышу — с тех пор, как меня выпустили из медблока, погода впервые улучшилась. На Таре, похоже, нет времен года, одни штормы. Мне по-прежнему не нравится сидеть взаперти так долго, но с окном гораздо проще. Интересно, есть ли хоть малейший шанс уговорить их сделать его открывающимся?

Я пробыла там недолго, читая разъяснения о том, почему тарианцы не мертвенно-бледные и не страдают от дефицита витамина Е (в основном, благодаря особому освещению), когда рядом присела Зи.

— Судя по твоему лицу, назрел серьезный разговор. Что-то случилось?

— Умеешь ты смущать, — ответила Зи (со спокойной уверенностью шикарной сверхсмертоносной женщины). — Верно, кое-что случилось. Благодаря Колару в СМИ разразилась буря... Прежде мы контролировали информацию, на Тару и Колар с Муины возвращались единицы, и все исходящие сообщения тщательно проверялись. Однако то были лишь временные меры, ведь в процесс вовлекалось все больше и больше народу. К тому же устройства коларцев не подключены к интерфейсу, а значит, нет и инструментов цензуры. Одно из них протащили тайком, там очень подробные детали экспедиции, Аренрона...

— Приключений Касс в Каласе.

— Всплыло много снимков с раскопок Аренрона, в том числе фото третьего, четвертого и восьмого отрядов. И твои. Все это разносится по новостным сетям Колара и вот-вот ударит и здесь. То, что передача информации между планетами зависит от кораблей, дает нам лишь небольшую фору.

— Сетари все больше теряют анонимность, — вздохнула я. — Может, потренируемся, поиграем или еще что? Не хочется просто сидеть в ожидании первой реакции.

— Ты совсем не обеспокоена, — одобрительно заметила Зи.

— Я знала, что так и будет. Слишком много людей в Аренроне, которые интересуются мной — и сетари. Не в восторге, но это не так бесит, как когда кто-то делает деньги на украденной из моего файла информации или изображает меня на экране.

Мы отправились в спортзал, где Зи дала мне комплекс упражнений на мягкое сопротивление и растяжку, а затем отправила немного походить на дорожке. Мне пока не до пробежек. Я переключила свой статус в интерфейсе на «занята», чтобы сообщение мне отправить могли, но ответа не ждали. Зен и Мори что-то прислали, но я даже не взглянула, пока Зи не решила, что я упаду, если продолжу тренировку. В итоге мы приняли душ и, захватив еду, пошли к ней в квартиру смотреть новости.

В первую очередь я нашла известия о сетари — в основном все захлебывались ликованием. Реальные снимки настоящих сетари! С таким никакие рисунки очевидцев не сравнятся, как бы точны они ни были. А тут фото, еще и такие качественные: четкие, резкие, лица крупным планом. Их быстро соотнесли с досье, которые собирались годами, и я не без удовольствия отметила, что единственным человеком без нормальной фотографии оказался Рууэл — он всякий раз словно отворачивался.

Реакция на Аренрон была ожидаемой: грусть из-за выводов об изображенных идолах, злость из-за того, что все это не донесли до общественности.

Я избегала любых ссылок, которые касались меня, но в итоге добралась и до них. Попалось несколько действительно отличных снимков, где я выглядела не так уж плохо, но

количество фото крупным планом совсем не радовало. Для пушного эффекта они использовали зум. И почти везде выделялись мои разномастные глаза.

Любимой стала фотка, где у меня вздернута бровь и чуть искривлен уголок рта в выражении полного неверия — помнится, так я выглядела, когда Мейз попросил надеть платье для встречи с нурийцем. Соблазнившись заголовком «Межпланетная любовь!», я открыла ссылку и обнаружила коларский «желтый» журнальчик с очередным снимком: я улыбаюсь Араду Налазу из коларского отряда сетари, а он довольно дружелюбно взирает на меня сверху вниз. Это как раз после того, как меня допекли все эти коларские археологи.

— Надеюсь, у Налаза нет ревнивой девушки, — подала я голос впервые с момента, как мы с Зи нырнули в дебри интерфейсовских страстей. — Надо бы запомнить на будущее, что нельзя улыбаться на публике ни одному мужчине. И, ух, как много снимков со мной. Все сделаны за последнюю пару дней в Аренроне. Автор может претендовать на звание полноценного сталкера.

Зи моя бравада не обманула, и она мягко потеряла мне затылок:

— Судя по лицу, ты притворяешься, что не расстроена.

Я пожалала плечами, хотя к щекам прилила кровь.

— Не буду врать, что довольна. Но все это слишком... далеко от меня, что ли. Только фото и сведения, уже известные всем на Муине: что я как-то странно взаимодействую с руинами, но без особого толка, что могу пользоваться платформами и вляпываться в неприятности, что была ранена и вернулась на Тару. Тысячи людей были в курсе. Единственная разница с теперь уже миллиардом людей в том, что я могу читать их мнение о моей внешности. Хотя... ты видела всю эту ерунду, дескать, КОТИС был со мной чересчур небрежен, и нужно учредить комитет по надзору, чтобы обеспечить мне должный уход? Каковы шансы, что они этого добьются?

— Трудно сказать. Существует такой комитет для сетари, и это приносило нам пользу в течение многих лет. Ты тоже считаешь, что КОТИС был с тобой небрежен?

Пришлось все обдумать. В конце концов, со дня спасения меня госпитализировали уже полдюжины раз.

— Это как когда я попала на Муину и пыталась найти что-нибудь съедобное. Брала фрукты, которыми не брезговали звери, пробовала и, если не умирала, ела дальше. Однажды попробовала и сильно заболела. Это было небрежно? На моих глазах птица ела то же самое, и на вид все казалось не ядовитым. Я выгляжу обычной бродягой, и КОТИС отнесся ко мне соответственно. Потом нашли талант усиления, и КОТИС его протестировал. Никто ж не знал, что от прикосновения троих сетари разом я свалюсь с сердечным приступом. Если б знали, явно бы не стали проводить этот тест, как и я не ела бы тот фрукт, если б знала, что стошнит. То же и с телепортацией на платформах. Если бы платформы проделали это с другими, меня ни в коем случае не заставили бы встать на них. Не могу сказать, что прям все прекрасно. Я недаром нарисовала на одежде лабораторную крысу. Со мной почти не советовались и ничего не рассказывали, особенно в начале. И выбора следовать или не следовать чьим-то приказам не давали — я следовала, потому что это казалось лучшим вариантом. Комитет по надзору... звучит так, словно еще больше людей получит доступ к моему файлу.

Зи осталась на нашу щадящую тренировку с Марой, а потом весь отряд собрался на ужин (ели что-то вроде сложенной вдвое пиццы) в квартире Мейза, куда я попала впервые. Поначалу я решила, что он вообще не украшал свое публичное пространство, но время от

времени через комнату пролетала птица или семенила по полу, или пряталась за стенами, как за занавесками. А еще там был уголок с фото, где мелькали изображения целой кучи людей, похожих на Мейза, напоминая мне, что у всех сетари за пределами КОТИС есть семьи. Почти ничего лишнего: красивая чаша на столе, странноватая проволочная статуэтка. Я так и не поняла, принадлежало ли что-то из этого его жене.

Весь первый отряд уверен, что сегодняшние сенсации ни во что серьезное не выльются. Ну а мне остается только не выглядеть расстроенной, да и, если честно, особого огорчения и нет. На самом деле все это очень далеко от моей жизни, и потом, по большей части сведения положительные. Образ Земли как сестринской планеты Муины, похоже, закрепился. Однако фотографии стали еще одним напоминанием, что даже без второго уровня мониторинга приватность мне все равно не светит и внимание ко мне с каждым днем лишь усиливается. Все, что я делаю, говорю, вижу или слышу, записывается. Даже этот дневник, хорошо защищенный барьером из чужих слов, потеряет всю свою таинственность, если тарианцы выучат английский с моей (либо других землян) помощью.

Зато я придумала, как решить вопрос с фиксацией всех отслеживаемых мною записей. Просто вновь и вновь прокручиваю разговор с родными. Образ мамы не только улучшает мое настроение, но и всякий, кто ведет статистику моих запросов, отметит «пересматривала встречу с семьей» вместо «скорбно пялилась на Каорена Рууэла». Я всегда жму на паузу, как только отхожу от родных, и возвращаюсь к началу записи, когда только их увидела.

Знаю, жалкое зрелище. Но так я хотя бы могу на него смотреть, и я бы просто не вынесла, если бы над моими трогательными, невзаимными чувствами потешался весь КОТИС, не говоря уже о том, чтобы они стали достоянием общественности. Плевать, если и сплетнях меня сводят с каждым вторым коларцем, с которым я перекинулась парой слов, Рууэл — это другое.

Кажется, прошла вечность с тех пор, как мне снился один из тех замечательных снов о нем, зато каждый чертов день я просыпаюсь с осознанием, что его нет рядом.

Одиннадцатый отряд

Сегодня тестировалась с одиннадцатым отрядом, который прежде видела лишь на большом параде, где меня демонстрировали всем сетари. Прошло неплохо. Их капитан — девушка по имени Сек Эндаран — связалась со мной заранее, представилась и только потом повела в тренировочный зал для знакомства с другими членами команды. Куран — видение пути и врат. Дженера — управление Эной. Вен, Сит, Дава — ударная группа. Это отряд силовиков, с кучей мощных стихийных талантов. Я сразу же начислила Эндаран дополнительные очки за хорошие манеры и позитивный настрой, и она ничем не испортила это впечатление, хотя все же выглядела несколько самодовольно. Не знаю, может, все потому, что силовики обожают еще больше усиливаться. Из остальных могу выделить только Вена — он вел себя спокойно и приветливо и наблюдал за происходящим, словно это все отличное кино со спецэффектами.

Я тестировалась уже со столькими отрядами, что лица начинают сливаться.

Усиление талантов, связанных со стихиями, выматывает куда больше, чем работа со скоростью или видениями. После сессии без участия стихийников я в принципе даже не устаю, но приведите ударный отряд — и дневной сон мне гарантирован.

Снаружи невероятный шторм. Черный, как деготь, всюду молнии, и стена дождя пытается растереть мир в порошок. Удивительно, как тарианцы не погибли в первые годы жизни на планете.

Завтра следующая серия «Скрытой войны» (неделя здесь длится шесть дней). Мори предложила присоединиться к ним во время просмотра, но я отказалась. Не то что я не собираюсь смотреть, но отныне предпочту держать свои нервные срывы в тайне. Мы трепались о большой буче в СМИ и о том, как странно для некоторых сетари видеть в открытом доступе собственные снимки, и что некоторые из рисунков поклонников (на Таре обожают разнообразный фан-арт) когда-то дико раздражали Мори, но она переросла это и теперь почти не заморачивается.

Мори еще добавила, что я оказалась права насчет Сонн: она жутко расстроилась. В серии ее изобразили послушной приспешницей злодея Рууэла, и пусть никаких мерзких слов в ее уста не вложили, Сонн очень плохо это восприняла. Рууэл же, похоже, ограничился единственным комментарием: мол, он ожидал от создателей большего здравомыслия. При этом он по максимуму нагрузил четвертый отряд — Мара использует такую тактику на мне, когда замечает симптомы раздражения или беспокойства.

Мне было интересно, наслаждались ли другие отряды — особенно пятый — трудностями четвертого, но Мори явно пока не готова обсуждать со мной такое. А я, в свою очередь, слишком осторожна, чтобы в открытую расспрашивать о Рууэле.

В целом, спокойный день. Тренировка с Марой, медицинские тесты, которые, к счастью, стали назначать чуть реже. Много читала о себе и об Аренроне. Поскольку лантары все равно не пользовались особой популярностью ни на Таре, ни на Коларе, последние новости заглушили смущение людей и подтвердили всеобщее мнение, что именно лантары виноваты в потере Муины.

Десятый отряд

Очередь десятого отряда. Того самого, что пошел с двенадцатым спасать всех у Колонны. Работа с ними пробудила много воспоминаний. Командир отряда, Харал — спокойный, тихий парень, и мне уже доводилось видеть, насколько он хорош в чрезвычайных ситуациях.

И пусть я уже усиливала всех членов отряда во время спасательной операции, сегодня все равно тестировались от и до, а затем, «раз уж все в сборе», устроили небольшую боевую тренировку с бродягой на буксире. В десятом есть Мейн с талантом телекинеза и Тенс с левитацией — две девушки ниже меня ростом, и мы позабавились, придумывая, как бы им поудобнее меня перетаскивать.

После опять обедала с тестируемым отрядом и снова выслушивала вопросы о Каласе. Всегда легко опознать капитана команды: это тот, кто внимательно смотрит на меня, определяя, не собираюсь ли я разреветься. В общем-то, я не против поговорить о Каласе, просто не понимаю, почему сетари так жаждут расспросить обо всем лично, ведь все они явно смотрели запись моих походов. Я обрадовалась, когда тема сменилась на более пространные рассуждения о лантарах и о том, были ли обитатели Аренрона приверженцами какого-то странного тайного культа или о них знали все лантары.

Я начала клевать носом, и Харал распустил отряд и вызвался меня проводить.

— Спасибо, что терпела их, — сказал он, когда мы ехали вниз на лифте. — Тебя так каждый отряд после тестов допрашивает?

— Некоторые все еще зациклены на безупречно корректном поведении, — ответила я, и Харал улыбнулся.

— Мы стараемся приспособиться. Нас готовили к столкновению с ионотами и друг с другом, но не с необыкновенной девушкой из другого мира, которая полностью изменит нашу жизнь.

— Я типичная австралийка. — Я открыла дверь, пытаясь скрыть смущение.

— Значит, Озтралия — крайне обескураживающее место, — произнес он и отвлекся на впечатляющую вспышку молнии снаружи. — Вот к примеру... на Таре мало кто вынес бы подобное в своем жилище. Не говоря уже о том, что тебе пришлось пережить.

Его голос все еще звучал мягко и спокойно, но с вполне определенной интонацией, и я вдруг осознала, что Харал — привлекательный парень моего возраста, и мы в моей квартире... Но быстро отмахнулась от дурацких мыслей и пробормотала:

— Окно толстое.

При этом, конечно, покраснев как помидор.

Он снова улыбнулся, кивнул и ушел. Когда дверь закрылась, я погасила свет и, устроившись у окна, наблюдала за рождением еще одной потрясающей молнии.

Я не могла решить, был ли это открытый комплимент или завуалированное проявление симпатии и восхищения. Чувствовалось в Харале какое-то... напряжение. Его талант — электричество, хех.

Я еще не поняла, как относиться к такой возможности. Харал впечатлил меня во время спасательной миссии, и работать с ним сегодня было комфортно. Он легкий в общении, помогает расслабиться. Внешне — типичный тарианец: золотистая кожа, черные волосы (правда с легким намеком на кудри), а глаза ясные, светло-карие. Как и все сетари, он

весьма эффектно смотрится в униформе. На Земле я была бы безмерно счастлива, если бы кто-то вроде него оказал мне даже малейшие знаки внимания.

Я так и уснула на сиденье перед окном, под вспышки молний, и увидела во сне Рууэла. Только не в положительном контексте: я искала его во дворце, полном башенок и балконов. Стоило разглядеть Рууэла в окне и потратить целую вечность, чтобы туда добраться, как он исчезал. Это повторялось снова и снова, и я знала, что он делает это специально — уходит всякий раз при моем приближении — и проснулась, рыдая и сгорая от стыда.

Честно, лучше бы опять увидела львов. Пора уже принять то, о чем мне талдычит подсознание. Вот бы узнать, как это сделать, и перестать себя вот так накручивать.

Я проспала слишком долго — уже довольно поздно. Следующая серия «Скрытой войны» через несколько часов. Не знаю, посмотрю ли ее в итоге.

На тренировке я зазевалась и получила сильный удар в плечо. В наказание Мара заставила меня отжиматься, чему я очень обрадовалась, ведь раз уже наказывает, значит считает, что я достаточно оправилась.

Настроение сегодня более оптимистичное. Ночью я перечитывала дневник и решила, что, в конце концов, не преследовала Рууэла. Я не искала с ним встречи, не донимала его. Просто много о нем думала, но кому от этого плохо? Да, его разбудили из-за моего эксперимента с нырянием. Начальство, похоже, считает Рууэла ответственным за меня в случае отсутствия первого отряда. Но мне всего-то и нужно проявлять осторожность и не нарываться на лекции, когда первый на маршрутах, и проблема разрешится. Какого черта я должна чувствовать вину из-за влечения к Рууэлу, если не делаю совершенно ничего такого, что его бы побеспокоило?

Общее состояние здоровья тоже способствует хорошему настроению. Сосредоточенность на учебе и тренировках помогает, и хотя после тренировок я вся в ушибах и выжата досуха, заряд бодрости и позитива все равно обеспечен.

Сегодня ощутила себя очень спортивной, когда один из физиотерапевтов сетари втирал местный эквивалент тигрового бальзама в мою спину и больно проминал пальцами мышцы, которые так приятно ныли. Сомневаюсь, что выдержала бы все эти заплывы, не будь я в лучшей физической форме, чем на Земле, так что главная цель на ближайшее будущее — вернуться к этому уровню.

Серия «Скрытой войны» обошлась без сенсаций. Сюжет вновь сосредоточился на основных героях, выполнявших очередную миссию. Правда вкратце упомянули «отряд индиго» и их задание изучить ддору на Муине. Ластьера обозвали «хладнокровным ублюдком» и сказали, что единственным достижением индиго в экспедиции стало обнаружение бродяги, однако эпизод был посвящен совсем другому.

Тяжело не сравнивать отряды из сериала с настоящими. Главная героиня напоминает мне Мори.

Шестой отряд

Сегодня шестой отряд. Это тот, что был в прилегающем к Колонне пространстве, когда все пошло наперекосяк. Они отправили Куана за помощью, а сами попытались спасти людей и отразить атаку ионотов, но провалились. Аммас, их телекинетик, погиб. Из-за этого я немного нервничала перед совместной тренировкой.

Их капитана зовут Кормин, и внешне она напоминает скорее коренную американку, чем азиатку. Решительная, ловкая. В плане манеры командования похожа на Таарел. Ко мне отнеслась вежливо, но отстраненно — и весь отряд, следуя ее примеру, не грубил, но и поболтать не стремился. Место Аммаса заняла девушка по имени Джорион, и она время от времени поглядывала на меня озадаченно и оценивающе, когда считала, что я не вижу. Интересно, выясню ли я когда-либо причину? Я ведь так и не узнала, чем не угодила Анье. Наверное, лучше не заморачиваться с мотивами, куда к этим отрядам меня не прикрепляют. В строю восемьдесят четыре сетари, и у каждого наверняка есть мнение о бродяге-усилителе.

Остался только тринадцатый, а на следующей неделе в календаре ничего не отмечено. Они явно не решили, что со мной делать. Столько тестов, но не уверена, что мне позволят вернуться в пространства даже с первым отрядом. А еще у них, кажется, есть приказ не пускать меня в город — первый вновь пригласил меня на ужин, только теперь к Маре.

Сегодня купила несколько забавных игр для интерфейса. Сомневалась, вступать ли в онлайн-игру, но большинство из них использует голосовой чат, и с моим совсем нетарианским говором лучше не рисковать, даже учитывая крутые модификаторы голоса, которые можно использовать для погружения в образ.

К тому же не уверена, что меня бы вообще пустили: никогда не пробовала писать на публичном форуме или общаться вне КОТИС, и не только из-за опасений по поводу реакции собеседников. Мне самой специально не запрещали, однако сетари нельзя раскрывать личности, и калрани не дозволяется болтать на таких форумах. Не особо хочется получить прямой приказ не разговаривать с людьми. Сейчас я гораздо увереннее, чем раньше, но избегаю разочарований и конфликтов. После Каласы и так паршиво с самочувствием, так что лучше не форсировать.

В общем, я купила рассчитанные на одного игрока бродилки-головоломки. Первым делом взялась за детектив-нуар с убийством: действие разворачивается на Таре до эпохи компьютеров, не говоря уже об интерфейсе. Для меня это как интересный урок истории, плюс позволяет погрузиться в виртуальные миры, где ежедневно развлекается столько тарианцев. Глядя на свой игровой образ, я вижу парня под метр девяносто ростом. Вытягиваю руку — не хватает мизинца. Это лишь верхушка тарианских виртуальных забав, но уже дезориентирует. Вряд ли в данный момент я способна справиться с чем-то посерьезней. Все же я слишком труслива, чтобы попробовать «абсолютное погружение». Видеть и слышать — более чем достаточно.

Из других новостей — тренировка со всем отрядом рука об руку. Я как следует сосредоточилась, и Мара похвалила мои усилия, но до ребят из первого мне еще ого-го как далеко. В то же время я в гораздо лучшей форме, чем раньше. Если вернусь на Землю и на меня накинется какой-нибудь отморозок, смогу поставить ему подножку и свалить наземь.

Великая ворсистая стена

Чуть не опоздала на тестирование с тринадцатым отрядом, все из-за новой игры — ужасно затягивает. Их командира зовут Тир Алэйр, и у него совершенно детское лицо. Выглядит лет на пятнадцать, слишком юным, чтобы бриться, хотя выше меня ростом. Проще простого представить его с Джулзом за игрой в «Хало» или что-нибудь дурацкое про скейтборды. Так и ждешь от такого ухмылки и вставок «круто» через каждые три слова, но он был краток, деловит и с самого начала задал бешеный темп.

Тринадцатый — отряд силовиков, поэтому занимались мы в как следует защищенном тренировочном зале. Но едва успели перейти ко второму сетари, мрачнющего вида парню по имени Драй, как объявили общую тревогу по КОТИС. Все замерли в ожидании, а потом по интерфейсу сообщили (красные слова прямо в центре поля зрения на некотором расстоянии): *«Гигант в массиве Дол»*.

Никто из нас и среагировать не успел, как Гриф, капитан второго, подключил меня к каналу миссии вместе со своим отрядом, и быстро начал добавлять новые: четвертый, пятый, восьмой, десятый, одиннадцатый и тринадцатый. У большинства из них по смене было время сна, часть только-только проснулась. Все остальные находились или в пространствах, или на Муине.

— Собраться у Зеленого шлюза, — скомандовал Гриф. — Мы идем в Горру через пространства, возможно, подберем шестой по пути, потом летим обычным транспортом до массива. Не задерживаться.

Похоже, это значило «Бегом!»: Алэйр махнул отряду рукой, глянул на меня проверить, что я поняла, и мы помчались. Спринт вдоль пары коридоров, несколько этажей на лифте, еще спринт по большому травелатору, где многочисленные серые и розовые костюмы торопливо отпрыгивали в сторону, освобождая нам путь, еще лифт и еще коридор. Лифты помогали, в них я успевала немного отдышаться. Все остальные даже не запыхались.

Восьмой отряд перешел в состояние «нет связи» после первого лифта, а пятый — когда мы вбегали. У врат ждал весь второй отряд и части других.

— Тринадцатый, идите прямо в Горру, — сказал Гриф, — дальнейший инструктаж по прибытии. Девлин, ты с четвертым.

Я тут же села на место, которое, подозреваю, специально оставили свободным, и тихо понадеялась, что не слишком покраснелась. Откуда-то появился серый костюм и оглядел меня. Они могут следить за моим сердцебиением, температурой, уровнем всякой химии и т. п. с помощью интерфейса, но почему-то ужасно любят заглянуть в глаза и спросить, нет ли у меня чувства сонливости. Тринадцатый ушел, а потом в полном составе явился четвертый.

Рууэл кивнул Грифу, кинул на меня взгляд, который я интерпретировала как «обычным строем», и двинулся к вратам. Аурон замер возле меня, выдал свою обычную скромную улыбку, я встала и пошла с ним рядом к показываемому интерфейсом треугольному входу. Мы не останавливались, даже не ждали, пока закроются внешние двери.

Рууэл, как обычно, лишних слов не тратил:

— Аурон, ты только перемещаешь Девлин. Без усиления, чтобы не терять гибкость. Эйз, в пару Ауруну. Движемся в темпе.

Аурон поднял меня левитацией, и они побежали. Я никогда не была на этом маршруте

— там оказалось пять пространств, но пустых, их чистили недавно, — а потом мы очутились в околопространстве Горры, которое выглядело, что неудивительно, таким же, как околопространство Унары. Тарианцы не увлекаются архитектурными экспериментами. Мы вышли через шлюз примерно через двадцать минут после того, как покинули Конну — впечатляющее время для перехода на другую сторону планеты!

За нами появился восьмой, отчего я поначалу сильно растерялась, но потом увидела, что они не одни. Они сделали крюк, из околопространства Горры сходили на маршрут, на котором по расписанию дежурил шестой отряд, и привели их. В крошечном отделении КОТИСа на Горре нам уже приготовили две танзы — такие плоские штуки в три автобуса длиной, очень похожие на то, чем я летала с са Лентсем до Унары: стреловидно-клиновидные самолеты.

В моем сидели второй, четвертый, шестой и восьмой, а в другом — пятый, десятый, одиннадцатый и тринадцатый. До инструктажа оставалось совсем немного времени, пока все рассаживались и шла подготовка в взлете, однако новостей о гиганте было уже полным-полно. Для начала я справилась в энциклопедии, что такое «массив Дол».

«Дол тева» на тарианском, и я не совсем уверена, что «массив» — правильный перевод. Это невообразимое множество подводных ферм. С самого дна океана поднимаются громадные трубы из чего-то прозрачного и гибкого — течение их колышет и крутит. Внутри с помощью дронов выращивают всякие виды водорослей и растений. Глубина в этом месте относительно небольшая, а вода очень чистая, так что это один из важнейших поставщиков продовольствия Тары. Рядом есть несколько островков, занятых переработкой; население самого большого, Калейна, составляет всего десять тысяч — по тарианским меркам, крохотуля.

С прибытием второго отряда на канале миссии появились цур Селки и еще пара синих костюмов. Как только все уселись, Селки начал вводную:

— Первыми были замечены пикировщики, и для их уничтожения направлены воздушные силы. Еще до их прибытия механик автоуборщиков сообщила о новом ионоте.

Прямо на канале зазвучала запись. Дрожащий женский голос:

— Говорит Дженсен Икс-Игрек, восточная ось Дола. У нас появился... у меня нет слов его описать. В массиве некое существо. Пересылаю сообщения с внешних камер.

Я увидела, почему она не стала его описывать. Лучшее, что я смогла придумать — «гигантский ковер черной искусственной травы»: с одной стороны совсем гладкий, с другой — щетинистый. И такой большой, что им не то что футбольное, а целое поле для гольфа можно укрыть. Миндалевидной формы с волнистыми краями, он извивался и кружился, выписывая невозможные пируэты среди вертикальных ферм и оставляя за собой качающиеся и вывернутые трубы. Время от времени на гладкой стороне, словно вены, вспыхивала сеть голубых линий; выглядело довольно красиво. Он напомнил мне ионота поменьше, с которым первый отряд разбирался во время патрулирования на нестабильном маршруте.

«Черная трава» обернулась вокруг одной из вертикальных ферм, словно возжелавший пообниматься ковер. А потом изображение сменилось на то, что явно записала камера внутри — как трубу сжали, раздавили, а потом тысячи черных извивающихся штук попытались залезть внутрь и снова отделились.

— После уничтожения пикировщиков воздушными силами было проведено наблюдение сверху и нанесен пробный удар для оценки, — продолжил Селки.

Мы увидели черную маслянистую воду. Я искала, где же там гигант-ионот, пока не

поняла, что он везде. Плывет прямо у поверхности. В поле зрения показались два маленьких клиновидных самолета, похожих на колибри. Один резко снизился, и на темноту посыпались удары светом. Над водой клубами поднялся пар, но сначала ионот никак не реагировал, только голубые линии сбегались к месту поражения. Потом он весь заколыхался и взвился, выбрасывая наверх воду. Первый самолетик уже улепетывал прочь, а второй выпустил какой-то снаряд, больше похожий на земные, который понесся к гиганту... и вдруг затрясся, остановился и полетел по той же траектории обратно. К тому времени, как снаряд разорвался в воздухе, ионот успел уйти под воду и исчезнуть из виду.

— Мы попытались отследить его с помощью дронов массива, но следующее наблюдение сделано снова с воздуха.

На сей раз нам показали маленький остров, миниатюрную башню из белых блоков на торчащей в океане каменной скале. Я едва успела его разглядеть, когда, словно водопад-наоборот или выпрыгнувший безумно высоко кит, из воды встала черная стена. Опустилась на остров, полностью накрыла его, а потом сжалась так же, как вокруг трубы с водорослями.

— Остров Терук, — сухим тоном неумолимо продолжал Селки. — Обрабатывающее предприятие и жилые помещения. На месте находились двести семьдесят четыре человека. Здания начали раскалываться сразу же. В настоящий момент живы восемьдесят девять. Большинство погибших раздавлены.

За этой записью последовала еще одна — и лучше бы я ее не видела. Человек с острова, замурованный в ловушке наполовину раздавленной комнаты, перепуганным голосом описывал шум над головой, как кто-то царапается, перемалывает там что-то. А потом потолок проломили черные щупальца, обвилились вокруг несчастного и подняли. Он пытался вырваться, вопил от боли, и ничего невозможно было сделать.

Нилс в кресле за мной наклонился вперед и сжал мне плечо. Я улыбнулась ему, радуясь, что сижу, и пытаюсь не показать, как мне дурно. И не только мне. Пар сильно побледнел. Сомневаюсь, что хоть у одного из смотревших сетари не скрутило желудок.

— Ионота пытались отвлечь, атакуя сгустками энергии с воздуха, но он в ответ только усилил давление. Большинство уцелевших собрались в укрепленном хранилище на нижнем уровне, еще несколько человек поодиночке находятся в разных местах. Чарал, Паланти и Эйз попытаются вывести их, пока мы будем оценивать обстановку. Задания остальным — после оценки. Видимость восемь. Погодные условия ухудшаются.

— Поешьте, — добавил Гриф.

Джех Омай, подруга Кетзарен из второго, сунула мне батончик с патокой 3d3e54. Какое-то время все просто ели, немного пили и по очереди проходили через четыре туалета в хвосте полупустого самолета. Сонн назначили моей второй нянькой, а Гриф, Рууэл и Халла усилились и пересматривали записи.

До гиганта мы добрались ужасно быстро — всего час прошел с момента объявления тревоги. Но недостаточно быстро для еще четверых на Теруке. Я начала пролистывать широкоэцевательные каналы и увидела, что остальные острова вокруг спешно эвакуируются, а на самом большом, Калейне, уже царит настоящая паника. Один из каналов передавал напрямую девушку с Терука, застрявшую в своей комнате. Она была ранена и молила о помощи. Смотреть на это оказалось слишком тяжело, и я переключилась на наружные камеры танзы — на картину океана, бледного вечернего неба и огромного штормового фронта черных туч в направлении нашего полета.

— Оставшимся на острове установлен третий уровень мониторинга, — сказал Гриф, как

только тихое гудение танзы изменилось. — Транспорт назначения на подлете, ваш контакт — Вичи. Чарал, ты координируешь.

Чарал из второго отряда, молчаливый парень с вечно полуопущенными веками, придающими ему унылый вид, кивнул, и трое — он, Паланти из пятого и Мори — исчезли с главного канала миссии. КОТИС до сих пор не желает проверять усиление телепортации. Судя по всему, это очень надежный талант, если человек видел или может видеть место, куда надо попасть, но возможные последствия искажения настолько опасны, что они не рискуют тестировать перемещения со мной. Я могла только догадываться, что в сложившейся ситуации сетари не знают, будет ли гигант им мешать, но главная проблема, конечно, — возможное истощение троицы при попытке как можно быстрее вывести почти девяносто человек.

Как только телепортальщики исчезли, оба корабля замедлились и зависли в воздухе.

— Все на крышу, — скомандовал Гриф.

Выходы по обеим сторонам и люк сверху открылись.

Снаружи дул холодный, но не сильный ветер. И я никогда до конца не привыкну просто так висеть высоко в воздухе. Терук оказался почти прямо под нами, гораздо ближе, чем я ожидала, и выглядел так, словно его обернули в мокрую кожу. Потом Пар поставил нас обоих на успокаивающе широкую и почти плоскую крышу и мне пришлось снова переключиться на канал камер танзы, чтобы видеть происходящее.

Как и следовало ожидать, за оценку типа ионота отвечал главным образом Рууэл. Он парил сбоку от корабля краткую вечность, в глубокой задумчивости уставившись на гиганта. Потом заговорил сосредоточенно и четко, как всегда, когда произносит что-то официальное:

— Электричество бесполезно. Все другие стихии должны подействовать, лучше всего — лед. Внешняя сторона способна, помимо отражения снарядов, хорошо поглощать удары стихий. Придется заставить его подняться, иначе не справимся. Ни центральной нервной системы, ни каких-то слабых мест не видно. На какой стадии операция по спасению?

— Все еще выводят людей из хранилища.

Гриф начал разбивать оставшихся сетари на три части: основная группа для атаки, таланты ближнего боя или электричества, которые будут разбираться с ионотами «эскорта», и охранники Девлин, чья задача не дать мне свалиться вниз или быть съеденной отбившимся пикировщиком. Кроме первичной оценки, меня пока не использовали для усиления. Еще какое-то время потратили на технические подробности — кто из телекинетиков кого таскает, и в каком порядке будут усиливаться.

— Основная группа эвакуирована, — объявил Гриф, как раз когда всех распределили.

— К вам направляется звено поддержки с воздуха, — вклинился Селки. — Мы нашли неповрежденное помещение сверху с работающей видеопередачей. Подрыв в этом месте должен нанести значительные повреждения, но крайне важно не дать раненому гиганту уйти.

— Может, закрепить его хотя бы временно с помощью льда? — предложил Гриф.

Так и порешили, и мы перелетели на другое место, пока дожидались самолетов со взрывчаткой. Как только они приблизились, троицу эвакуаторов отозвали, хотя им так и не удалось спасти четверых, потерявших сознание. Никто по этому поводу не высказался, но видно было, как всем ненавистна необходимость оставить там кого-то еще живого. Вторая группа к тому времени уже отправилась охотиться на эскорт, а все остальные собрались на крыше одной из танз и выстроились в том порядке, в котором будут усиливаться. Взмокшие

от пота телепортальщики выглядели совершенно измученными, по приказу Грифа им принесли один из тех сладко-соленых супер-восполняющих-энергию напитков, которые хочется немедленно запить водой. Я смотрела, как надвигается буря, на мелькание далеких молний среди черных туч. Все еще далеко от нас, но ветер крепчал, и по тому, как сетари поглядывали туда же, я догадалась, что они опасаются прождать слишком долго.

— Поддержка с воздуха на подходе, — сказал Гриф за несколько секунд до того, как в поле нашего зрения показался самолетик-колибри. — Найз, перенеси взрывчатку на корму нашего судна. — И, взглянув на троих обессиленных сетари, добавил: — Паланти, Эйз — отнесите взрывчатку, и на отдых.

Чарал сразу же пошел вниз; он слабее младших сетари и был уже совсем серым. Найз из пятого метнулся к открывшемуся люку самолетика поддержки и, вытащив оттуда два ящика, обклеенных предупреждениями, аккуратно поставил их на крышу нашей танзы. Мори и Байен Паланти каждый перенесли по ящику — сначала Мори, потом Паланти. Это заняло не больше минуты. Но ветер все усиливался, а мы снова сделали паузу, чтобы уточнить время всех ударов. Сначала все морозильщики усилятся и понесутся вниз к «заду» гиганта, который все еще частично в воде. Остаток основной группы нападения усилится сразу после них, а танза за это время перенесет нас на другую сторону вниз, к месту начала действий. Пока сетари атакуют, транспорт переместится на следующую позицию.

Расчет был на то, что звено льда начнет вмораживать гиганта к тому времени, как наш корабль окажется на позиции удара, а заряды на острове, поставленные телепортальщиками, взорвут, как только танза выйдет из зоны поражения. Мы вернемся назад к морозильщикам, чтобы они могли повторно усилиться и, если только ионоту не удастся вырваться, продолжить закреплять его уже спереди.

Очень важно было удержать гиганта на месте, то есть добиться успеха звену льда. Под водой многие таланты бесполезны, и судя по скорости ионота, там мы его наверняка упустили бы.

Гриф хмурился, глядя не на грозовой фронт, а в другую сторону, на вспышки и разряды вдаль — где, как я осознала, сетари сражались с ионотами эскорта. Но потом сказал:

— Приготовься, Каджал.

— Начинаем, — ответил Каджал, едва коснувшись пальцами моего плеча.

Он выглядел напряженным и немножко взвинченным, но, по крайней мере, совершенно не расположенным демонстрировать свое отношение к бродягам. В его звене оказались восемь сетари с сильным талантом льда и с ними еще два телекинетика, назначенных таскать тех, кто сам себя левитировать не может. Едва они отчалили, как корабль заскользил вниз, заставив меня изменить позу, чтобы удержаться на ногах.

Пока ко мне подходила вторая группа атаки, Гриф тихо сказал:

— Немедленно объявляй конец усиления, как только почувствуешь, что с тебя хватит. — И посмотрел на Пара и Сонн так, что стало ясно — это приказ, а потом скомандовал окружающим сетари трогаться и объявил: — Чисто.

По интерфейсу я услышала голос Каджала:

— Начинаем нападение.

Начало обледенения с нашего корабля увидеть я не могла, но, когда Селки произнес: «Взрывайте», пропустить реакцию гиганта было невозможно. Его верхняя часть поднялась — в нескольких местах через нее даже пролетели куски белого камня — но, к моему разочарованию, огромной дыры в середине не появилось. Какое-то время он совсем не

двигался, а потом начал сворачиваться назад, словно большая плоская гусеница.

— Найз, попытайтесь обломками развернуть его вверх, — приказал Гриф. — Канато, вы ударьте по краю и оцените, есть ли эффект.

Пятеро сетари ринулись вниз, и удаляющийся край «поля» запылал. Но это все равно что поджечь только бахромку ковра — гигант совершенно не собирался подниматься так, как нам надо. Он был таким огромным.

К тому моменту мы сделали круг и оказались сзади, и я смогла увидеть результат работы группы Каджала. И по-настоящему удивилась тому, сколько они успели: из воды поднимался мини-ледник. Позже я узнала, что, хотя морозильщики способны делать лед будто бы из ничего, доступность воды — например, влажность воздуха — сильно на них влияет. Океан под рукой помогает не хуже усиления.

Однако лед трещал, гигант пытался вырваться. Сразу у него это не получилось, он начал собираться складками, и морозильщики этим воспользовались, поймав складки во все растущую ловушку.

— Атакуйте везде, где он хотя бы немного приподнят, — велел Гриф, и основная группа разбилась надвое, стреляя в складки с каждой стороны.

Морозильщики начали парами возвращаться ко мне и тут же уноситься обратно укреплять ледник — те части, которые раскололись или крошились. Танза перелетела к краю, когда гигант изменил тактику и сгорбился, пытаясь полностью перекрыть доступ к своей нижней стороне.

Ближайшая к нам группа воспользовалась возможностью усилиться, а потом Рууэл, висевший где-то под кораблем, сказал:

— Он собирается напасть. Всем собраться спереди. Облетайте, удерживая дистанцию.

На видимой спине гиганта начали собираться сверкающие голубые линии. Я отвлеклась, потому что Сонн велела мне встать на колени и схватиться за край люка — самолет внезапно рванулся вперед. Многим из вернувшихся сетари тоже пришлось последовать нашему примеру.

Ионот уже складывался вертикально, пытаясь при этом не раскрывать боков. Я не уверена, знал ли он, что сетари отступили — он начал испускать столько энергии, что я потом все видела словно через отпечатки светящихся вен.

— После взрыва он собирается прыгнуть вперед, — сообщил Рууэл. — Вниз по моему сигналу и бейте по нижней стороне всем, чем можете. Льды, у вас будет минимальный шанс поймать его снова.

Свечение гиганта превратилось в огромный нимб — демонстрация силы электричества, перед которой способности сетари кажутся пустяком. Ветер нес такой сильный запах озона, что обжигало нос, я зажмурилась, и тут Рууэл скомандовал:

— Вперед!

Я не смотрела журнал миссии, не видела того, как сетари летели под это «поле», когда оно прыгало. Даже мысль об этом меня нервирует — их так легко могло раздавить. Я сидела на корточках, не поднимая головы, и не позволяла себе взглянуть даже на канал камер корабля, пока не услышала тихий вздох облегчения со стороны Сонн.

Получив второй удар снизу, гигант взвился вверх и опрокинулся назад, пытаясь вырваться. Если бы ему это удалось при первой попытке, то, вероятно, удалось бы и удрать, но его снова приморозили в самом невыгодном для него положении — уязвимой стороной вверх и без защиты от непрерывных ударов. Самолеты группы поддержки аккуратно

подлетели поближе и тоже начали поливать гиганта из своего оружия.

Проклятая штука была такой огромной, да еще и без головы или сердца, на которых можно сосредоточиться. Только через десять минут непрерывного огня гигант перестал вырываться. Во время последнего цикла усиления я почувствовала, что действительно больше не могу, каждое касание отдавалось внутри болезненной тяжестью. Успело пройти меньше половины, я посмотрела на Сонн, и даже говорить ничего не пришлось. Она, похоже, сама собиралась остановить народ и тут же сказала:

— Девлин на пределе, возвращается внутрь.

Пар слевитировал меня вниз, а потом их с Сонн отозвали в поддержку группы воевавших с эскортом. На них напало чуть ли не пятьдесят пикировщиков, но сетари не сообщали численность противника, пока не стало ясно, что гигант обезврежен. Всех, кто еще как-то держался на ногах, отправили к ним на помощь.

Одна из серых костюмов сопровождения заставила меня выпить нечто с вкусом карамели с теплым молоком, но даже от ее прикосновений мне было тяжело, и я пыталась несколько бессвязно протестовать. А потом отключилась в кресле по соседству с уже спавшей Мори.

Я проснулась на очень плоской и твердой кровати в нише за занавеской. На меня, ухватившись за край койки в ногах, смотрела девочка лет одиннадцати. Совершенно Уэнзди Аддамс по виду: тугие черные косы, высокий лоб, огромные глаза. Я с минуту пялилась на нее, пока не убедилась наконец, что она мне не чудится.

— Ты так и собираешься тут лежать? — спросила она в конце концов.

— Ты так и собираешься там стоять? — парировала я.

Я совсем запуталась — ведь заснула на корабле, и вот уже где-то в другом месте, с кем-то совершенно мне незнакомым, и никакого понятия, как я сюда попала.

— Нет. Но я не могу брать интервью, пока ты лежишь. Плохо будет смотреться.

Я моргнула, услышав нотки нетерпения, и протерла сонные глаза:

— Мне казалось, всякие юные репортеры не могут записывать мой вид.

— Контуры запишутся, — ответили мне и добавили недовольно: — Садись скорее. У меня куча вопросов и очень мало времени.

— Знаешь что, — я оперлась на локоть, — мы будем меняться, вопрос за вопрос. Сначала ты: тут — это где?

— Тимеса. Моя очередь. О чем из своего мира ты больше всего скучаешь?

— О семье.

— Кроме семьи.

— Это уже новый вопрос.

Я насмешливо улыбнулась и села, прислонившись к стене. Тимеса нашла в энциклопедии: одно из крохотных поселений с обрабатывающим заводом, разбросанных по массиву Дол. Интерфейс сообщал, что после сражения с гигантом прошло два кассе (около пяти часов).

— Мы переживаем здесь шторм?

— Ага. По чему, *кроме своей семьи*, ты больше всего скучаешь?

— По друзьям. — Я ухмыльнулась, увидев ее гримаску, и добавила: — По еде, по музыке, по книгам. Сильно скучаю по кое-чему, что читала, потому что не знаю, как кончится.

— В чем самая большая разница между людьми твоего мира и здешними?

Я не стала напоминать, что очередь моя, а вместо этого просмотрела списки отрядов, проверила, кого можно позвать. Однако почти все и здесь, и на базе оказались недоступны. Первый отряд вернулся с маршрута, но спал. Меня ждали письма от них.

— Тара менее разнообразная, чем Земля, — ответила я, подумав. — Здесь все говорят на одном языке, а на Земле их сотни. На Земле люди сильнее отличаются по виду. Гораздо больше разных обычаев. — И непонимания, и войн из-за этого. — Но нет экстрасенсов.

Рууэл не спал, но я очень строга к себе в том плане, когда к нему можно обращаться, поэтому решила позвать Нилса. Отправила ему текст: «*Нужно спасти от нахальной девочки*».

— Ты работаешь с сетари, правильно? Какие способности у тебя есть?

— Главным образом способность зарабатывать головную боль. А у тебя есть способности?

Нилс открыл канал и веселым голосом сказал:

— Рад видеть, что ты проснулась. Что у тебя за страшные неприятности?

— Левитация, — кратко ответила девочка, хотя мне не удалось понять, что ей не понравилось, моя уклончивость или вопрос. Она наклонила голову, и я поняла, что она тоже разговаривает еще с кем-то — и судя по выражению лица, этот кто-то предлагает ей вопросы. — Кто из сетари самый красивый?

— Капитан третьего отряда, — без колебаний ответила я и добавила: — Способность летать — одна из лучших. Хотелось бы мне ее иметь. Ты так сюда попала?

А Нилсу написала: *«Бесстрашная девочка-репортер разбудила меня для эксклюзивного интервью. Совсем нескромные темы».*

— Насколько правдива серия «Скрытой войны» про тебя? — продолжила девочка, проигнорировав мой вопрос. — Она тебе понравилась?

— Там много выдуманного. Но кое-что было на самом деле, например, то, как на меня чуть не наступили как-то прямо посреди ночи. Не думаю, что смогу получать удовольствие, глядя на это. Тогда была очень расстроена, потому что кто-то взял случившееся со мной и сделал из этого развлечение, лишь бы заработать деньги.

Я задумалась, не выступить ли в защиту четвертого отряда, но была избавлена от необходимости что-то решать тихим шорохом двери.

Девочка обернулась, затем сложила руки на груди и с упрямым выражением на лице ждала, пока занавеску не отдернули и не показались оба — и Нилс, и Рууэл.

— Вы нас прервали, — огрызнулась она, совершенно не пугаясь при виде почти двухметровых супер-опасных экстрасенсов в черных костюмах.

Нилс рассмеялся, удивленно, но без досады.

— Мне часто говорят, что я не вовремя, — весело заявил он. Легко повел рукой, и девочка поднялась на полметра над полом. — Однако устоять против меня невозможно.

И вышел из комнаты вместе с нарушительницей порядка, не обращая внимания на ее протесты и требования опустить вниз.

Мне было очень смешно, но, посмотрев на Рууэла, я поняла, что он сердится — глаза сужены, рот сжат. Он так редко проявляет эмоции, что меня замутило от огорчения, и я произнесла до позорного жалобно:

— Чувствовала бы себя глупо, объявив тревогу из-за маленькой девочки.

— Ты забыла урок кошки, — произнес Рууэл, но что-то в его взгляде изменилось, и он стал больше похож на себя.

— Урок Тени двойственный, — возразила я, стараясь не показывать облегчение. — И если бы она хотела причинить мне вред, могла бы сделать это раньше, до того, как разбудила и начала задавать вопросы. Все в порядке? Я заснула до окончания сражения.

— Никто не погиб.

Он отступил, впуская одного из серых костюмов.

— Еда дальше по коридору, когда закончишь.

Служащим в Горре редко предоставляется шанс проверить свои теории на бродяге, поэтому пришедшего очень интересовало, как на меня повлияло использование усиления почти до предела возможностей. Однако, к его досаде, здесь не было продвинутых аппаратов для сканирования. Меня же больше интересовало другое. Я, как оказалось, спала в переполненной больничке Тимесы: сюда привезли семерых раненых сетари и меня для наблюдения. Мне хотелось посмотреть, не лежит ли в нишах за занавесками кто-то из моих друзей, но единственной, кого было видно, оказалась Хейзен из восьмого, в частично

открытом нанокостюме с жидкостной повязкой на плече.

Я разыскала сначала ближайший туалет, а потом Нилса и Эндаран из одиннадцатого в довольно большом зале. Там же в углу сидели двое зеленых, еще один серый и синий костюмы, беседовали с кем-то из местных. Я приветственно улыбнулась всем и никому в отдельности и двинулась напрямиком к столику с едой, чтобы пристроиться рядом с Эндаран. Есть хотелось зверски.

Пока я ела, Нилс дразнился по поводу моего интервью. Всего за пару минут его увидела вся планета. Девочка, Палан Леода, поспорила, что сможет поговорить со мной. Она левитировала снизу по чему-то вроде шахты служебного лифта. Ее одноклассники тут же начали подсказывать ей вопросы, и теперь пол-Тары обсуждало мои ответы. Кажется, все решили, что Нилс — капитан третьего, а я безнадежно в него влюблена. Голос у него и правда очень сексапильный.

Я все еще чувствовала усталость и вернулась досыпать в больничку. Мори разбудила меня, когда пришла пора возвращаться. К тому времени (еще через кассе) уже почти все проснулись. Все, кроме раненых, отдыхали прямо на кораблях. Какая ирония: меня перенесли в здание ради неусыпного медицинского наблюдения, а ведь если б просто оставили вместе с остальными, Уэнзди до меня никак бы не добралась.

Несколько раненых будут возвращаться на главную базу КОТИС самолетом вместо того, чтобы идти из Горры через пространства. Больше других от пикировщиков пострадал восьмой отряд: у Брайза сломана нога, а у Хейзен почти проткнуто клювом плечо.

Путь в Горру оказался не слишком приятным, ветер так и не утих, хотя дождь прекратился. То моторы начинали громко визжать, то мы пугающе внезапно теряли или набирали высоту. Не хочу даже представлять, какой сильной должна была быть буря, раз нам пришлось ее пережить. Ребята сидели мрачные и молчаливые, вероятно, как и я, просматривали снятое уже после бури: маленький островок, гигант, наполовину свалившийся с того малого, что под ним осталось. Он потрошил дома, словно морские желуди: разламывал стену, вытаскивал съедобное, ломал дальше. После него и взрывчатки от перерабатывающего комплекса почти ничего не уцелело.

Чтобы не смотреть больше на это, я заговорила с Мори:

— Поняла еще причину, почему сетари охотятся на ионотов в пространствах Эны, а не в реальном. Погода гораздо лучше.

— Точно. Тут и без сражения выжить не так просто, а уж если воевать... А на Земле бывают такие сильные бури?

Я понятия не имела, как их сравнивать, и пожалала плечами:

— Думаю, проблема скорее в частоте. На Земле бывают разрушительные бури, но не каждую неделю и не по всей планете.

— То есть это крайность, а не правило. А если сравнить Землю с Муиной?

— Трудно сказать, там я видела только дождь чуть-чуть. Никаких сильных бурь. Хотя думаю, она гораздо стабильнее геологически, потому что в вашем языке даже нет слов для таких вещей, как вулканы или цунами.

— Вулканы? — с любопытством переспросил Пар.

— Когда горячие расплавленные камни выталкиваются на поверхность изнутри планеты.

Пар посмотрел непонимающе, Мори нахмурилась. Нилс, снова оказавшийся за мной, наклонился вперед и спросил:

— Ты серьезно?

Оставшиеся минуты полета до Горры я, как могла, рассказывала про тектонические плиты, землетрясения, цунами, горячие источники, гейзеры, тучи пепла, Помпеи и перспективу Калифорнии свалиться в океан, а сетари не знали, стоит ли мне верить. Теперь у них несколько искаженное представление о тяжести жизни на моей планете. Я уже который месяц рассказываю про Землю, но остается так много того, о чем я даже не упоминала или что не могу толком объяснить. Как в той басне, где слепцы на ощупь пытаются создать образ слона.

Думаю, я смогла заодно отвлечь сетари от недавнего сражения. Хотя никто из них не погиб, победа далась нелегко, да и прелюдией к ней стала гибель почти двух сотен людей. Это уже второй гигант на Таре за несколько коротких лет, и такого большого количества ионотов эскорта до сих пор не встречалось. Не будь там меня, воевать с гигантом пришлось бы гораздо дольше, и, с учетом бури и пикировщиков, он мог за это время зажевать не один маленький островок. Сколько бы сетари ни убивали, это не приблизит их к решению проблемы рвущихся пространств. Доступ к Муине тоже пока не помог. А проблема становится все острее.

Из Горры на основную базу на Конне мы возвращались уже не бегом, а шагом, но с присущей четвертому отряду эффективностью. По прибытии Рууэл кивнул всем и сказал:

— Свободны до перераспределения дежурств. Девлин, к медикам.

Я этого и ждала, поэтому не стала корчить рож, просто не забыла «по пути» заскочить к себе, чтобы принять душ и захватить дневник. Серые костюмы обожают пополнять свою коллекцию сканов моего мозга. А в моем календаре чисто — я ни к кому не приписана, и в расписании ничего нет.

Кажется, я вычислила, чем был недоволен Рууэл. Я была прикреплена, по крайней мере номинально, к его отряду, но сообщила об Уэнзди Аддамс Нилсу, а не своему капитану. А четвертому и так хватает забот с их якобы плохим со мной обращением. Любой намек, что я предпочту не работать с ними — гарантированный минус мне в глазах Рууэла.

Мне никак нельзя показывать, как сильно я хочу быть рядом с Рууэлом. Нельзя, чтобы кто-нибудь подумал, что я не хочу быть рядом с Рууэлом. Кругом беда.

Долгосрочный прогноз

Сегодня много торчала на крыше. Ветрено и пасмурно, но ничего серьезного. Вчера, когда удалось удрать от медиков, Кетзарен и Алей взяли меня на «пробежку» по тренировочным лестницам (иными словами, начали мы с бега трусцой, а потом часто шли, чтобы я могла отдышаться), а после меня снова позвали на ужин с первым отрядом.

За которым довольно откровенно обсуждалось увеличение численности ионотов. Как и говорила Таарел, все отряды отмечают рост популяции во всех известных пространствах. Кочевников тоже стало больше. И новых врат — разрывов — тоже. Не то чтобы Таре грозит нашествие прямо на следующей неделе, но ребята не скрывали, что ситуация все ухудшается и перспективы невеселые.

Как прямо высказалась Зи:

— Даже если мы и сумеем получить доступ в Каласу, нет гарантии, что там найдутся объяснения. Нет гарантии, что решение вообще существует. А времени у нас все меньше.

И они не скрывали, что попытку отправить со мной кого-нибудь в Каласу вряд ли будут откладывать, хотя время пока не назначено. Я рада, что к этому и готовилась.

Тентакли против выдр

Исключительно ужасная ночь. Я обрадовалась, когда обошлось без впечатляющих кошмаров после сражения с гигантом, но, видимо, просто приберегла их на потом — прошлой ночью они меня совсем одолели. Не про само сражение: во сне я просыпалась от скрежета над головой, а потом эти черные щупальца проламывали потолок, хватали меня, и моя кожа горела, растворялась в кислоте. Щупальца тащили меня вверх, я орала и от этого просыпалась. В своей кровати, но перепуганная, с заходящимся сердцем, а потом сверху начинало что-то скрежетать...

Не знаю, сколько раз повторился кошмар. Когда я наконец по-настоящему проснулась, то уже так натерпелась, что в убеждении, будто все еще сплю и вижу сон, и пытаюсь избежать следующей серии, практически ползком выбралась в гостиную. И уже там, у дивана, совершенно расклеилась.

Кончилось тем, что я полчаса проплакала в душе. Я проспала не больше двух часов, чувствовала себя ужасно, больной и измученной, и даже под страхом смерти не желала лечь обратно в свою кровать.

Все, с кем можно поговорить, или спали, или ушли на дежурство. Даже Тени нигде поблизости не было, и в конце концов я связалось с истой Чеми — серым костюмом, к которой отводила меня Зи в прошлый раз из-за сильных кошмаров. Доктор с радостью обмотала всю меня датчиками и уложила спать в медблоке. Меня ее исследования не волновали — я просто не в силах была вернуться в спальню и надеялась, что наблюдение окажет такой же эффект, как тогда, и я нормально посплю.

Если бы! Единственное, что изменилось, так это обстановка: мне снилось, что я лежу в медпункте и еще не сплю, появляется гигант и съедает заодно со мной и серые костюмы. Кошмар успел повториться, наверное, раз шесть, когда в начале очередного цикла в кабинет вошел Рууэл, посмотрел на меня строго и велел:

— Прекрати.

Над ним заскрежетало, зашумело, но он, хоть и взглянул наверх, просто сказал:

— Ты сама это делаешь. Проснись.

Я уставилась на него и обнаружила, что держусь за его руку. Сжимаю ее так сильно, что костяшки побелели. А потом открыла глаза, и оказалось, что так оно и есть.

— Умница.

Я посмотрела на потолок, и хотя ничего там не шумело, была уверена, что все вот-вот начнется снова, и, отними Рууэл руку, наверняка ударилась бы в истерику. А так я просто лежала и тряслась, и совершенно не понимала, что мне говорит иста Чеми. В конце концов она вышла и вернулась с каким-то питьем настолько отвратного вкуса, что я слегка пришла в себя.

— Правда надеюсь, что это бодрящее, — сказала я, как только перестала давиться этой гадостью.

— Укрепляющее, — ответила доктор.

Судя по тону, ей оно тоже не помешало бы. И она, и еще два техника рядом выглядели бледными и мрачными.

Я подняла глаза на Рууэла — по-прежнему совершенно не желая выпускать его руку — и он сказал:

— Посмотри.

И передал мне запись, сделанную не человеком, а видеокамерой одного из сканеров. Я лежала на кушетке с закрытыми глазами и глубоко дышала. Иста Чеми и один из техников стояли рядом и, вероятно, переговаривались по интерфейсу, чтобы меня не беспокоить. Я начала ворочаться, но они оба в недоумении посмотрели вверх, пытаясь понять, откуда доносится скрежетание. Потом иста Чеми пошатнулась и упала, схватившись за бок, а второй серый костюм закрыл лицо руками и согнулся пополам. Я сильно задергалась, и на моей коже везде, где она не была прикрыта шортами и майкой — моей формой для наблюдения — появились ярко-красные пятна. А потом я затихла, часто дыша, и пятна начали бледнеть.

Серые костюмы, удивленные и испуганные, вышли из комнаты, и я опять просто лежала там — без сомнения, пока кошмар не начался снова, но дальше смотреть я не стала.

— Простите, на такое вы не подписывались.

Иста Чеми несколько натянуто улыбнулась:

— Мы думаем, это какой-то вид управления Эной. Ты пытаешься превратить свой сон в реальность.

— «Пытаюсь» — неправильное слово, — пробормотала я.

— Это может иметь отношение к той способности, которая привела тебя в околостранство твоего мира, — объяснил Рууэл. — Хотя, похоже, действительно создать гиганта тебе не под силу. После того, как Аннан приводила тебя на тесты, таких снов больше не было?

— Нет.

— И сразу после недавней битвы тоже? — спросила иста Чеми.

— Не было. — Старательно не глядя на Рууэла, но и не ослабляя хватки на успокоительной ладони, я добавила: — Думаю, это началось после того, как я пошла домой. К Земле. Видела очень сильный сон, еще пока была у медиков, но помню, что была больше сердита, чем напугана...

Рууэл перебил:

— О чем был сон?

— Со мной делали всякие медицинские вещи, которых я совсем не хотела, — как можно более нейтральным тоном произнесла я. — А потом сны после Колонны — не о крузатче самом по себе, но совсем плохие, как пытаюсь спрятаться под чем-то снова и снова. Следующие по-настоящему ясные сны были после назначения на Муину — но не кошмары. В основном будто я сплю на «Литаре», мирные сны, но очень реальные. Где-то неделю каждую ночь.

Я почувствовала, как запылало лицо, и не сомневалась, что Рууэлу очевидно — про «мирные сны» я недоговариваю, но ничто бы не заставило меня их описать.

— После этого были ужасные горячечные сны о том, как меня преследуют, как я жду спасения — после Каласы, и еще потом, когда моя история стала развлечением. Но сегодня хуже всего. Не могла проснуться.

Я еще сильнее сжала руку Рууэла, а потом наконец заставила себя ее выпустить.

Перчатки на нем были цельные, но не знаю, защищали ли они его полностью от того дикого, зубодробительного ужаса, что я наверняка излучала. Он так и не сделал ни малейшей попытки отстраниться, за что я была ему унижительно признательна. И все равно не удержалась, посмотрела на потолок на всякий случай, а потом сказала настолько спокойно,

насколько смогла:

— Спать сейчас не очень хочу.

— Похоже, во время сна ты хотя бы частично осознаешь окружающее, — заметил Рууэл. — Аннан отмечала, что ее присутствие тебя успокаивало.

Я кивнула:

— Как будто она — и только что ты — появлялись во сне. Говорили, что опасности нет.

Слегка посеревшая иста Чеми, у которой, боюсь, из-за меня тоже будут кошмары, добавила:

— В то время как мы, технический персонал, так не успокаиваем. Помимо производимых тобой эффектов — болезненных, но не опасных для жизни — такой сон может тебя убить. Ты расходовала слишком много энергии.

Я покосилась на Рууэла, но он смотрел в пространство, с кем-то меня обсуждая. Я попросила у исты Чеми что-нибудь от головной боли — в висках стучало — и обрадовалась, не получив в ответ привычное «сначала нужно сделать еще несколько проверок». К тому же я ужасно устала, беспокоилась, что снова засну или вообще все еще сплю, и не могла думать ни о чем другом, и снова начала пялиться на потолок, пока Рууэл не положил руку мне на плечо и не сказал:

— Перестань.

— Пытаюсь, — очень неуверенно отозвалась я. — Новые таланты, полезные для получения головной боли и размытого зрения. Супер-сильные сны.

Попытка давить на жалость не удалась.

— Сильные способности без соответствующей тренировки и воспитания часто саморазрушительны. Похоже, у тебя сочетание впечатляющей способности к управлению Эной и таланта к видению, о котором мы подозревали и раньше. Естественный путь — научить тебя приемам, которыми пользуются люди с другими видениями. У многих из них проблемы со сном. Пока ты не достигнешь определенного уровня самоконтроля, тебя вернут на более высокий уровень мониторинга жизненных показателей. — Когда я без энтузиазма восприняла последнее, Рууэл посмотрел на меня спокойно и серьезно. — Наблюдение будет вестись, только когда ты спишь. В случае учащения сердцебиения кому-нибудь из членов твоего отряда дадут доступ в комнату, чтобы посидеть с тобой или разбудить, если их присутствия окажется недостаточно.

Терпимо, я боялась худшего. Например, снова застрять в медблоке и видеть тут кошмары для толпы заинтересованных серых костюмов. Думаю, Рууэл почувствовал, что я немного успокоилась, потому что кивнул и, прежде чем продолжить, подождал, пока иста Чеми не впрыснула мне в руку чего-то холодного — от головной боли.

— А пока начнем с приема визуализации. Закрой глаза.

Не убирая руки с моего плеча, он дождался, пока я неохотно подчинилась.

— Теперь подумай о месте, которое у тебя ассоциируется со спокойствием и безопасностью. — После паузы Рууэл продолжил чуть изменившимся тоном: — Подумай о ручье с выдрами недалеко от Пандоры. Представь себе, как идешь туда по берегу озера. Под ногами похрустывают камешки, лицо холодит туман. Справа запела птица, звук разнесся далеко вокруг. Впереди группа валунов, отмеченная маленькой кучкой камней. Ты тихо подходишь, видишь ручей, он в тени и кажется не совсем реальным. Осторожно садишься на валун. Рукой чувствуешь его грубую поверхность, а в холодном воздухе разливается запах зелени, примятой тобой на последних шагах. Вода журчит, и ты ждешь, сидя неподвижно,

пытаясь разглядеть движение в текущих тенях.

Мне снились выдры. Я сидела и глядела на них, и Рууэл был рядом, совсем как тогда, в действительности, только на этот раз его рука лежала на моем плече, я чувствовала ее тепло.

Тошнотворный, давящий ужас оказался полностью вытесненным из памяти. Прошло довольно много времени, потом пришел Мейз, и Рууэл ушел. Потом Мейза сменила Алей, а потом — Мара, которая обняла меня за талию. Когда я проснулась, Мара сидела в кресле, принесенном откуда-то в комнату для тестов.

— Спорим, ты точно не знала, сколько на этой работе приходится нянчиться, — сказала я.

Она только цыкнула на меня:

— На этой работе нужно читать столько отчетов, что повод посидеть на одном месте никогда не помешает.

Я выпуталась из объятий принимающей форму тела наблюдательной кровати, которая всегда обволакивает слишком плотно, если долго лежать неподвижно, и удостоилась внимательного взгляда Мары.

— Тебе лучше?

Я кивнула, но не удержалась и посмотрела на потолок.

— Только очень проголодалась. Мы можем уйти?

— Я знала, что у тебя серьезные проблемы со сном, иначе ты и близко бы к медикам не подошла. Да, они тебя отпускают.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Обрадованная возможностью сбежать, я сначала заглянула к себе помыться и переодеться (и, если честно, чтобы вернуться туда, пока рядом Мара). Потом в столовую, где попыталась съесть двойной, если не тройной, завтрак. Сейчас походы в столовую сильно отличаются от того, что было в первые недели — после испытаний со всеми отрядами все обычно хотя бы здороваются. Мара, пока я насыщалась, поглядывала на меня критически и ограничилась очень легким обедом.

— Техники, когда немного оправились, сумели распознать два вида синапсов, активных во время твоего сна. Один очень похож на управление Эной, хотя им кажется, что это все же другая способность. Второй работал и после того, как тебе перестал сниться гигант. Та же область мозга, которая активизировалась при потере четкости зрения в Аренроне. Что тебе снилось?

— Что я наблюдаю за выдрами — как раз то, что Рууэл велел представить. Похоже, я легковнушаемая. — Я замолчала, чтобы допить вкусный кисловатый напиток. — После Рууэла со мной сидел Мейз, да? А потом Алей и ты?

— Что ж, вот и подтверждение: ты чувствуешь, когда мы рядом.

— Вы мне снились. А техников я, кажется, не замечаю.

— Вероятно, сказывается то, что сетари сильнее связаны с Эной. Первый и четвертый назначены основными твоими... пусть «няньками», второй и третий — запасными. Есть еще кто-нибудь, кого ты не против подключить?

— Зен. Думаешь, тренировки правда помогут прекратить кошмариться?

— Возможно. У некоторых талантов видения тоже проблемы со сном, используемые ими против кошмаров приемы вряд ли тебе повредят. А вот по поводу того, стоит ли тренировать твое управление Эной, есть сомнения — вдруг это усилит то, с помощью чего ты чуть не вернулась в свой мир?

— Или я сделаю тогда настоящие шупальца, не только шум.

— И это тоже. — Мара покачала головой: — Идея, что ты можешь убить себя собственными снами, знаешь ли, не успокаивает. Во всяком случае, мы собираемся ускоренно улучшать твою спортивную форму и добавить довольно интенсивные тренировки по видению, хотя и не знаем толком, какой именно талант видения пытаемся в тебе развить. А между делом еще будешь стрелять, на случай, если тебя все же привлекут к поискам Каласы. — Она ухмыльнулась: — И не слушай Нилса, если начнет предлагать помочь с засыпанием.

— Зи меня не простила бы, — попыталась я произнести как можно небрежнее, чувствуя, что заливаюсь краской.

— Зи и Нилс Сайят — не пара, — приподняла брови Мара.

— Ей все равно важно.

На это она никак не ответила, но и отрицать ничего не стала. Вместо этого потратила остаток дня, упакивая меня до смерти — и заставив очень пожалеть о слишком плотном завтраке. Они с Кетзарен по очереди пасли меня до самого вечера. За ужином собрался весь первый отряд, а потом мы все играли в интерфейсную игру, пиксесо с загадками. В пиксесо я играла вполне на уровне, но половину загадок совсем не понимала. И все равно время провела весело.

Мара спросила, не побыть ли рядом, пока я сплю, и соблазн согласиться был велик, но я все же отказалась — мол, собираюсь думать о выдрах и посмотреть, сработает это или нет.

— Но приятно знать, что кто-нибудь придет разбудить меня, если станет плохо.

Она странно улыбнулась и обняла меня:

— Рада, что ты все еще доверяешь нам настолько, чтобы разговаривать. — Голос звучал сердито. — Этот дурацкий сериал, так не вовремя... — Она с досадой хмыкнула и выпустила меня. — Пожалуйста, помни: ты среди друзей. Не нужно прятать боль.

То, что Мара относит меня к своим друзьям, не может не радовать. Плохо, что она явно обо мне беспокоится. Я недостаточно хорошо скрываю, насколько близка к срыву. Потому что я снова не просто полезная усиливающая бродяга, а незаменимый ключик к части Муины. Хуже того — из-за меня могут пострадать другие. Я не хочу быть той, из-за кого могут пострадать другие. Я даже не знаю, могу ли перестать причинять вред себе самой. Даже недолгий разговор с Марой помог немного, но если кто-нибудь узнает, что мне страшно находиться одной в своей квартире, меня навсегда поселят у медиков.

Пока же я собираюсь спать на кушетке у окна.

К счастью, несколько минут назад вернулся с Муины третий отряд. Эли запросила канал, а получив его, устроила мне форменный допрос про битву с гигантом вперемешку с введением меня в курс последних дел на Муине (продолжают в основном изучать Нуриот и расширять обследованную территорию вокруг Пандоры). Как я поняла, причиной ее восторга стал мой ответ «капитан третьего отряда» на вопрос о самом красивом сетари. Таарел она просто обожает.

После разговора с Эли настроение не могло не подняться.

Сегодня вечером покажут новую серию «Скрытой войны», но, хоть я и встала для своей смены совсем поздно, сомневаюсь, что после такой физической нагрузки досижу до нее. Лично для меня гораздо важнее то, что за время болтовни с Эли мои дни оказались все расписаны. Неизбежные проверки у медиков, куча физкультуры с первым отрядом, пара занятий по владению оружием с каким-то Перрином Дрейком. И каждый день —

тренировки видения с Рууэлом.

Как ни странно, сначала я отреагировала отрицательно. Не то чтобы он стал мне меньше нравиться — на самом деле, еще больше — и я не сомневаюсь, что учитель он такой же хороший, как и капитан. Но будет так же, как когда я была приписана к четвертому на Муине. Я буду заданием, задание закончится, и я снова стану чьей-то чужой проблемой. Не представляю, как этого избежать.

И не хочу, чтобы Рууэл ассоциировался у меня с тестами и экспериментами, чтобы он подавал звонки и смотрел, течет ли слюна. Не хочу, чтобы он обращался со мной, как с подопытной.

Правда, выбора все равно нет. Сегодня снова послушаю, как он говорил мне о выдрах, и, наверное, снова обрадуюсь и удивлюсь, что он так хорошо все запомнил.

Я все еще чувствую тепло его руки.

Пьедестал-имедестал

Правильно я боялась, что Рууэл будет со мной обращаться как с подопытной.

Начался день вполне хорошо. Проснувшись довольной — мне снились выдры — и спокойной, я обнаружила послание от Ненны. После прочтения которого пришлось все-таки посмотреть вчерашнюю серию «Скрытой войны», потому что в письме Ненна за нее извинялась.

Подумать только, когда-то мне казалось, что очутиться в телевизоре — круто. Ничто так не выбивает из колеи, как видеть свои первые дни на Таре превращенными в развлечение для публики.

Впрочем, все не настолько плохо, насколько показалось Ненне. Вся серия подана с ее точки зрения (точнее, от лица некой Сенны, прототип которой легко угадывается) и рассказывает о том, как ее отец приводит домой бродягу на попечение. Поскольку о жизни у Лентсов в моем личном деле вряд ли есть подробные отчеты, очевидно, сценаристы провели немало времени, расспрашивая Ненну. Возможно, и остальных членов семьи тоже. Судя по тому, насколько ей неловко, Ненне заплатили за описание всего того, что я говорила и делала.

Но на самом деле серия не обо мне, а о ней: о том, как обычная девушка-тарианка восприняла прибавление семейства в лице инопланетянки-бродяги. Они даже парнем ее обеспечили — только ради того, чтобы «Сенну» раздирали противоречия, когда она застанет его плящимся на ноги бродяги. Еще воткнули кучу всяких прошедших мимо меня разговоров, поэтому не знаю, сколько там выдумки. Правда ли, что сестра Ненны с самого начала была против того, чтобы отец взял бродягу? Действительно ли Лентсы обсуждали мои трудности с языком, что я его никак не усвою? Ломаный тарианский актрисы комичен и делает ее только милее — отнюдь не то, что было в реальности. Конечно, когда шиворот-навыворот и с акцентом слова произносит няшка-милашка с огромными глазами, при этом выдавая в результате либо двусмысленности, либо «нечаянные» афоризмы, вид совсем другой.

Интересно, насколько нарушает земной копирайт использование музыки с моего мобильного в тарианских телешоу? Было ужасно странно услышать там Гвен Стефани и песню, которой заканчивается «Portal». Судя по кратким объяснениям к песне из видеоигры, в следующих сериях наверняка появится и моя «лабораторная крыса».

Они показали, как мы с Ненной упали и поломали себе кости, а потом Ненну в первые дни в больнице: напуганную, виноватую, сердитую. Ее ждали долгое лечение и реабилитационная терапия. При земном уровне медицины она на всю жизнь оказалась бы прикована к инвалидному креслу, и виновата во всем была бы я. Конечно, на Земле люди не телепортируются, и никто из нас не пострадал бы.

Вместо того чтобы писать ответ, я запросила у Ненны канал, и мы проболтали целых полчаса. Раз она меня не ненавидит, ее разговоры с телевизионщиками меня мало волновали. Наоборот, было огромным облегчением узнать: она не отвечала на письма совсем не потому, что до сих винит меня в своей травме. (А также, что КОТИС не блокирует мою почту — это подозрение посещало меня не раз.)

Убедившись, что я действительно не обиделась, Ненна снова превратилась в ту девочку, которую я знала, и тут же начала выпытывать у меня подробности про сетари. Я сказала ей,

что в третьем отряде есть кое-кто, кто очень ее напоминает, но ухитрилась не выдать ничего существенного.

Первый сегодня патрулировал, но Маре это не помешало. До дежурства она отловила меня и закидала мячами, а потом велела проработать упражнения по рукопашному бою для начинающих (в интерфейсе есть куча тренажеров, на которых я могу заниматься самостоятельно — и никому из сетари не нужно меня при этом караулить). Я даже порадовалась этому занятию — нужно было как-то отвлечься от предстоящей учебы с Рууэлом.

Можно подумать, мне четырнадцать и иду на первое в жизни свидание — настолько я была взвинчена. Поскольку смена четвертого позже моей, тренировки видения назначили на время перед моим ужином и на «раннее утро» Рууэла. Оказалось так трудно не терять голову перед назначенной встречей с ним. В конце концов, чтобы отвлечься, я приняла холодный душ и остаток времени провела, расчесывая волосы щеткой и заплетая французскую косичку — чтобы хотя бы выглядеть по-деловому и ответственно.

Встретиться мы должны были в незнакомой для меня части комплекса: ряд комнат вдоль коридора, все с окнами для наблюдения. «Тренировка видений». Нам выделили комнату номер пять, но по пути я отвлеклась на комнату номер три, где занимались два калрани. Там что-то вроде полосы препятствий, но с движущимися частями. Не знаю, наверное, там тренируют боевое видение. В специальной защите, но уверена — мало приятного, если тебе прилетит качающимся бревном. Уже не говоря о падении вниз с некоторых частей повыше. Остается надеяться, что мои тренировки здесь никогда проходить не будут — по виду, тут требуется гимнастика на уровне олимпийцев.

Я понаблюдала пару минут, после чего явился Рууэл и встал справа и чуть позади меня. Одолеваемая мрачными и трагическими мыслями по поводу причин, заставляющих калрани так тяжело работать, я спросила:

— Сколько погибли за время тренировок?

— Пятеро. Надень это.

Похоже, он был не в духе — отчего и я от тренировки хорошего не ждала. Рууэла с почти закрытыми глазами лучше избегать, особенно если в качестве приветствия он вручает тебе черную повязку на глаза. Да к тому же из наножижи: когда я неохотно приложила ее к глазам и соединила концы, она потекла под моими пальцами и закрыла еще и уши. Фу-у. Очень эффективно, совершенно теряешь ориентацию. Слышала я только биение собственного сердца, а не видела вообще ничего.

«На время тестирования функции интерфейса будут сокращены до минимума», — получила я текст от Рууэла, и тут же всего лишилась и ничего вообще не могла сделать.

Потом меня куда-то левитировали. Нервировало все это ужасно. К краткости Рууэла я привыкла, но сейчас чувствовала себя слишком уж беспомощной — особенно когда меня так и не поставили на пол, а оставили болтаться в воздухе. Видела я только черноту и квадратное окошечко текста прямо перед собой: «Тест 1» и дата.

Которые сменились на: «Вам дадут ряд контейнеров. Постарайтесь прочувствовать содержимое каждого. Если не можете точно определить, что внутри, назовите слово или образ, которые пришли вам на ум при первом прикосновении. Отвечайте вслух. Подайте сигнал, что поняли».

— Поняла.

Я попыталась не показать, что разозлилась. В конце концов, логично применять

сенсорную депривацию при подобных тестах. Я послушно подняла ладони, и в них упало что-то прохладное и круглое: по ощущениям, стеклянный шар размером с мяч для софтбола.

Моей первой ассоциацией оказался софтбольный мяч — коих я на Таре не видела. Явно не то, что требовалось, ибо относилось больше к контейнеру, чем к его содержимому. Я перебирала остальные случайные слова, которые приходили на ум, когда вдруг поняла, что не чувствую Рууэла. Ну, я чувствую много всякого, когда он поблизости (тогда я на него сердилась и немножко беспокоилась, что опозорюсь и он начнет хуже обо мне думать), но я просто всегда очень четко осознаю, что он рядом. Или что он отсутствует, как когда просыпаюсь каждое утро и понимаю — Рууэла рядом нет. Сегодня он стоял со мной, я надела повязку, потом взмыла вверх и после этого его не чувствовала. Я знала, что двигаюсь — даже с повязкой и затычками в ушах движение все равно ощущается, меня переместили метров на тридцать или, может, пятьдесят. Я предполагала, что левитирует меня Рууэл, но, очевидно, делал это кто-то другой.

Хорошо, что те контейнеры не хрупкие — первый я сжала со всей силы. Чувствовала себя жертвой идиотской шутки, над которой все втайне смеются и ждут, когда же до нее дойдет. Но, молча покипев несколько секунд, я сосредоточилась на том, кто же меня левитировал, если не Рууэл. Я могла примерно сказать, где он находится — факт, который очень интриговал и помог поостыть. Рукой не достать, где-то подо мной — вероятно, я плавала в воздухе выше, чем ожидала. И это был Пар, чувствовался как Пар. Никого другого совсем рядом не было, но чем больше я сосредотачивалась на Паре, тем сильнее ощущала, что в отдалении есть еще люди, но не разобрать кто — как слово, которое точно знаешь, а вспомнить не можешь.

С тех пор, как мне дали контейнер, времени прошло уже много. Я честно попыталась почувствовать, что же там внутри, но не могла сказать, получается или нет. Никакой уверенности, совсем не так, как знать, что Рууэла рядом нет.

В итоге я сдалась и спросила:

— Проверка попытаться угадать объект или понять, что меня украл Аурон?

— Оба наблюдения важны. Продолжайте тест с контейнерами.

Я все еще злилась, поэтому решила выполнять инструкции буквально.

— Софтбол, — сказала я и протянула шар.

После короткой паузы контейнер поднялся с моих рук и на его месте оказался другой, того же размера и формы.

После этого я отвечала исключительно на английском. В конце концов, думаю я не на тарианском, и если они хотели первых слов, приходящих мне на ум, они их и получают. Не знаю, насколько видение символов поможет интерпретировать мои ответы, например: «нарцисс», «Макдональдс» или «Стефани». Я все-таки занялась самоцензурой, когда из меня поперли сексуальные термины, не стала рисковать. Мало ли что там разберет видение символов, да и, вполне вероятно, меня еще заставят потом перевести ответы. Я знала, что большинство из них неверны: слон ни за что не влез бы в шарик размером с кулак.

После где-то двадцати пяти шаров интерфейс выдал новый текст: сначала «Тест 2», а потом «Опишите свое окружение, включая все предметы и людей».

Я задумалась. Ожидалось, что я буду находиться в зале номер пять для тренировки видений, но увидеть его я не успела. Хотя, вероятно, это такая же безликая белая комната, как почти все в КОТИС. Вот только это всего лишь мое предположение. Единственное, в чем я могла быть уверена, — люди.

— Аурон внизу, — сказала я и махнула ладонью в его сторону. Потом ткнула туда, где, как мне казалось, находился коридор: — Вот там — четыре или пять человек. Один человек там? — Я показала направо от себя, не чувствуя уверенности. Там кто-то был, но он двигался. — А все остальное только гадать.

Через секунду я снова почувствовала пол под ногами — Пар опустил меня. Мне удалось не пошатнуться, но стоило этому обрадоваться, как появилось новое сообщение:

«Тест 3. Определите положение и отследите перемещения находящихся в комнате».

Пар начал кружить вокруг, а я показывала на него. Если он двигался слишком быстро, следить становилось трудно, а потом я его совсем теряла, только знала, что он неподалеку. Затем один из пяти подошел поближе и оказался Глейдом. Они с Паром постояли вместе чуть-чуть и разделились, но я легко определяла, кто из них где, если они перемещались достаточно медленно.

За третьим подошедшим я могла следить так же уверенно, но не знала, кто это. А вот четвертого чуть не пропустила. Мне было гораздо труднее определить, где она, но в итоге я узнала исту Чеми.

Все это время голова болела, все сильнее и сильнее, пока не дошло до уровня раскалывания после ддоры, и следующее сообщение я встретила с чувством громадного облегчения: *«Тесты завершены».* Я тут же подняла руки, чтобы снять повязку, но гладкая наноткань никак не реагировала на мои прикосновения, пока внезапно не превратилась обратно в просто полоску. Штука явно не рассчитана на то, что ее можно снять самому, отчего я возненавидела ее еще больше. Через секунду мне вернули и функции интерфейса.

Человек, которого я не смогла определить, оказался калрани, прежде мне не встречавшимся. Это мне удалось разобрать сквозь прищуренные глаза, раскрыть которые не давал и внезапно яркий свет, и головная боль. Я получила текст от Рууэла: *«Иди к медикам. Если они тебя отпустят, тренируйся распознавать, кто находится рядом, но не переусердствуй».*

Пар был так добр, что слевитировал меня вниз к врачам, и после кратчайшего из сканирований иста Чеми дала мне лекарство от головной боли. Я там и заснула, но снов не видела. Потом пришла Зи и повела к себе в квартиру ужинать. Я сказала ей, мол, мне еще больше жаль калрани и сетари, если им приходится мучиться от головной боли совсем детьми. Она ответила, что хуже всего обычно в первый раз. Звучало так, будто это похоже на прокалывание ушей — когда только начинаешь активно пользоваться своими талантами, стараясь развить их с «пассивного» уровня, больно при появлении каждого нового умения, но по мере тренировок талант усиливается, и неприятные ощущения проходят.

После ужина я долго нежилась в ванне с пеной. Вода успела остыть, пока я размышляла о себе. Не о том, как дико оказаться этим самым пробным камнем, экстрасенсом или кем еще там. Честно говоря, я считаю, что экстрасенсом меня сделала Муина. Может, там в грушах что-то такое есть. Я абсолютно точно не могла сотворить ничего такого, пока не застряла там на месяц.

Нет, лежа в воде, я пыталась сообразить, всегда ли воспринимала сюрпризы так плохо. Не думаю. Конечно, никому не понравится, когда на них внезапно сыплются неприятности, но сейчас я терпеть не могу, когда кто-нибудь делает что угодно без предупреждения. Просто ненавижу.

Трудно поверить, что Рууэл забыл о психологических аспектах. Он слишком умен, чтобы не понимать, насколько я растеряюсь и огорчусь, если меня оставить без зрения и

слуха, а потом еще и передать Пару. Наверняка это помогло с тестами, сделав меня более чувствительной, так что все вполне логично, и не стоит столько переживать. Но рассердилась я капитально.

Повторяю себе, что все к лучшему. Для Рууэла я — задание, а я в него слишком верила. Может, в течение следующей недели он продолжит злить меня, и я буду считать его гадом наравне с Каджалом.

Ладно, это я загнула. Вряд ли. Но сейчас я не хочу даже слышать, как он говорит о выдрах, а в жизни бы не подумала, что могу дойти до такого.

Ну вот, всю ночь во сне я спорила с Рууэлом. Он очень холодно заявил, мол, что толку в моем доверии, если оно не выдержало такой мелочи. А я ответила, что доверять кому-то немного — как быть чуть-чуть беременной. Чуть-чуть нельзя, тут или все, или ничего. Ты или доверяешь полностью, или не доверяешь.

Не так ужасно, как кошмар с тентаклями. Я могла проснуться и каждый раз просыпалась, и чувствовала себя при этом просто несчастной, а не на грани инфаркта, но лучше бы обходиться без подобных снов.

Когда я проснулась в последний раз, меня ждало письмо от Селки с черновым отчетом по вчерашнему тестированию, с указанием перевести в нужных местах слова, которые я произносила при попытках идентификации объектов. Не уверена, означает ли это, что тестирование проводил Селки, или он просто просматривал отчет. Разве важно, если Рууэл провел сессию так по приказу? Мне от этого ничуть не легче. Я заполнила требуемое и совершенно не удивилась, обнаружив, что ни разу не угадала. В оставшейся части отчета не было ничего нового о моей способности определять, кто рядом, но оказалось, что в процессе Глейд и Пар делали вид, будто собираются меня ударить, и проверяли, среагирую ли я. Если так пойдет, я вообще никого из четвертого видеть не захочу.

Подавленная и невыспавшаяся, я отправилась на свою первую учебу по стрельбе. Мой тренер в зеленом костюме, Дрейк, выглядел как сержант с плаката: бывалый вояка лет сорока. Вначале я почти ждала, что на меня наорут, но он был очень корректен и слегка снисходителен — на Земле такой наверняка называл бы женщин «дамочками». Сегодня мы стреляли из чего-то вроде лазерного пистолета, и я оказалась полной бездарью. Это, небось, самое простое оружие в мире, но если по большим и неподвижным мишеням я еще попадала — не то чтобы в яблочко, но сойдет, — как только мне давали двигающиеся или внезапно выскакивающие цели (все генерировал интерфейс), я мазала почти всегда. Собственно, я и мячом в корзину всегда так себе попадала. К тому же — возможно, сказывается, что я австралийка — я плохо отношусь к пистолетам. Раньше никогда не держала их в руках и не убеждена, что нечаянно не подстрелю кого-нибудь.

Увидев, насколько я плоха, Дрейк назначил мне дополнительные уроки, но, поскольку вряд ли ждал чего-то лучшего, воспринял все очень спокойно. Он должен научить меня стрелять еще из какого-то «пульса», чем мы и займемся в следующий раз. Подозреваю, единственный способ стать стрелком лучше для меня — много практиковаться.

После обеда занималась с Марой силовыми упражнениями, сегодня она меня не слишком напрягала. Спортзал — одно из немногих мест, где можно увидеть сетари не в форме, точнее, в их спортивной форме, практически в майке и шортах. Для тренировок в боевых искусствах без оружия они тоже переодеваются во что-нибудь полегче. В зале сегодня хватало народу, и я обнаружила, что ужасно отвлекаюсь на сетари не в черном в обтяжку. Супер-накачанными мышцами никто из них не отличается — им нужна сила, а не масса, и, как я понимаю, вес мешает подвижности.

Мара, похоже, заметила, что я не в духе, но мне с ней хорошо, и я слегка взбодрилась, а потом к нам присоединился Лон, рядом с которым не улыбаться невозможно, так что вторая половина дня прошла неплохо.

В конце концов я отправилась в сторону сектора для тренировок видения рано, главным

образом потому, что иначе наверняка не удержалась бы и натянула одну из своих «крысиных» футболок. Я все еще сердилась, и сомнения никуда не делись, но не хотелось устраивать скандал из-за того, что все наверняка считают нормальным. Не хотелось и ссориться с Рууэлом или тратить время на обиды и выяснение отношений. С другой стороны, еще раз оказываться в таком же положении, как вчера, я тоже не желала, и решила, что вернее всего подойти разумно и начать разговор самой.

На этот раз нам отвели шестой зал, поменьше. В нем там и сям валялись какие-то коричневые кубы, про которые я решила, что это такие табуретки, и, забравшись на один из них, уселась по-турецки. И до появления Рууэла — тоже очень раннего — слушала музыку.

Стоило ему войти, как я сказала:

— Если мне нужно завязать глаза, можно тем, что я смогу снять сама? Эта штука вчера действительно не понравилась.

— Не нужно, на этот раз будет учеба, а не тесты.

Несмотря на облегчение, расслабиться не получилось, я только пыталась выглядеть не слишком нервной. Рууэл подвинул один из кубов и сел напротив. В расслабленной позе — одна нога лежит на табурете, другая висит, и вообще выглядел так, будто в жизни не бывал в плохом настроении.

— Займемся упражнениями на визуализацию, — сказал он. — Их назначение — заранее выбирать тему сна, а не изменять уже приснившийся. Для этого есть свои способы, но начнем с того, что проще. С видрамами у тебя получилось?

Я кивнула, и он продолжил объяснять, о чем можно думать, когда пытаешься уснуть. Похоже на пересчитывание овец, на самом деле. Вспомни в подробностях безопасное место. Сконструируй по кусочку что-нибудь, что тебе нравится. Отследи порядок привычных тебе действий. Сделай что-нибудь, что шаг за шагом сосредоточит внимание на одной выбранной тобой вещи, чтобы другие, вроде шупалец, не смогли просочиться.

Как я и ожидала, учит Рууэл хорошо. Каждый способ он объяснял на понятном и выразительном примере. Мне велено опробовать все приемы по очереди, а потом пользоваться теми, что лучше работают, даже когда я не в напряжении и кошмары меня не мучают. Весь урок Рууэл только говорил, казалось бы, с чего нервничать, но меня не покидали напряжение и подозрительность. Так и не убедила себя, что не будет ни тестов, ни других подвохов, и постоянно помнила о вчерашнем.

На словах, что на сегодня достаточно, я тихонько выдохнула с облегчением. И, конечно, зря надеялась, что это пройдет незамеченным. Вероятно, Рууэл все это время неплохо представлял, как я себя чувствую, но после вдоха его брови слегка сошлись.

— Твои сны могут оказаться слишком разрушительными, чтобы ты могла позволить себе не уделять занятиям полное внимание, — очень по-капитански сказали мне. — И хотя я не был согласен с подходом, принятым вчера при тестировании, я все же провел его. Если это тебе мешает, могу организовать занятия с кем-нибудь другим.

Ни за что не хочу когда-нибудь спорить с Рууэлом по-настоящему — меня же будут обходить на каждом повороте. На этот раз я просто почувствовала, как запылало лицо, но сумела прямо встретить его взгляд:

— Чего предполагалось достичь, расстраивая меня?

— Стресс — главный толчок к развитию способностей. — Говорил он как робот без эмоций, ровно и невыразительно. — В твоём случае он плохо сочетается с тем, как ты попала сюда и почему решила позволить нам себя использовать. Хочешь другого

преподавателя?

— Есть кто-то, кто с большей вероятностью нарушит приказ? — Я порадовалась, что это прозвучало сухо, а не обиженно. Потом покачала головой и встала: — Нет. Но спасибо за предложение.

Я ушла, чтобы поразмышлять о своих чувствах подальше от Рууэла и всех его видений. И все еще не решила, как к нему отношусь. Знаю только, что рада была получить объяснения. Для Рууэла, наверное, их надо засчитать заодно как извинения. Интересно, не в этом ли причина его дурного настроения вчера: он выполнял приказ, зная, что я рассержусь и обижусь из-за всех этих игр.

Я и про Селки думала, что он лучше меня понимает... И, только что просмотрев его расписание, узнала, что он снова летал на Муину и вернулся обратно за несколько часов до того, как отправил мне отчет для заполнения.

Ну ладно, надеюсь, ночь обойдется без ссор с Рууэлом. Если визуализация сработает как надо, я должна увидеть во сне свою комнату — буду там убираться. Практически предвкушаю.

Тысяча журавликов

Вчера, ложась спать, я сообразила, что попытаться увидеть во сне дом — идея не из лучших. Оказаться в околопространстве Земли, откуда меня придется спасать, я точно не хочу. Ручей с выдрами и правда идеальное «безопасное место» для визуализации, но, чтобы снова им пользоваться, нужно или перестать ассоциировать его с Рууэлом, или совсем забыть о своей обиде.

Я решила попробовать прием «представь, как что-то создаешь», и заснула, вспоминая, как Норико Ямада учила меня складывать журавликов из бумаги. Она собиралась сделать целую тысячу, нанизать их в длинные гирлянды и подарить своей бабушке. Я столько не сделала, но порядок действий помню хорошо. Поэтому свернулась калачиком на кушетке у окна и шаг за шагом в уме сложила журавлика, и мне приснился тот день, когда мы с Норико в обеденный перерыв встретились в школьной библиотеке и занялись оригами.

Через какое-то время появились Мори и Рууэл и замерли у дальнего конца стола, но Рууэл почти сразу же опять ушел. Я делала журавликов и слушала Норико. Она говорила, что птичьи гирлянды повесят в бабушкином саду, а распавшись, они понесут по ветру желание, загаданное ею для бабушки.

Рууэл вернулся вместе с Таарел, и они встали у моего стула.

— Хочешь, покажу, как сделать такой? — спросила я Рууэла, вручая ему только что сложенного журавлика.

Он поднял его, показал Таарел, и она коснулась крыла:

— Впечатляет. Касзандра, ты знаешь, где находишься?

— В библиотеке? — Я огляделась, но тут же задумалась и поняла: — А, я вижу сон.

И проснулась, все так же свернувшись у окна. Горел свет, но не на полную мощность, рядом стояла Мори и смотрела на меня.

— Это же был не кошмар!

— Нет. Но ты тратила слишком много энергии, поэтому сработал сигнал тревоги. — Она присела на ручку одного из диванов. — Что тебе снилось?

— Делала вещи — одно из упражнений на засыпание.

Я села и огляделась, удивленная, что в комнате нет ни Рууэла, ни Таарел, потому что они мне казались очень реальными.

— Голова вроде болит, — сказала я, обнаружив, что двигаться не очень могу.

— Мы направимся к медикам через минуту. Толькождемся возвращения капитанов.

— Рууэл и Таарел все-таки были здесь?

Их отсутствие сильно смущало. При попытках понять, как же я с ними говорила, если их здесь нет, в висках застучало сильнее.

Мори улыбнулась:

— Они пошли в Эну, в это место в околопространстве, чтобы проверить одну теорию. Должны скоро вернуться.

Я встала и оделась, потому что, хоть я и стала натягивать на ночь длинные пижамные штаны после того похода к Земле, все равно чувствую себя неловко в одежде для сна при разговоре лицом к лицу, или когда иду к медикам.

Мори смотрела на беспрестанный дождь за окном. Я спросила, о какой теории речь, но она ответила, что, наверное, проще дожидаться возвращения капитанов, чтобы не повторять

одно и то же несколько раз. Мы поболтали о последней серии «Скрытой войны», мне даже пришлось немного объяснить, как я отношусь к тому, что из-за меня пострадала Ненна. Мори меня прекрасно поняла. По ее словам, практически все сетари больше всего боятся подвести свой отряд и стать причиной чьей-то смерти.

А потом Таарел подключила нас с Мори к каналу, на котором уже разговаривали она, Рууэл, Селки и (к некоторому моему удовольствию) истен Нотра.

— Вот это место в околопространстве. — Рууэл показал нам фрагмент своего журнала.

Он быстро поднимался по внешней стене здания КОТИС, на периферии зрения маячила Таарел, а впереди виднелось нечто очень странное: размытые вихри, крутящиеся вокруг здания, которое словно торчало из белокаменной стены. Я его тут же узнала. Наша школьная библиотека!

Она не казалась наброском, как обычно в околопространстве, в стенах не было дыр. Но при этом выглядела нереальной, зыбкой, точно мыльный пузырь, словно коснись ее — и все исчезнет. Однако Рууэлу и Таарел пришлось толкать тяжелую дверь на пружине, чтобы попасть внутрь. За конторкой спереди стояла тень библиотекаря, но она словно не видела ребят. Они повернули направо и прошли вдоль длинных рядов с книгами до столов у дальней стены главного зала. Там сидели два привидения — мое и Норико — и складывали журавликов.

Меня вообще-то было две. Одна сидела и делала журавликов, а светящийся силуэт на том же самом месте свернулся калачиком на кушетке у окна. Сетари пришлось пойти немного в обход, чтобы попасть одновременно и в мою комнату на Таре, и в библиотечный зал. Рууэл при этом постоянно переключал свои видения, очень некстати для моей больной головы.

— Хочешь, покажу, как сделать такой? — спросило мое привидение, вручая Рууэлу журавлика.

Он снова попереключал видения, а потом подал журавлика Таарел посмотреть, и она коснулась крыла и сказала:

— Впечатляет. Касзандра, ты знаешь, где находишься?

— В библиотеке? — Мое привидение огляделось. — А, я вижу сон.

После чего все исчезло, и Таарел с Рууэлом остались одни в околопространственной версии моей квартиры, глядя туда, где постепенно таяло мое спящее привидение, а на полу валялись журавлики.

Отрывок из журнала закончился, я открыла глаза и обнаружила, что Таарел с Рууэлом уже здесь, и у каждого из них в руках журавлики. Самых разных цветов, несколько даже из специальной бумаги для оригами с рисунками, из которой их делала Норико.

— Что символизируют бумажные птицы? — спросила истен Нотра.

— Пожелание удачи, — ответила я и снова закрыла глаза — голова раскалывалась. — Норико, девочка, которая сидела со мной, из части Земли под названием Япония. У них есть искусство оригами: складывать вещи из бумаги. Птица называется журавль, в Японии считается волшебным животным. Японская традиция складывать тысячу оригами журавлей как пожелание доброй удачи.

Я снова открыла глаза и, поскольку рядом стояла Таарел, наклонилась вперед, взяла у нее одного из журавликов и развернула его.

— Чувствуется как обычная бумага.

— Узнаем о них больше, когда проанализируем, — сказала истен Нотра. — Касзандра,

мы собираемся разместить в околопространстве дрона там, где твоя комната, чтобы наблюдать за развитием твоих снов в Эне. — И, не дав мне психануть окончательно, продолжила: — Визуальная часть будет доступна для просмотра только мне, если я не решу, что информация в ней чрезвычайно важна и ее должен увидеть кто-то еще, и будет уничтожаться после моего просмотра. Это для тебя приемлемо?

На моем лице явно было написано «Нет, не хочу!», и только после мучительной паузы мне удалось выдать несчастным голосом:

— Наверное. — Кто-то будет просматривать мои сны — хуже просто не придумаешь! Впрочем, то, что этот «кто-то» — истен Нотра, делало ситуацию едва-едва, но все же терпимой, поэтому я в конце концов добавила: — Да.

— Умница.

— А теперь к медикам, — велел Рууэл, и для меня канал закрылся.

Он отдал Мори свою пригоршню журавликов и подождал, убеждаясь, что я могу идти сама и меня не придется нести. Я могла, правда медленно и пошатываясь, но путь в медблок состоит в основном из поездок на лифте.

— Ты спишь там из-за окна, или потому что боишься другой комнаты? — спросил Рууэл, когда мы почти дошли до моего «второго дома».

— Обе причины, — коротко ответила я, зная, что врать ему бесполезно. — Но становится легче ходить в спальню.

По крайней мере, теперь мне не приходится каждый раз собираться с духом, чтобы взять оттуда одежду.

Он ничего не сказал. Рууэл прекрасно чувствует, когда лучше промолчать. А меня ждала привычная процедура сканирования и обследования моих мозгов до последнего нейрона.

Кажется, больше мне до самого пробуждения ничего не снилось — без сомнения, к радости исты Чеми, даже если она этого и не показывала, — и утром меня забрал Мейз.

— Тебе все чаще не удается нормально выспаться, — заметил он за завтраком. — И я знаю, что тебе наверняка не нравится случившееся в результате последнего сна.

— А ты хотел бы, чтобы твои сны смотрели?

— Ни в коем случае.

Он произнес это так категорично, что я тут же задумалась: о чем же он видит сны?

— Рад, что истен Нотра нашла приемлемый для тебя подход, так как ясно, что твои таланты ускоренно развиваются. Сделанное тобой прошлой ночью выходит далеко за рамки того, что принято называть управлением Эной. Настолько далеко, что подробности сообщили только тем отрядам, которые работают с тобой непосредственно.

— Может, «пробный камень» — это талант снов?

Мейз кивнул:

— Мы не нашли исторических сведений ни о ком тебе подобном, но уже ясно, что усиление — самый незначительный из твоих талантов. Пока мы собираемся сосредоточиться на том, чтобы понять, что же именно ты делаешь, и помочь научиться эту способность не использовать.

— Было легче просто смотреть работу первого отряда, — со вздохом ответила я. — Ты смотрел мой урок стрельбы? Совсем никуда не годная.

— Потренируешься — научишься.

Мейз наградил меня суровым капитанским взглядом, мол, лучше отнесись к урокам со всей серьезностью. Но потом не выдержал и улыбнулся:

— Хотя должен согласиться, ты не создана для драки. Мне не по себе даже от того, что мы сочли необходимым учить тебя обращению с оружием.

— Много споров?

— Случается. Главным образом по поводу того, когда что делать, насколько нужно торопиться с Муиной. Если честно, на нас очень давят, чтобы мы поскорее нашли путь в тот город, где ты побывала.

— Можно сказать: «Я же говорила!»?

— Пожалуй. Окончательно пока не решили. — Он изучающе посмотрел на меня: — Последние недели выдались трудными для тебя, Касзандра. Я могу настоять на задержке, дать тебе время...

— Лучше пусть уже случится, — прервала я, отчего-то и сердясь, и смущаясь одновременно. — Совсем не хочу делать это, но ионотов все больше и больше, да? Мысль, что кто-то знакомый умрет, ужаснее, чем встать на платформу. И не придется больше об этом беспокоиться, когда сделаю, снова стану усиливающей бродягой.

— Не уверен, что это возможно, — серьезно ответил Мейз. — Сделанное тобой прошлой ночью может иметь очень далеко идущие последствия, такое нельзя оставлять неисследованным. К счастью, раз дело происходило в Эне, ты отнесена к вотчине истен Нотры. Теперь, когда прямое руководство осуществляет она, мы сможем быть более последовательными и избегать таких идиотизмов, как проведение с тобой одного из стандартных тестов видения. — Он досадливо поморщился, потом махнул рукой, мол, хватит об этом, и добавил: — Сегодня мы идем в Эну с тобой, посмотрим, можешь ли ты управлять ею непосредственно.

Поэтому вместо урока по видению с Рууэлом я провела остаток дня с первым отрядом. Кетзарен совершенно безуспешно пыталась научить меня простейшим манипуляциям с Эной, пока Алей нас сторожила, а остаток первого отряда зачищал округу. Они шли по пространствам, которые считались простыми — по так называемому «разбросанному маршруту», потому что это не цепочка связанных пространств, а надо заходить в каждое из околостранства и выходить туда же. Мне выдали домашнее задание: кубик размером с большую горошину, который должен по моей воле из желтого стать зеленым. Очевидно, считается, что поменять цвет — простейшая из операций управления Эной, но я чувствую себя полнейшей дурой: всю таращусь на маленький кубик, и ничего не происходит.

А еще Мейз строго-настрого запретил мне пытаться «сделать что-нибудь» сегодня на ночь. По-хорошему, надо бы вернуться к приему «безопасного места» и выдрам, но не хочу рисковать и думать о чем-то связанном с Рууэлом. Даже если это увидит только истен Нотра. Я знаю, что настоящим секретом остается только тот, о котором никто, кроме тебя самой, не знает.

Андроидам что-нибудь снится?

Я считала овец. Это был «реальный» сон, но слишком короткий, чтобы кто-нибудь прибежал будить меня из-за перерасхода энергии. И раз уж я считала овец, то точно знала, что сплю, пусть все и чувствовалось очень настоящим: я сидела на травке в прекрасный солнечный денек и смотрела, как овцы перепрыгивают через заборчик высотой им по колено.

А еще там был дрон, торчавший ни к селу ни к городу посреди куста. И смешно, и досадно. Заметив его, я помахала и из-за этого почему-то проснулась. Без головной боли, спокойной и отдохнувшей, чему я очень рада. Ненавижу дни, когда кажется, что я на пределе.

Мое расписание изменили: теперь на утро был назначен завтрак-ужин с истен Нотрой. Приятный сюрприз. К тому же я отлично провела время. Дом истен находится в той части, где живет начальство КОТИС. Что-то вроде закрытого жилого комплекса, который, что важно, расположен в пределах охраняемой зоны, где я могу ходить без сопровождения. Круто. Я чуть не опоздала, потому что засмотрелась на сады и на маленькую кофейню-магазин, куда так хотелось зайти и самой купить себе что-нибудь.

Я — печальный случай.

Меня узнавали и пялились — даже в КОТИС меня мало кто видит, кроме сетари и медиков, — но никто не пытался остановить или о чем-нибудь спросить. Дом истен Нотры нашелся довольно легко. Он выходит на широкую «площадь» с высоким потолком, поэтому казался мне именно домом. Вот только без окон, что не перестает меня удивлять. У квартир на Таре нет дверных звонков: говоришь двери по интерфейсу, что пришла, и она сообщает об этом либо тому, с кем назначена встреча, либо просто всем внутри. Я стояла снаружи, чувствуя себя как на выставке, пока дверь не открыла девочка на несколько лет младше меня, начала что-то говорить, а потом запнулась и уставилась на меня круглыми глазами.

— Истен Нотра здесь живет? — спросила я, но прежде, чем успела продолжить, к двери подбежала еще девочка помладше, лет одиннадцати-двенадцати, увидела меня и завизжала.

Честное слово, иногда хочется вернуться на Землю хотя бы ради того, чтобы на меня так не реагировали. Ужас как неловко. Мы со старшей девочкой дружно покраснели, я попыталась что-то сказать, но младшая взвизгнула снова, показывая на меня. Старшая торопливо отступила назад и жестом пригласила меня войти, чтобы можно было закрыть дверь.

— Канна, дурочка, прекрати! — зашипела она, встряхнув сестренку за плечо. — Простите, э-э-э, я... Канна не хотела...

— Джор, Канна, в каких простран... — В прихожей появился юноша, по виду мой ровесник, дважды сморгнул, но сумел и не завизжать, и не утратить дара речи. — Вы, должно быть, к нашей бабушке. Я провожу, но позвольте сначала извиниться за сестер. Хотел бы добавить, что они обычно так себя не ведут, но не стану вводить вас в заблуждение.

— Шон!

Старшая из девочек совсем смутилась, а младшая пнула его по лодыжке.

Шон проигнорировал обеих и провел меня вглубь квартиры — большой, очень уютной и заставленной вещами. Истен Нотра живет со своей дочерью Киел, затем Фелланом и их

детьми, Шоном, Джор и Канной. Она сказала остальным, что ждет к ужину гостью, но не уточнила, кого именно. Чувствую, истен Нотра любит их подразнить. Ели мы что-то вроде блинчиков — вполне подходящее блюдо и для вечерней трапезы хозяев, и для моего завтрака.

Они все ужасно умные, что неудивительно. Разговор в конце концов зашел о космической программе Земли, о лунах и разных видах планет. Их очень интересовало, как на Земле из-за наклона оси сменяются времена года. Смены сезонов реально нет ни на Таре, ни на Коларе, но, очевидно, есть на Муине. Потом мы говорили о Марсе, о земной науке. Я, как обычно, пожалела, что не особо интересовалась всем этим в школе, но сумела не слишком опозориться. Эх, если бы я прочла столько же серьезной научной фантастики, сколько космоопер!

После блинчиков и очень вкусного вязкого десерта (похоже на ириски — вряд ли их можно счесть полезным завтраком), истен Нотра попросила меня показать, как складываются журавлики из бумаги. Так что мы занимались оригами. Я умею делать журавликов и стаканчики, и игру-гадание, и самолетики, и даже черепашку — самую сложную фигуру из тех, которым меня научила Норико. Истен Нотре специально принесли заранее кучу бумаги, но у нее в доме нет ни ручек, ни карандашей, и никто из них все равно не умеет писать, поэтому мне не удавалось толком объяснить игрушку-гадание, пока один из помощников истен не явился с ручкой. Он наверняка возрадовался, узнав, почему его так срочно гоняли за древним, доинтерфейсных времен, орудием письма. Зато Канна пришла от игрушки в восторг и заставила меня надписать для нее несколько штук — с ответами, которые одиннадцатилетняя шалуня сочла забавными, — моим странноватым рукописным тарианским. При должном старании у меня получается разборчиво, но буквы все равно немного отличаются от стандартных шрифтов.

Я пробыла в их доме часа три, прежде чем истен Нотра отослала внуков и мы пошли в ее кабинет, поговорить о моем сне, записанном дроном. Я снова проецировала его в Эне, но, похоже, не так сильно — когда я проснулась, все овцы исчезли. В отличие от журавликов — в кабинете лежал один из них, с узором из драконов. Истен Нотра показала мне видеозапись: миражеподобную меня, сидящую на небесной траве и глядящую на овец, и белый контур меня спящей на кушетке под окном. Вскоре я помахала дрону, и картинка словно растворилась. Я объяснила, почему считала овец, и ответила, мол, да, я знала, что там был дрон, и описала, как он для меня выглядел.

— Мы все еще только строим теории, Касзандра. Могу лишь сказать, что это — не управление Эной. Показания совсем другие. Моя предварительная версия на текущий момент, что ты создаешь что-то вроде пространства.

Звучало гораздо серьезнее, чем все мои подозрения, и мне совсем не понравилось.

— Вероятно ли, что я стану намного сильнее? Делать постоянные пространства?

— Вряд ли. Пусть твои способности лишь начали проявляться, а журавлики показывают, что ты уже можешь делать небольшие простые объекты, у тебя просто физически не хватит энергии для создания постоянного пространства. Однако я бы посоветовала тебе по возможности почаще менять фокус своих приемов засыпания — есть вероятность, что повторением ты можешь достичь невозможного за один сон. — Истен Нотра заправила за ухо выбившуюся седую прядь и покачала головой: — Мы едва начали понимать тебя. Дрон постоянно проверял границу между этим пространством и околопространством вокруг твоей комнаты, и нет никаких признаков того, что твои сны как-

то ее ослабляют. Однако твой кошмар о гиганте техники слышали в реальности и даже физически ощущали его действие. То есть опасность существует. Способность создавать непрочную версию пространства любопытна, у нее могут оказаться интересные возможности. Но наличие последствий в реальном мире — совсем другое дело и все осложняет. Не в последнюю очередь потому, что ты сильно рискуешь навредить себе самой.

Домой истен отправила меня с Шоном в качестве сопровождения, что я сначала сочла излишним. Пока не увидела, сколько людей на улицах. Не толпы, конечно (в зону без пропуска не попадешь), но гораздо больше, чем на моем пути из КОТИС. Шон, разумеется их тоже заметил, но продолжал болтать про исследования Муины как ни в чем не бывало, благодаря чему и я не так смущалась. Он прямо разрывается между желанием продолжить работу бабушки по изучению Эны и естественными науками. Второй Дэвид Аттенборо в душе.

Еще он спросил, можно ли мне написать, не против ли я поговорить о сравнениях природы Земли и Муины, и попрощался у самого входа на территорию собственно КОТИС, помахав мне рукой. Хороший парень; уверенный, умный, и общаться с ним легко. Я малость подозреваю, что истен Нотра не без задней мысли нас познакомила, но, пожалуй, притворюсь, будто ни сном ни духом. Шон мне понравился, однако о каких-то отношениях сейчас лучше вообще забыть. Наверное, если удастся научиться просыпаться без тоски по Рууэлу, я смогу начать думать о других парнях, а до тех пор толку-то. Даже расстроенная после тестирования, я все равно проснулась, зная, что его нет рядом.

После обеда у меня была стрельба, где пришлось натягивать на себя громоздкий серый бронежилет. Чувствовала себя штурмовиком из «Звездных войн». Дрейк поставил меня в центр зала с настоящими физическими мишенями и заставил активировать броню. Она сначала создает вокруг носителя энергетический щит, а потом выпускает нечто типа сотрясения пространства, из-за которого мишени разлетаются на куски. Жилет может выстрелить два раза подряд, а потом ему нужно долгое время для перезарядки. В смысле моей безопасности они надеются на него гораздо больше, чем на мою способность научиться стрелять.

А я его ненавижу.

Что, если я не замечу кого-нибудь в зоне поражения, когда активирую броню? Я все время думала о том, какой ужас могу натворить, и не могла толком сосредоточиться на стрельбе. Дрейк продержал меня почти целый час. И хотя к концу тренировки в броне я действительно начала более-менее уверенно попадать по неподвижным целям, по движущимся объектам все еще мажу ужасно, никогда не замечаю того, что выскакивает сзади, и вообще меня от всего этого уже тошнит.

После я приняла долгую ванну и спустилась в сектор тренировок видения пораньше, собираясь до появления Рууэла поиграть в раскрытие убийства. Я полюбила этот детектив в последнее время — отлично помогает снять напряжение. Однако он ужасно развесистый, поэтому я играю, только когда есть приличный кусок свободного времени.

По пути в нашу комнату я волей-неволей обратила внимание на четырех девчонок-калрани, собравшихся у обзорного окна полосы препятствий.

— ... лучше всех, — говорила одна. — Просто прелесть!

— Прелесть, только ледяная, — фыркнула другая. — Не трать время зря. Думаешь, сможешь соперничать с *ней*?

— Все так считают, но это лишь слухи, — сказала третья.

— Слухи не ходят годами без оснований, — возразила вторая. — И...

— Нам пора на тренировку, — прервала их четвертая — очевидно, заметила меня и сообщила остальным, судя по тому, как они все выпрямились и старательно не глядели вокруг.

Калрани ушли по коридору, а я направилась к наблюдательному окну и посмотрела вниз.

Рууэл и Таарел. Они дрались, и на нем была одна из тех ужасных черных повязок. Слепой и глухой, он все же умудрялся избегать ударов да еще и прыгать по движущейся полосе препятствий. Достаточно быстро контратаковать у него не получалось, по Таарел он тоже не попадал, но и ей приходилось непросто. Оба при этом еще и уворачивались от крутящихся бревен и шпук, которые выстреливали из стен. Выглядело все невероятно опасным.

Я понаблюдала с минуту, после чего поднялась на крышу. Лил дождь, но не слишком сильный, и я, постояв там немного, спустилась принять горячий душ, чтобы не простудиться и не выслушивать нотации. Потом пошла на занятия и явилась ровно к назначенному времени, чтобы Рууэл мог бы объяснить мне прием, который он назвал «выключателем». Каждый раз, когда засыпаешь, надо постараться ввести в сон нечто, что напомнит тебе, что ты спишь, и позволит в случае чего проснуться. Дверь, чтобы выйти, или будильник. По словам Рууэла, мне не стоит использовать для этого дрон, потому что я не всегда буду спать там, где за мной следит один из них. Все занятие я сосредоточенно слушала, задала несколько пришедших на ум вопросов, и он отпустил меня довольно быстро.

От Рууэла непросто что-то утаить. Но все эти разговоры о визуализации и способах сосредоточиться мне очень пригодились. Весь сегодняшний урок я про себя считала. Одновременно слушать его и не сбиться со счета требовало огромных усилий, и энергии на то, чтобы по-идиотски чувствовать себя отверженной, просто не осталось. По крайней мере, Рууэл вроде бы не заметил, как я расстроена.

Мне с самого начала казалось, что они с Таарел вместе. Прекрасная пара, на самом деле. И как сказала та калрани, кто сможет соперничать с ней? Даже если проигнорировать такую «мелочь», как внешность, уж точно не та, кто боится спать в собственной спальне. С кем надо нянчиться.

Глупо расстраиваться из-за услышанного. Я это уже знала — все думают, что они вместе, но никто не уверен. Однако я весь вечер переживала, о чем будет сон, засиделась невероятно поздно и уже едва держу глаза открытыми. Когда я расстроена, мне снятся кошмары. И даже если истен Нотра всегда просматривает запись первой, нет гарантии, что никто больше ее не увидит. И поговорить об этом я ни с кем не могу.

Ну, это хотя бы дает мне огромный стимул, чтобы «выключатель» сработал как надо с первого раза. Думаю, еще ни на что в жизни я не была настроена так решительно.

Собираюсь визуализировать фишки, пересчитывать их. И на каждой будет написано: «Это сон». И каждая будет кнопкой-выключателем, чтобы проснуться. Представлю себя в комнате, в которой нет ничего, кроме этих фишек-выключателей. И плевать, если сегодня ночью буду просыпаться тысячу раз, потому что сама себя так запрограммировала; я не собираюсь видеть во сне ничего другого.

Только что появилась Тень. Очень рассердилась, когда я слишком крепко ее обняла.

Мне велели вернуться к овцам, что очень радует. Во сне меня действительно окружали кнопки с надписью «Это сон». Но они все были только нарисованы на стене. Я бесконечно бродила по коридорам со стенами в горошек из кнопок, пытаюсь найти правильную, которую можно нажать. Долгая ночь, в течение которой я, уставшая, одинокая, постоянно чувствовала, что за мной наблюдают, хотя на сей раз дрона так и не увидела. Страшно не было, и энергии, очевидно, уходило не настолько много, чтобы кто-нибудь счел нужным прийти меня разбудить. Однако, пусть я и не заработала инфаркта, утром все же чувствовала себя совершенно разбитой и выжатой.

И проснулась, ужасно скучая по Рууэлу, хуже, чем раньше. Что же нужно, чтобы я перестала так к нему относиться?

Хорошо хоть, позавтракала с Лоном и Марой, потому что по расписанию должна была тренироваться с ними до их выхода на маршрут. Пришлось уговаривать Мару не отсылать меня к медикам, но я по-настоящему рада, что мы поговорили — им проще признаться, как меня напрягает запись моих снов и насколько не хочется, чтобы их видели другие. Пожалуй, это странно, потому что рассказанное именно в частной беседе с Лоном и Марой попало на телевидение и так меня огорчило. Может, с ними легко говорить, потому что они любят обниматься?

Меня поразила одна мысль, высказанная Лоном. Если я могу контролировать, о чем вижу сны, способность проецировать их в таких подробностях представляет собой редкую возможность. Например, я могла бы показать ему, как выглядит серфинг. Интересная идея: превратить дрон из шпиона в удобное записывающее устройство. Большая проблема, конечно — это предположение, что я реально могу что-то там контролировать, учитывая, как паршиво прошла последняя ночь.

Мы немножко потренировались и еще раз перекусили, и первый отряд отправился на дежурство. Потом у меня была стрельба, где усталость и подавленность тоже точно не помогали. Но Дрейк очень терпелив — единственный плюс того, что он не ждет от меня никаких успехов. После я пошла на крышу, любовалась чернотой надвигающихся грозовых туч и пыталась найти способ сказать Рууэлу, что все-таки мне нужен другой учитель. Трудно придумать причину, которая или не звучала бы ужасно оскорбительно, или не подчеркивала бы тот факт, что проблема в моих запутанных чувствах к нему. Я бы предпочла какое-то время совсем не общаться с ним — пока не перестану просыпаться, зная, что его нет рядом.

Все, что удавалось придумать, звучало жутко неубедительно, и в конце концов я решила отложить смену преподавателя до завтра, когда вдруг почувствовала, что слева кто-то стоит. Нуриец Инисар.

— Здравствуйте еще раз, — сказала я после паузы.

Уверена, если кто-нибудь следил за моими жизненными показателями, то заметил дикие скачки, но, поскольку нуриец просто стоял там, я только добавила:

— Еще одна попытка спасения, или на этот раз что-то другое?

— Ты больше не собираешься помогать тарианцам?

Вопрос прозвучал так нейтрально, что я не могла понять, задан ли он из простого любопытства или меня готовы умыкнуть отсюда через пространства, как только скажу «да». Или убить, если не скажу.

— Собираюсь. — Я не стала вставать, только отклонилась немного назад, чтобы посмотреть на нурийца. — Ситуация не улучшилась. Больше ионотов, больше врат. Не вижу, как могла бы бросить все так. У меня был... Ладно, у меня много вопросов, но больше всего хотела спросить, кто такие крузатчи.

— А ты как думаешь, кто они?

Встречный вопрос, никакого от него толку.

— Муинцы, ставшие ионотами. Пытавшиеся сделать себя бессмертными. Или превратиться в богов. Или и то, и другое. И теперь пытаются остановить тарианцев, потому что те достигли уровня, когда могут перемещаться между пространствами и находить и отключать Колонны. Крузатчи и к Нури пригоняют гигантов, чтобы нападать?

— Мне запрещено отвечать на вопросы.

А вот это заставляло нервничать. Если Инисар здесь не для разговора, похищение или убийство становятся более вероятными.

— Заглянули полюбоваться видом?

Его глаза — почти такие же, как у Рууэла, что не делало мою жизнь легче — внимательно смотрели на меня.

— Мне приказано наблюдать за твоим развитием как пробного камня. Пока я здесь, я должен избегать любых контактов с потерянными детьми Муины.

Я улыбнулась «примерному» следованию приказам. Он отвечал не на заданные вопросы и разговаривал не с потомком муинцев.

— Следуете инструкциям очень точно. Я не знаю, что именно из происходящего со мной относится к пробному камню, но недавно я начала проецировать свои сны в Эну. Если это и есть то, почему я «пробный камень», была бы благодарна намекам на то, как не видеть снов. Или хотя бы перестать чуть не убивать себя ими.

— Контроль не получишь во время сна, — ответил он и сунул мне в руки книгу.

Я удивленно уставилась вниз — мол, что это? — а когда снова подняла глаза, Инисар уже исчез.

— Прямые ответы не получишь от нурийцев, — пробормотала я и вздохнула.

А потом с большим интересом осмотрела книгу. Довольно толстую, с прочно прошитыми тетрадками кремовой шероховатой бумаги, с гладкими, ничем не украшенными деревянными обложками. Она выглядела только что сделанной; раскрыв ее, я увидела четкие, аккуратные строки. Написанные на старомуинском, прочесть и понять который я могу не лучше, чем староанглийский. Я фыркнула, но аккуратно пролистала ее всю страница за страницей, записывая в личный журнал — и надеясь на полезные иллюстрации.

После чего наступило время предстать пред грозными очами. Я уже проверила «своих» капитанов, но Мейз еще не вернулся с дежурства, а Рууэл спал. Поколебавшись какое-то время, не связаться ли с Таарел, капитаном второго Грифом Реганом или даже с Зен, я все же решила обойтись без предисловий и отправила Селки запись всего разговора. Письмо озаглавила «Нурийцы», продолжив в тексте «пишут очень аккуратно», и отослала копии Мейзу, Рууэлу и истен Нотре, а потом сидела, пытаясь вычислить, что же такое мне сунули. Явно не «Введение в пробные камни для идиотов», как я надеялась.

И только успела решить, что там что-то про историю Муины, когда получила запрос на канал с истен Нотрой и приписку: *«Ты неиссякаемый источник даров»*, вызвавшую у меня смех.

— Здравствуйте, — сказала я. — Подозреваю, с вашей формулировкой насчет «даров»

не все согласятся.

— Вполне вероятно. И как жестоко с твоей стороны отправить нам только первые четыре страницы! Передай мне остальные.

Это было легко — я уже выделила этот кусок журнала, чтобы самой просматривать.

— Истен Нотра, вы читаете на старомуинском? Это нурийский трактат по истории?

— Еще лучше, деточка. Это копия отчета, написанного лантарами сразу после прибытия на Нури. Сборник всего, что сбежавшие туда муинцы знали о катастрофе и событиях, которые к ней привели. Это... — Ее голос зазвенел. — Это очень интересно, и я пока тебя оставлю и займусь чтением. А тебе бы лучше самой явиться к Селки в кабинет до того, как он закончит просматривать ваш разговор.

Прежде мне не приходилось бывать в кабинете Селки — он в той части КОТИС, с которой я думаю как о «ставке главнокомандования». Сектор с кучей синих костюмов вокруг и обилием конференц-залов. Я поняла, когда Селки закончил просмотр, потому что в моем расписании появилась встреча с ним, назначенная «немедленно». Но, подозреваю, истен Нотра передала, что я уже иду, потому что он просто дождался моего появления.

В некоторых кабинетах на Таре еще можно увидеть следы времен столов для компьютеров, но большинство из них такие же, как у Селки — просто комната для встреч, закрепленная за определенным человеком, с местом для оборудования, но без чего-либо приспособленного под писанину или разбор бумаг. В его кабинете столов было два: небольшой прямоугольный, вроде кофейного, с четырьмя низкими креслами вокруг, и круглый повыше, типа как в кафе, рядом с которым стояли два стула с высокими прямыми спинками. Селки сидел в одном из них и, судя по виду, подарку не обрадовался.

— Сядь.

Я положила книгу на стол и села, чувствуя себя вызванной в кабинет директора. Вот только из этой школы — для солдат-экстрасенсов — нельзя уйти вечером домой.

— Мы уже говорили с тобой по поводу сигнала тревоги. Если мне придется повторять это еще раз, к тебе припишут специальный отряд сопровождения. Ясно?

Пожелай нуриец меня убить, сигнал ничем бы не помог, и я чуть не сказала это вслух, пока не посмотрела Селки в глаза. Любые возражения, и отряд телохранителей мне назначат немедленно.

— Ясно, — ответила я, смирившись с неизбежным.

— На чем основана твоя теория о крузатчах?

— Аренрон очевидно ради божественности или бессмертия. Тела в неразмытых саркофагах сожжены. И крузатчи постоянно лезут. Это только догадка — у нас на Земле нет ничего подобного крузатчам. Даже никогда не слышала никаких легенд о таких вещах.

Селки на это ничего не ответил, но и не удивился тоже. Я точно не первая гадаю, чего именно пытались добиться люди в Аренроне.

— Оставайся здесь, пока истен Нотра не свяжется, — приказал он, взял книгу и ушел.

Книга была немаленькая, но я не совсем уверена, служила ли отсидка пары часов в кабинете Селки наказанием или средством удержать меня там, куда нурийцам трудно проникнуть. Я какое-то время размышляла, где Инисар собирается спать на Таре — планете, на которой практически нет незанятой земли. Избежать любых контактов с выходцами с Муины здесь непростая задача.

Хотя меня он, кажется, нашел совсем без проблем. Если бы его послали убить меня, я была бы уже мертва. Похоже, я в некотором роде привыкла к мысли, что могу умереть.

Результат слишком частого попадания в реанимацию.

Селки возвращаться не спешил, и я в конце концов стала играть в одну из недавно купленных игр для интерфейса. С очень интересным миром — Тара до продвинутого технологического прогресса. Пещерные люди с белокаменными городами под каменным же небом и внешней средой, куда им приходилось выбираться. Ионоты встречались, но не так часто, и до сетари — еще не призванных на службу — никому не было дела. Героями тех времен были те, кто отправлялся на вылазки в темноту пещер, в туннели, ведущие в неизведанное. Тара на стадии «здесь водятся драконы», совершенно иной мир.

Когда с дежурства вернулся первый отряд, Мейз ответил на мое письмо словами: «Зимлянка нарывается на нотацию. Скоро увидимся». Но первым появился не Мейз, а Рууэл. Он вошел и сел напротив, когда я пыталась решить очередную загадку. Я почувствовала его, выключила игру и открыла глаза.

— Прием «выключателя» не сработал?

Похоже, огромные черные круги под моими глазами заметили. Я пожала плечами:

— Длинный кошмар про поиски выключателя. Сегодня попробую вариант с действием. — Это когда «выключателем» служит какое-то специфическое действие с моей стороны, вроде жеста рукой. — Как думаешь, нуриец действительно отвечал мне или просто издевался?

Рууэл чуть наклонил голову:

— Возможно, твои способности проявляются во время сна чисто потому, что ты не способна управлять ими сознательно. Практиковалась определять положение людей вокруг?

Я кивнула, хотя не столько практиковалась, сколько просто все лучше как-то угадывала присутствие людей по другую сторону стены.

— Когда крузатч в первый раз напал на тебя в Каласе, ты почувствовала его, прежде чем увидеть?

Трудно сказать.

— Не знаю точно. Не думаю, что я его услышала, но что-то заставило посмотреть в ту сторону.

— Попробуем сделать упражнение на визуализацию, пока ждем истен Нотру. Закрой глаза.

Я посмотрела на Рууэла печально-иронично — он не отреагировал — и через секунду послушно закрыла глаза, прекрасно зная, что краснею. Я была глупо счастлива. Ужасно паршиво чувствовать себя обузой ему — и от мысли, что они с Таарел вместе. Я до сих пор недовольна, что он разозлил меня для тестирования, но не могу притворяться, будто это, или даже высокая вероятность его влюбленности в Таарел, излечило меня от желания быть с ним.

Для упражнения Рууэл описал комнату. Высокий потолок, колонны, низкие обитые скамейки и целую кучу квадратных витрин с разными вещами — древним оружием, сосудами, украшениями. Мне нужно было представить себе описываемую картину и повторять описание после каждого нового предмета. Одна из этих игр на память. Я была удивлена, насколько она оказалась легкой. Рууэл очень красочно все описывает — я словно живую видела комнату и могла без труда повторить, что в ней находится. Вот только голова болела все сильнее.

— Это делает мне голову больной, — в конце концов сказала я, открыла глаза и передернулась, потому что все вокруг казалось нечетким.

А еще мне тут же словно иглы в мозг впились. Я только мельком увидела описанное Рууэлом помещение, как бы наложенное на кабинет Селки, после чего пришлось зажмуриться и схватиться за голову. Рууэл почти сразу переместил меня в другую комнату и вызвал врача, от лекарств которого боль будто отступила за стену, но не ушла совсем. Когда появились Мейз и Селки, я с трудом держалась в вертикальном положении, но по крайней мере могла открыть глаза.

Они заказали еду, и, поев, я почувствовала себя получше, но все равно больше всего хотела заползти куда-нибудь в темное место и свернуться клубочком. Я вполуха слушала, как Рууэл рассказывает о результатах визуализации — и совсем не смотрела на его журнал, куда он дал доступ, — пока он не начал указывать в призрачной комнате поверх кабинета Селки на детали, которых не упоминал. Но которые были в описанном им музее. И на что-то, чего он сам не помнил. Не говоря уже о том, что все названное им мне было воспроизведено в точности.

— Мы запросим запись текущего состояния музея для сравнения, — сказал Селки. И после секундной паузы добавил в мою сторону: — Попытка использовать эту способность для того, чтобы увидеть свой родной мир, была бы крайней глупостью.

Видимо, я слишком явно обрадовалась.

— Вероятно, — неохотно согласилась я. — Буду воздерживаться и не пробовать визуализировать Землю, пока нет лучшего понятия о границах. Хотя во сне в предпоследнюю ночь перед овцами я сидела на Муине. А сон с журавликами оригами был в земном здании. Возможно, вся энергия не в глядении, а в воспроизведении.

— В любом случае до дальнейших распоряжений ограничишься визуализацией только под контролем. Сведения о расширении этих способностей остаются секретными и будут сообщены только приписанным отрядам. На короткое время остальные события этого дня совершенно секретны, даже в рамках твоих отрядов.

После чего он подключил к нашему каналу истен Нотру, и она очень бодро кратко пересказала нам рукопись:

— Книга главным образом подтверждает некоторые наши предположения и устанавливает последовательность событий, но есть и кое-что новое. Автор не была непосредственно связана с созданием Колонн, но рассказала, что помнит о проекте с тех времен, когда его впервые предложила группа под названием «дом Дайен». Главное открытие — что стабилизация путешествий через глубокое пространство оказалась просто приятным побочным действием, а основной целью был эфир для снабжения энергией так называемых «великих устройств». Между правящими домами возникло немало споров по поводу связанных рисков, и только неожиданная поддержка дома Золен позволила приступить к осуществлению проекта. Автор отмечает, что за время строительства Колонн дом Золен построил еще и ряд «чрезвычайно заносчивых» подземных сооружений, почти наверняка включавших и найденное нами в Аренроне. Проект Колонн сперва сочли исключительно успешным. Но потом начали появляться дыры в околопространство. Ионоты стали представлять заметную угрозу, и после многочисленных нападений дом Дайен с помощью одного из «великих устройств» создал ддору. Катастрофа разразилась всего через пять дней. Сначала стало известно, что кто-то напал на дом Дайен, почти сразу после чего была утрачена связь с Каласой. От тех, кому в тот момент была видна луна Муины, пришли сообщения, что «на Даман появилась рана». Нуриот и Телката замолчали всего через несколько часов после Каласы. Большинство городов, называемых автором

«фокусирующими», не отвечали, но один успел сообщить, что платформы перестали работать и вместо этого «жалят при прикосновении». Поселки, в которых оставались телепаты, делились тем немногим, что им известно, и велось немало споров, виновата ли во всем ддора. Ддора не имела доступа к Каласе, а именно этот город пал первым. Через сутки после потери Каласы, так как голоса все продолжали замолкать, было решено бежать.

Истен Нотра ненадолго затихла и добавила:

— В оставшейся части даются некоторые подробности о методах доступа к глубокому пространству и защиты отряда численностью с город средних размеров от эфира и встречающихся ионотов.

— Думала, эфир из городов с платформами, не из глубокого пространства, — сказала я. Чем меньше болела голова, тем труднее становилось не заснуть.

— Действительно, — подтвердила истен Нотра. — Наши наблюдения ясно показывают, что эфир генерируется на Муине. Но мы еще не знаем, насколько ему идентичен эфир в Эне.

— Что это меняет? — спросил Мейз.

— В краткосрочной перспективе — ничего. Информация про сооружения, подобные Аренрону, дает полезное подтверждение того, что они не были частью проекта Колонн, но не объясняет их настоящей цели. Возможно, это одно из «великих устройств». Но большая часть книги только дает нам хронологию и позволяет упорядочить ранее известное.

— И оставляет открытым вопрос, почему Инисару с Нури запретили говорить, но он решил передать нам книгу, — заметил Рууэл.

Я подумала, что вопрос резонный, но уже отключалась и даже ответа не услышала.

Проснувшись в своей квартире — не в спальне, а на кушетке у окна, аккуратно укрытая одеялом. Наверное, сюда меня принес Мейз, но откуда ему знать, что я сейчас не ложусь в спальне?

Истен Нотра прислала перевод первых страниц, и, полагаю, тот факт, что переводить приходится ей, показывает текущий уровень секретности. Догадываюсь, что это для защиты Инисара, так как на Таре, вполне возможно, есть нурийские шпионы. Рассказать народу о рукописи все равно что заявить нурийцам, мол, Инисар их предал. Ужасно неудобно, что нельзя говорить об этом со всеми остальными из первого или четвертого отрядов, но придется держать язык за зубами.

Меня перевели в смену четвертого отряда, в расписании оставили только стрельбу по утрам и занятия видением во второй половине дня, ну и немножко физических тренировок между ними. А через неделю — снова на Муину. Очевидно, они решились использовать меня для поисков Каласы. В экспедицию отправляются и все первые четыре отряда.

Прямо сейчас меня больше волнуют шесть следующих ночей и проблемы в собственной голове, чем что угодно через неделю на Муине.

Никаких снов вчера ночью. И сразу после встречи тоже. Во всяком случае, я ничего не помню. И не то чтобы готова расслабиться, но надежда появилась.

Одно из последствий перехода на более позднюю смену: первый показ «Скрытой войны» приходится на время моего бодрствования. Впрочем, в компании я ее больше смотреть не собираюсь, хватит с меня. Вчерашняя серия была боевичком про дежурство, кроме последних минут десяти, в которых Нори, главную героиню, вызывают в комнату для тестов и она — вместе с божественно прекрасным и вождленным всеми командиром отряда «Изумруд» — испытывает новооткрытый талант усиления изумленной няшки-бродяжки. А потом Нори назначают нянькой, и она учит бродягу основам боевых искусств.

Мне не нравится, что главную героиню связали с Зен. Нори в своем отряде не капитан, и выглядит совсем иначе, однако точно так же, как Зен (насколько я могу судить), тайно страдает по божественно прекрасному и вождленному всеми старшему командиру. Уверена, из-за сериала у стервы Форел появится масса поводов язвить в ее сторону. Я даже подумывала поговорить с Зен, но сочла, что она наверняка будет изображать полное безразличие ко всему показываемому в «Скрытой войне» и мне нет смысла присоединяться к всеобщему хору. Но я точно постараюсь поболтать с ней в ближайшие дни.

Стрельба сегодня утром прошла гораздо лучше, поскольку я наконец отдохнула и не тряслась от страха в ожидании срыва. Я по-прежнему неспособна заметить, как мишени «прокрадываются» мне за спину — так как они неживые, мой новоприобретенный детектор людей совсем не помогает, — но теперь хотя бы не забываю иногда проверять. И по-прежнему промахиваюсь по 99 % движущихся целей.

Я обедала/ужинала с Мейзом, который подтвердил причину секретности вокруг книги нурийца: не хотят выдавать, что он нам помог. Мейз не знает, как долго все будут держать в тайне от остальных сетари.

Дрейк, похоже, доложил о моих успехах, и Мейз хочет, чтобы я тренировалась побольше, доводила навыки стрельбы до автоматизма.

— Почему ты не рассказывала о своей теории насчет крузатчей? — спросил он к концу нашей трапезы.

Я пожала плечами:

— В ней ничего нового. Пара человек в Аренроне говорила почти то же самое, и никакого способа подтвердить ее. Мне не нравится, когда догадкам придается значение просто потому, что они мои. Спрашивая нурийца, надеялась, что он знает ответ. Ты думаешь, они именно так появились?

— Мои догадки ничем не лучше твоих, — с грустным видом произнес Мейз.

Он знает, что его отношение к крузатчам объективным не назовешь — собственно, поэтому я и не стремилась рассказывать о своих предположениях.

Я отправилась к Рууэлу, собиралась прийти пораньше, но не рассчитала, сколько добираться до места. Мы должны были встретиться не в зале для тренировок, а на «транспортной платформе 15», которая оказалась железнодорожной станцией под островом. Иста Чеми и Рууэл меня уже ждали и, стоило нам взобраться в единственный вагон, кратко ввели в курс дела:

— Мы едем на мыс Кесзен, на этой неделе тренировки проводим там. Следующие два

дня посвятим визуализациям, подобным вчерашней — проверим, как ты реагируешь на описание места, неизвестного говорящему, и насколько оно должно быть подробным. Похоже, ты используешь сразу два таланта: способность увидеть описанное и способность воспроизвести его с помощью Эны. Но пока не заботься о том, чтобы их разделить.

— Испытания там, потому что могу что-то повредить? — спросила я, и Рууэл кивнул.

Вагон тронулся, резко набирая скорость — думаю, дорогу используют для быстрого перемещения грузов под островом. Я нашла на карте мыс Кесзен; оказалось, что это скала с одной из сторон Конны. На ней стоит склад — большая коробка с несколькими отходящими помещениями, — холодный, гулкий, пропахший океаном и чем-то едким. Бесчисленные контейнеры сложили вдоль стен так, что весь центр остался свободным. Там стояли только пара столов и стулья, и сканирующее кресло для меня. Рядом с ним уже ждал еще один серый костюм — из тех, что занимаются техникой — и еще некто по имени Фар Дара. Как я поняла, он заведует складом. Уверена, он просто счастлив превратить свое хозяйство на неделю в испытательный полигон, хотя внешне никак этого не выказывал и был безукоризненно вежлив, демонстрируя немногочисленные удобства, отдаваемые в наше распоряжение.

— Можно выйти наружу? — поинтересовалась я.

Вроде бы ни о чем особенном не просила, но получила в ответ немало удивленных взглядов — мол, зачем это ей, — а потом ждала, пока проверят погоду. Но ца Дара был готов показать мне все, да и Рууэл не возражал. Мне пришлось уговаривать исту Чеми выйти с нами: она типичная тарианка, не стремящаяся наружу. Возможно, в чем-то она права: нам пришлось надевать обвязку и, выйдя через двойной шлюз, закрепить концы страховочных тросов на ограде-поручне, окружавшей небольшой участок скалы, не занятый складом.

Долгие тарианские сумерки уже ступились, виднелись лишь очертания скалы да перекатывающиеся волны высотой почти с нас. Но можно было посмотреть наверх, и оно того стоило. Над черной каменной стеной, вертикально уходящей вверх, белел город. Благодаря вылазкам на крышу я уже знала, что снаружи освещение есть только в нескольких местах, но даже слабый гаснущий свет отражался белыми стенами — такими высокими, такими монументальными, настолько непохожими на земные... Я заново осознала, что живу на чужой планете.

Перегнувшись через поручень, я прижала ладонь к камню высотой мне по пояс, холодному и скользкому.

— Живу на этой планете уже половину земного года, но впервые ее коснулась. — Камень был покрыт чем-то зеленым и пушистым вроде мха. — Но, насколько я могу судить, большинство тарианцев даже этого не делают. Для меня так странно.

— Неужели люди твоего мира настолько отличаются? — спросила иста Чеми.

Думаю, для нее выйти наружу и посмотреть на Конну оказалось большим делом: голос звучал совсем странно.

— Трудно сказать, как бы они вели себя, попади на Тару так же, как муинцы. Но если бы вы перенесли население Австралии в Конну, каждый раз, когда погода позволяет выйти без риска для жизни, крыши заполнялись бы людьми. Они бы устраивали пикники, запускали воздушных змеев, летали на планерах, нашлись бы даже безумцы, которые прыгали бы вниз с парашютом. — Пришлось говорить отчасти на английском, и я посмеялась над тем, насколько непонятно, должно быть, это прозвучало. — В Австралии есть такая работа — спасатель на воде. Проводит весь день на пляже, глядит, не тонет ли

кто.

Произнесла я это в идеальный момент: одна из волн, разбивавшихся о скалы под нами, оказалась просто огромной, и нас окатило. Не так сильно, чтобы кто-нибудь упал, но Рууэл внезапно оказался в паре миллиметров от меня, а его придерживающая ладонь — на моей руке. Он только и сказал:

— Думаю, пора начинать.

И жестом показал, мол, идем внутрь. Но сам пошел только когда договорил, и я перестала болтать и начала надеяться, что смогу не думать об этих секундах так близко к нему, о том, как не только слышала его голос, но и ощущала. Демонстрировать свои мысли тогда совсем не хотелось, и я сосредоточилась на перебирании тарианского алфавита задом наперед и прочем подобном.

Ботинки исты Чеми наглотались морской воды, и ца Дара увел ее куда-то сушиться. Нанокостюм куда удобнее! Я села на скан-кресло и обрадовалась, что другому серому костюму вздумалось проверить настройки.

После этого мы занимались только делом: Рууэл читал отрывок за отрывком про внутренний садик с фонтанами и статуями. Описание было похуже, не такое наглядное, как если бы он сам рассказывал, но сработало точно так же — и наградило меня очередным приступом жуткой головной боли. На этот раз Рууэл не позволил мне открыть глаза так быстро, и голова болела сильнее. Я чувствовала себя совершенно выжатой и без сил. Однако выдержала и не заснула во время поездки обратно, а отсыпалась у медиков, потому что иста Чеми хотела еще за мной понаблюдать. Никаких кошмаров. Может оказаться — не факт, но все-таки может, — что эти упражнения как раз то, что для этого требуется.

Но потом я проснулась, остро чувствуя, что Рууэла рядом нет, и лежала, вспоминая его ладонь на своей руке, исходившее от него тепло, дыхание, чуть шевелившее мне волосы.

У меня совсем не получается переболеть Рууэлом.

Поскольку каждое утро я первым делом узнаю, что Рууэла рядом нет, у меня появилась привычка валяться в постели, пытаюсь его найти. Дальность моего «локатора» растёт, но все квартиры сетари — в том числе и моя собственная — экранированы как следует, поэтому до сих пор я чувствовала людей только в коридорах (в своем или на уровень выше). Однако сегодня поняла, что Лон у себя, то есть локатор работает и через их защиту.

Когда в моей комнате появляется Тень, я знаю об этом, даже если она невидима. В чем никому не собираюсь признаваться.

Сегодня испытывали воспроизведение выдуманного места, величественного подземного зала с красивой замысловатой росписью на стенах и узорчатым, выложенным как головоломка полом. Рууэл не сказал заранее, что читает отрывки из романа, и на создание хоть какого-то мысленного образа ушло больше времени, но все равно сработало: в том, что у меня получилось, было немало подробностей, о которых умолчал автор выбранного для проверки текста. В этот раз голова разболелась не сразу, едва я открыла глаза. Вот только все расплывалось, будто две картинки, наложенные друг на друга. В зале висели громадные «китайские колокольчики» до самого пола, но не звенели — ветра-то не было. Рууэл подошел к ним, притронулся, и трубка действительно качнулась.

Еще там находились люди, пришедшие в комплекте с залом, хотя Рууэл мне их совсем не описывал. Очень важные, барственные и, похоже, не привыкшие мерить одежду — с длинными рукавами и шейфами, и вообще на них была масса лишней материи. Когда Рууэл коснулся трубки, все посмотрели на него, и я настолько поразились, что отвлеклась, и образ исчез. Что даже хорошо, ибо на этот раз я сама почувствовала, как перестала его держать. Хотя, конечно, предпочла бы обойтись без нагрывшей сразу после головной боли. Ощущение было такое, будто кто-то ударил в огромный гонг прямо за моими глазами, и пока средства исты Чеми не начали действовать, двигаться я совсем не могла.

— Сканы показывают повышенную активность мозга в четырех разных зонах, — сказала иста Чеми, пока я потягивала один из отвратных восстанавливающих напитков, которыми она меня пичкает. — Одна начинает действовать, только если ты открываешь глаза в тот момент, когда работают другие. Можешь описать, что при этом чувствуешь?

— Боль. — Когда Рууэл смерил меня эдаким капитанским взглядом, я пожалала плечами и добавила: — Два образа наложены, и чувство... диссонанса? В этот раз было не так плохо, пока ты не коснулся колокольчиков, и люди на тебя не уставились.

Рууэл нахмурился:

— Просматриваю твою запись.

Никогда не привыкну к тому, что другой может посмотреть на мир моими глазами. Что бы ни подумал Рууэл, внешне он никак этого не показал, просто попялился минуту куда-то в пространство и спокойно объявил:

— Мы людей не видели. Ты смотришь сразу на два образа: и в этом мире, и в Эне. Дрон, установленный в околопространстве на месте склада, должен это подтвердить.

Я после этого притихла, задумалась. На обратном пути Рууэл сообщил, что завтра мы попробуем найти способ разделять таланты и поучимся хоть сколько-нибудь осознанно ими управлять. Будь я пободрее и в настроении, спросила бы, трудно ли ему было разделить шесть разных видений, но голова раскалывалась, и я нервничала. И так и не сказала ему, что

размышляла о смене учителя. Пусть временами из-за Рууэла мне тоскливо и тошно, зато всегда можно быть уверенной, что он видит меня насквозь. Прямо сейчас мне нужны все эти видения, чтобы не слететь с катушек. К тому же вариантов у меня всего два: или расстраиваться по поводу Рууэла и Таарел, но видеться с ним каждый день, или расстраиваться по поводу Рууэла и Таарел, и страдать, потому что совсем его не вижу.

Нервничаю я сейчас из-за другого, это наоборот только отвлекает. Все, больше не могу, устала ужасно, совсем засыпаю.

Вчера я уже укладывалась спать, когда получила запрос от Мори.

— Не нужна ли тебе компания? — спросила она, стоило открыть канал. — Мне настойчиво порекомендовали задуматься, не хочу ли я поспать на твоём диване.

Сперва все во мне взбунтовалось — снова со мной нянчатся! Ненавижу, когда меня принимают за слабачку, невротичку, которую нужно держать за ручки. Чуть не заявила Мори, мол, нет, у меня все хорошо, но проблема-то в том, что все совсем не хорошо, поэтому после затянувшейся паузы я ответила:

— Думаю, буду рада, если захочешь.

— Тогда сейчас спущусь, — довольно произнесла она.

По крайней мере, не придется мучиться угрызениями совести, что ее заставили спать у меня против воли. Пусть «рекомендация» была не чем иным, как приказом, Мори сообразила не притворяться — как раз это мне в ней и нравится.

Она пришла в майке, коротких шортиках и тапочках и притащила с собой большущее пуховое одеяло — интересно, в лифте ей никто не встретился?

— Плохой день, да? — спросила, сбросив одеяло на один из моих диванов. — Мне казалось, что испытания проходят хорошо.

— Пожалуй, да. — Я переместилась с кушетки под окном на диван напротив, одновременно и смущенная, и обрадованная тем, что кто-то побудет рядом, пока я сплю. — Просто я наконец задумалась о последствиях. На испытаниях я делала места, комнаты. Пусть все и началось с того жуткого кошмара о гиганте, мне не приходило в голову, что я могу сотворить в околопространстве ионотов, способных напасть на сетари.

— Правда? А я сразу подумала именно об этом. Значит, боишься вызвать каких-нибудь гадких тварей?

— На Земле есть довольно страшные истории. — Судя по лицу, Мори не поняла и решила, что я боюсь за себя. — Очень неприятно, потому что чем больше я уговариваю себя не волноваться, тем больше нервничаю. Раньше так не было.

Я снова притушила свет и рассказала про наш обычай собирать в гости подружек с ночевкой. И узнала от Мори, как ее в шесть лет привезли на Конну, когда она стала калрани. Вначале им разрешали сколько угодно общаться с семьей по интерфейсу, и занимались они в основном физподготовкой. Только расширение интерфейса оказалось очень неприятным. После этого им постепенно ограничивали общение с внешним миром, и тренировки становились все более специализированными.

Мори рада, что стала сетари. Ей нравится служить в таком дружном четвертом отряде. И по-настоящему нравится их роль исследователей, первыми идущих в новое пространство. Она в восторге от того, чем они занимались на Муине, и предвкушает работу в Каласе. Мори заснула, пытаясь объяснить мне, что чувствует.

Мне потребовалось больше времени и тщательно проведенная визуализация — снова овцы, как самое безопасное. Но, кажется, они-то мне совсем и не снились. А снилась я сама на диване, довольная тем, что напротив меня калачиком свернулась Мори. Пока Мори вдруг не вскочила на ноги и не выстрелила маленькой молнией. Талант электричества у нее слабый, и тварь, в которую она стреляла, хоть и завопила и задергалась, но продолжала ползти на нас. За неимением оружия Мори запустила в нее, словно молотом, журнальным

столиком.

Кое-как поднявшись с дивана, я краем глаза уловила движение и закричала, но предупреждение запоздало. Фиолетово-черный жук размером с кошку вцепился Мори в грудь, лапами обхватил плечи и руки и начал жалить. Первая тварь тоже выползла из-под столика и была уже рядом, когда Мори, шатаясь, упала назад. Я посмотрела на нового жука, взбирающегося по спинке моего дивана, осознала, что сплю и сама все это сделала, и отчаянно попыталась использовать ту часть мозга, работу которой почувствовала в зале с колокольчиками.

И проснулась.

Мори стояла рядом, положив руку мне на плечо:

— Не уверена, что хочу знать, о чем был сон.

На подбородке и горле ее краснели уже бледнеющие полосы. При их виде меня замутило от страха и я сказала:

— Пойдем к медикам.

Мори без возражений подождала, пока я оденусь, потом мы вместе сходили к ней, чтобы она тоже что-нибудь накинула. Я так расстроилась, что еле могла говорить. Хотелось закричать ей: «Быстрее, быстрее!». Когда мы наконец добрались до лазарета, я настояла, чтобы Мори просканировали, мол, ищите паразита у нее в груди. Она глянула в ответ встревоженно, но велела медикам так и сделать. Они ничего не нашли, и я грохнулась в обморок.

Очнувшись на скан-кресле, надо мной хлопотали три серых костюма, пытаюсь понять, с какой стати я отключилась, и в конце концов пришли к выводу, что от облегчения. Без сознания я провалялась всего несколько минут, но этого времени хватило, чтобы сгонять кого-то из сетари в околостранство за записью моего дрона. Убедившись, что страдаю я только от стыда, Мори подключила меня к каналу с Мейзом, Рууэлом и истен Нотрой.

— Касзандра, если не возражаешь, я покажу запись всем, — сказала истен Нотра, и вывела изображение, записанное дроном.

Я не ответила, просто смотрела. Меня тошнило и трясло.

— Это реальные существа твоего мира?

— Нет, они из книги, прочитанной мной до перехода на Муину. Они откладывают яйца в людях. Можно ли как-нибудь вырезать талант? Сделать операцию на мозге?

— Так делают, если оценка опасности достаточно высока. Твой талант уникален, и вряд ли мы согласимся на такие радикальные меры, особенно учитывая, что тебе еще очень далеко до уровня энергии, который позволил бы создать ионота на длительное время.

— То, что ты создаешь в реальном пространстве, ближе к осязаемой иллюзии, чем к материальным объектам, — добавил Мейз. — Как только ты перестаешь проецировать, от них не остается и следа.

— Я не хочу ждать, пока убью кого-нибудь, чтобы узнать, что могу это сделать. — Я пыталась не показывать, насколько расстроена, но голос звучал слишком высоко. И пришлось сглотнуть, чтобы не закричать.

— Ты упускаешь из виду важный момент. — Голос Рууэла по интерфейсу был четким, уверенным. — В отличие от кошмара про гиганта в массиве Дол, ты смогла проснуться. Всего после нескольких дней тренировок. Теперь ты сама осознаешь, когда твои сны становятся осязаемыми?

— Д-да.

— Тогда упражняйся просыпаться каждый раз, как только понимаешь, что сон приобретает это качество — неважно, угрожающий он или нет. И учти на будущее, что ты сильно недооцениваешь боевые способности Эйс.

Рууэл отключился от канала, оставив меня с чувством, что я зря паникую — и, если хорошенько подумать, именно на это он и рассчитывал. Мейз и истен Нотра поговорили со мной еще несколько минут, главным образом задавали вопросы по поводу последних тренировок, а потом велели Мори отвести меня обратно к себе.

Мори же безуспешно пыталась не показывать, как она горда — открытая похвала от Рууэла большая редкость, и все в отряде ею очень дорожат.

— Боевое видение предупредило бы меня о подобной штуке внутри, — сказала Мори, пока мы ехали в лифте. — Как думаешь, сможешь снова заснуть?

— Наверное. Я приму душ и почитаю немного. У четвертого ведь дежурство завтра?

— Да, но беспокойные ночи — одна из главных причин, почему дежурства не ставят на раннее утро.

Мори засыпает гораздо быстрее меня и уже посапывала, когда я вышла из душа. Читать я не стала, вместо этого просматривала куски своего журнала, главным образом время, проведенное в одиночестве в Пандоре и Аренроне. Пейзажи. Я не видела снов, проснулась поздно утром и обнаружила, что тренировка по стрельбе отменена, а вместо нее поставили одно из этих «очень долгих и очень тщательных» медобследований. Я, как умная девочка, захватила с собой дневник. Обедать буду с Зен — я увидела, что она свободна, и договорилась. А потом, когда Рууэл вернется с дежурства, очередная тренировка.

После моего вчерашнего срыва я не удивилась появлению Мейза на тренировке, хотя она и закончилась примерно в полночь его смены. Представляю, сколько они совещаются, решая, как не дать мне свихнуться окончательно.

Рууэл сказал, что сегодня нужно попробовать использовать таланты отдельно — видеть, не создавая, создавать в Эне, но не в реальном пространстве, и создавать в реальном пространстве, но не в Эне. И еще сказал, что сразу не получится. Что сосредоточиться надо на распознавании механизма, попытаться понять, что именно я делаю.

Начал он с описания отдельного предмета — выбрали то, что можно много где найти, дабы проверить, могу ли я сознательно создать что-нибудь поменьше, чем целое пространство. Сработало. Получение образа занимало больше времени, но зато требовало существенно меньше энергии, поэтому на сей раз мы провозились гораздо дольше. И голова болела меньше, что приятно, и все равно проецирование несколько раз подряд вогнало меня в полукоматозное состояние.

— Я рад, что ты не поддавалась искушению создавать образы своего собственного мира, — сказал Мейз по пути назад.

— Слишком устала от головной боли, чтобы добавлять еще, — ответила я, пытаясь не заснуть. — Кроме того, думаю, цур Селки серьезно собирается назначить мне отряд в охрану, если что. Уверена, интересные эксперименты по проецированию отнесет к той же категории, что и беседу... неиспользование сигнала тревоги.

Я удержалась и смогла не покоситься на исту Чеми, которая сидела с Рууэлом напротив. Ужасно трудно хранить в секрете всяких нурийцев, когда спать сильно хочется.

— Испытание диапазона входит в программу, — заметил Рууэл. — Будем проводить на Муине.

Я почему-то считала, что тренировки прервутся на время поисков Каласы. Интересно, буду ли я снова спать в двух капсулах от Рууэла — и будет ли там дрон, записывающий мои сны? Стоило возникнуть этой мысли, как я тут же отключилась. Полагаю, что дремала на Мейзе, или мне снилось, что на Мейзе, но ощущалось иначе, чем когда проецирую. Во всяком случае, я не пыталась проснуться и, когда все-таки проснулась, лежала на кушетке у окна.

Еще чуть-чуть, и отправляемся в Каласу. Я бы, наверное, вся испереживалась, если бы оставались силы переживать по поводу чего-либо помимо перспективы создать во сне чудовищ.

Движущаяся цель

Прошлой ночью снились овцы, и я смогла проснуться почти сразу. Заработала головную боль, зато заметно успокоилась. Не знаю, всегда ли смогу пробудиться и достаточно ли хорошо осознаю, что сны «реальные», а не просто кажутся реальными, но у меня появилось слабая надежда научиться и не делать что-то бессознательно все время.

Утром получила симпатичную кучку пакетов — результат приступа расточительности после известия, что меня отправят на Муину. Еще один дневник, потому что в этом исписано уже две трети с лишним, и кое-что на холодную погоду, ведь в Пандоре начинается зима. Я еле нашла трикотажные шапки пристойного вида. На Таре головные уборы не в чести, а уж таких, чтобы голову держали в тепле, просто не сыскать. Почти все, что мне попадалось, оказывалось водонепроницаемым, непродуваемым и крепко-накрепко завязывающимся — для тех несчастных, которм приходится выходить наружу в любую погоду из-за работы. Гигиеническую помаду найти оказалось легче. В конце концов мне удалось приобрести пару смен вполне зимней верхней одежды и нечто вроде пижамы, которую можно носить и днем. Как же меня задолбало постоянно ходить в нанокостюме, пока мы были в Нуриоте и Аренроне!

Много практиковалась в стрельбе. Сегодня Дрейк учил меня в другом зале, с лабиринтом, где меня преследовали несколько зеленых костюмов. С учебным оружием, которое просто регистрирует, куда «попал», но на самом деле не стреляет, мне полагалось выбраться из лабиринта, не умерев (не дав никому из зеленых себя схватить). Практически игра, вроде должно быть даже весело, но они все так супер-серьезно этим занимались, что я разнервничалась и чувствовала себя идиоткой. Умирала много-много раз.

Затем встретила в тренажерном зале с Марой. Она быстренько вытянула из меня признание, насколько безнадежной мне кажется мысль когда-нибудь достичь уровня, что позволил бы выбираться из лабиринта живой.

— Никто от тебя этого и не ждет, — сказала она. — За пару недель тренировок не научишься побеждать крузатчей с помощью личного оружия. Если ты все-таки перенесешься в одиночку, мы рассчитываем на силовой жилет. — Мара поморщилась. — Сколько по этому поводу было споров! Большинству из тех, кто настаивает на твоём возвращении на Муину, ничего не известно о новом развитии твоих талантов. Гигант массива Дол только обострил противоречия, потому что теперь все прекрасно знают, насколько ценным может оказаться твоё усиление. Но заодно они почувствовали, что время поджимает, и у нас нет возможности исследовать Муину не спеша, доступ в Каласу нужен срочно. Ты по-прежнему предпочитаешь не тянуть и разделаться с этим поскорее?

Я пожалала плечами:

— Больше беспокоилась поубивать всех своими кошмарами. Ты... Тебе никогда не казалась, что ты больше не в силах быть сетари?

Мара выпрямилась на машине для тренировки колен, на которой сидела, и отцепила ноги.

— Когда-то, в самом начале, мы считали себя неуязвимыми. Когда Жорли... первой из сетари в Эне погибла Жорли Кеннез. Если бы кто-то был виноват, кто-то что-то пропустил, если бы причиной смерти стала ошибка, тогда, наверное, было бы не так трудно. Но этот маршрут мы проходили уже раз десять, все сделали как надо, а она все равно погибла. Один

удар, попавший прямо в цель — и все. Только тогда я по-настоящему поняла, что это война на изматывание. Ионотов никогда меньше не станет. Лезе — Хелез Сурион — очень помогла мне тогда, просто показав статистику, насколько меньше гражданских смертей стало с начала нашей службы.

— А потом погибла она, — тихо сказала я.

Я вправду не ожидала, что Мара ответит.

— Да. От исходного первого отряда остались только мы с Алей. Второй, третий, четвертый, седьмой — как они нумеровались тогда — каждый из них понес потери. Лон был ранен, но не слишком серьезно, и он... стал для меня тем, чего я никогда не ожидала. Опорой, необходимым мне якорем. Если бы я оказалась в ситуации Мейза или Алей, потеряла бы самого важного для себя человека, сомневаюсь, что осталась бы сетари. Они оба очень сильно изменились. Хотя... — она сделала паузу, печально усмехнулась. — Мейз сразу был убежден, с самого начала, что крузатчи появились там не просто как ионоты сопровождения, что они зачинщики всего. Я считала, что он цепляется за мысль доказать главенство крузатчей над другими ионотами из-за потери Лезе. Как способ справиться с горем. Даже после Колонны... Только увидев их в Каласе, я позволила себе поверить, что у нас есть настоящий враг. Как это на меня подействовало — не описать. И, конечно, ты уже дала нам приток воздуха, открыв Муину.

Мара отправила меня поесть перед тренировкой видения, но я, прежде чем уйти, обняла ее и прошептала «спасибо», потому что она рассказала о личном, несмотря на мой второй уровень мониторинга, и для меня это многое значит. Пришлось посмотреть значение фразы про «приток воздуха». Оказалось, это аналог нашего «света в конце туннеля», возникший из-за жизни под землей: когда заперт в крошечной тьме, задыхаешься, а потом чувствуешь дуновение ветерка, намек на свежий воздух, и понимаешь, что где-то есть выход наружу. Вот так Мара относится к тому, что она сетари.

Мне понравилась идея якоря. Было бы приятно считать своим якорем первый отряд: ребят, к которым можно обратиться за утешением и поддержкой, кто помогает мне со всем справляться. Но я знаю, что мой якорь — Рууэл. Даже для утешения, когда мне совсем плохо. Ну, в некотором роде. Держать за руку тоже считается.

Очевидно, талантам видения видения присуща очень сильная потребность понимать. Они всегда пытаются «расшифровать» мир и знают много чужих секретов, и, пожалуй, именно поэтому Рууэл — моя опора. Я всегда чувствую, что он все видит, что от него ничего не скроешь, и оттого он точно подбирает слова и действия, когда мне плохо. Конечно, он еще и очень старательно держит меня на расстоянии, но это несущественно. Прямо сейчас меня больше интересует, как бы своим талантом никого не убить.

Кончайте с тестами

Сегодня всю тренировку думала, не мучают ли и Рууэла кошмары. Выглядит так, будто совсем не спит. Он бы, наверное, повеселился, если б узнал, что я о нем тревожусь. Однако сеанс прошел хорошо, я чувствую, что постепенно отхожу от грани саморазрушения.

Завтра отправляемся на Муину, и теперь, когда у меня нет жутких кошмаров каждую ночь, не думать о том, что придется снова встать на ту платформу, становится все труднее.

В ангаре с «Литарой», куда меня привели Лон и Мара, меня ждал чудесный сюрприз. С нами летит истен Нотра! Она сказала, что давно хотела туда, с самого появления Пандоры. Шон тоже летит, в качестве ее помощника — непотизм в лучшем виде, цитируя истен — и еще один из ее важных секретарей. В Пандоре она проживет какое-то время.

Я за нее беспокоюсь, хотя постаралась этого не показывать. Истен Нотра по тарианским меркам уже давно достигла пенсионного возраста, и хотя с головой у нее все более чем в порядке и она не такая сморщенная, как какая-нибудь девятистолетняя старушка с Земли, ей все же присуща некая хрупкость, которой, как мне кажется, совсем не стоит встречаться с первой в жизни зимой.

Я с большим удовольствием познакомилась Шона и Эли, пока Литара тащилась сквозь настоящую бурю к пролому. Обстановку на корабле сложно описать. Четыре самых старших отряда, все очень собранные, очень деловые, многие «дружат» друг с другом, и, уверена, все просто мечтают увидеть Каласу изнутри. Но Мейз необычно суров с виду и скуп на слова, и в каждом отряде я засекала чьи-нибудь странные взгляды в мою сторону. Думаю, после того, как их главным заданием стало не дать мне погибнуть, все пытаются придумать наконец какой-нибудь способ обойтись без моего залезания на любые платформы. Я бы тоже не отказалась его найти, но все же неделями готовилась, потому что всегда считала такой исход неизбежным. Чем больше все бдят, не сорвусь ли я, тем спокойнее я становлюсь. Хочется уже сделать это и наконец расслабиться.

Мы почти у пролома. Сегодня испытаем, смогу ли я сделать телепортируемыми других. Если не сработает, завтра попробую взять с собой в Каласу Мейза.

То, что показывают на публичных каналах Тары, сильно отстает от реальности освоения Муины. Пандору начали застраивать всего три месяца назад, а сейчас это обжитой город: с внешним освещением, тротуарами и участками, которые после зимы станут скверами и садами. Конечно, когда дома сами вырастают за несколько дней, дай им только достаточно сырого материала, все гораздо проще. Но здесь в любом случае проделали громадную работу: над дизайном, планировкой, обеспечением энергией и водой, созданием и подключением системы утилизации отходов, отоплением-охлаждением и внутренней отделкой.

Сейчас здесь живет и работает полторы с лишним тысячи человек.

«Маленьких» отдельных строений всего одно или два. Все остальное — блоки-кубы высотой в три этажа и шириной примерно в шесть частных домов в нашем пригороде. Словом, довольно-таки огромные. В целом немного напоминает по виду кампусы университетов, по которым я много виртуально бродила в середине прошлого года, пытаюсь решить, куда подавать документы. Каждый такой блок посвящен определенной области освоения или науки: уже есть здания для животных, растений, географии, геологии, погоды, археологии, устройств и исследований Эны. А в самом большом находятся центральный пункт управления, который все координирует, военные казармы и склады. В научных блоках тоже есть жилье, как временное общежитие, так и квартиры для постоянных обитателей. Несколько внешних зданий в основном жилые, и одно «обслуживающее»: похоже, именно там готовят всю еду, стирают и тому подобное (хотя мне кажется, что единой общей столовой здесь больше нет). К нему пристроена «теплица» — точно такой же белый куб, как и все остальные, но занятый тем, чтобы поселок выжил, даже если «Литара» перестанет прилетать. Говорят, они уже всю получают урожаи муинских растений, идентифицированных как съедобные. И выращивают тарианские водоросли, перерабатываемые в пищу.

К моему удивлению, хотя остальные здания и похожи на безликий куб военного начальства, кто-то действительно занимался дизайном их внешнего вида. Стены покрыты всевозможными рельефами и узорами, множество окон (почти все закрыты непрозрачными ставнями — защищаются то ли от холода, то ли от вида наружу). И покатые крыши! Наклон совсем небольшой — по ним, наверное, можно вполне безопасно ходить, но он явно есть! Они тоже украшены, водостоки сделаны как красивый узор. Даже крышу центрального блока, и ту переделали, она теперь тоже скатная.

— Я впечатлена, — сказала я истен Нотре, глядя в окно десятиместного челнока, на котором мы прилетели с «Литары» прямо в центральный амфитеатр старого города. — Тарианцы вспомнили, что у зданий есть внешняя сторона.

— Города, которые мы когда-нибудь выстроим в этом мире... — начала истен Нотра, но запнулась и обняла меня. — Он снова станет нашим домом. Спасибо тебе за это, Касзандра.

Я, конечно, невероятно смутилась, хотя теперь уже лучше переносю, когда кто-то эмоционально благодарит меня за то, что получилось совершенно случайно. И чтобы отвлечься, откопала у себя в рюкзаке две купленные с таким трудом шапки. Фиолетовую с голубым я отдала истен Нотре и рассказала вынесенное из целых двух поездок в Тредбо

покататься на лыжах, в частности, о том, что человек теряет поразительное количество тепла через макушку. Одежда на истен была вполне подходящая, но, как и у всех остальных прилетевших на «Литаре», никакого намека на головной убор. Она поблагодарила меня и сразу же натянула мой подарок — отчего у ее секретаря скривилась рожа, словно ему скормили лимон. Подозреваю, вязаные шапочки на Таре считаются «одеждой для младенцев» или чем-нибудь подобным. Лон, во всяком случае, явно с трудом сдерживал смех.

А мне было плевать. Себе я оставила шапочку двух оттенков зеленого и чертовски порадовалась ее наличию, как только открыли люк. У меня от холода даже нос заболел, и дыхание у всех выходило облачками пара. Снег в Пандоре пока не выпадал, но думают, что скоро будет. На холмах повыше в отдалении уже виднелся белый налет.

Новоприбывших на Муину всегда первым делом ведут к платформе, дать им допуск, и по возможности стараются обработать всех сразу, чтобы ддора не беспокоилась. В этот раз было всего два десятка новеньких, так что ничего сложного. Я ждала на краю арены с первым отрядом, пока Шон и истен Нотра официально становились муинцами. Ддора появилась где-то в середине процесса, радостно пошумела, однако ничего сравнимого с диким восторгом первых дней, конечно, не было.

Вопрос с тем, могу ли я кому-нибудь дать допуск в Каласу, решил сразу, как только челнок унес новых муинцев к теплу: нет, не могу.

Я пыталась придумать, что же можно велеть платформе, но она совершенно никак не реагировала. Не то что когда ей говорят, вот, мол, муинцы. И кто бы на нее ни вставал, никто никуда не телепортировался. Мейз перестал сопротивляться неизбежному, как только мы исчерпали все возможные проверки, и отправил Мару отвести меня в к медикам в главное здание. Ддора уже успела наградить меня головной болью. Она теперь не так возбуждена и быстрее затихает, если приказываешь, но все равно, стоит людям начать возиться у платформы, крутится рядом и время от времени постанывает. К тому времени, хотя в Пандоре еще даже солнце не зашло, для меня уже наступил вечер, да и у смены первого отряда день заканчивался. Поэтому завтра начнем ранним утром.

Когда головная боль отступила, Мейз подробно объяснил, что именно мы будем делать завтра. Уверенным, спокойным тоном, но глаза были такие несчастные... Жаль, я никак не могу его утешить. Они хотят, чтобы я переночевала у медиков, под неусыпным наблюдением. Явно боятся моих кошмаров по поводу Каласы, а я не могу рассказать, почему сейчас беспокоюсь совсем не об этом. Видите ли, до меня дошло, что с ненулевой вероятностью Рууэл по крайней мере частично в курсе моих «хороших снов». Если я могу заставить Мори почувствовать, что ее жалят гигантские насекомые, не проводил ли Рууэл ночь за ночью на «Диоделе», недоумевая, почему каждый раз спит словно с девушкой под боком?

Ужасная мысль. Надеюсь, я просто загоняюсь. Подозреваю, что если бы он знал о странностях моих снов в Аренроне, немедленно отправил бы меня проверяться. Но сейчас, когда он о них знает, а я точно могу заставить людей почувствовать всякое, хороших снов не то что не хочется — я их боюсь.

Рууэл был сегодня чем-то занят. На «Литаре» лишь раз мелькнул перед глазами и только во время экспериментов с платформой оказался достаточно близко, чтобы стало ясно: он так и не отдохнул. С тех пор я его не видела. Даже не знаю, в этом ли здании находятся сетари — кроме Джах из второго в соседней комнате, которой, похоже, досталась

первая очередь нянчиться. Пожалуй, Рууэлу лучше бы быть отсюда подальше, предпочтительно в хорошо экранированном здании.

Нечестно! Я, можно сказать, почти предвкушала это задание как раз из-за снов о Рууэле. Но пусть лично я готова сколько угодно о нем фантазировать, заставляя его видеть меня — совсем другое дело.

Попробую выдр.

Похоже, мое подсознание нашло компромисс: мне приснилось, как я сижу у кровати спящего Рууэла. Комната была крохотной, только кровать, полка для багажа и дверь. Свет не горел. Даже не знаю, как сумела все так четко рассмотреть.

Впервые я увидела Рууэла не в привычной униформе, а в темных боксерах и подходящей майке. Ему явно снились кошмары, он метался под полуоткиннутым смятым одеялом. Живое подтверждение тому, что люди с видением места не знают покоя. Кажется, ему было больно. Так хотелось прикоснуться к нему, но вместо этого я заставила себя проснуться. Все-таки нечестно вот так подглядывать. Вроде я не проецировала, а просто наблюдала — существенный прогресс в овладении способностями. Впрочем, сообщать об этом я никому не собираюсь.

Таарел с ним не было. Глупо радоваться, да и сильно сомневаюсь, что они решились бы спать вместе во время миссии. Больше мне той ночью ничего не снилось, а рано утром меня разбудил Мейз и повел на завтрак с группой важных серых костюмов, которые хотели побольше узнать о зиме. Ужасно забавно спрашивать такое у сиднейки, но тарианцы и коларцы со снегом почти не сталкивались. На Таре полюса полузамерзшие, но там практически нет суши, а коларцы живут в полярных зонах, потому что на экваторе слишком жарко. Так что даже австралийцы больше знают о временах года, чем местные. Я начала болтать о зимней спячке и иглу, о том, как ветки ломаются под тяжестью снега, о сезонной миграции животных, а потом перешла к ледниковым периодам и динозаврам. Теперь имею доступ ко всей информации, собранной о животном и растительном мире Муины, могу помечать знакомые виды — вроде тех же овец — и писать небольшие заметки об их земных сородичах.

Затем Мейз отвел меня в другую комнату, где на меня нацепили смертоносный силовой жилет и выдали прочее снаряжение. Конечно, респиратор, целую связку питательных батончиков, вытянутые бутылки с водой и, по моей особой просьбе, зажигалку (а то я замучилась добывать огонь трением палочек друг о друга). Пистолет, запасную обойму к нему. Маленький и огромный маяки — первый удобно носить с собой, а у второго больше радиус охвата, но они переживали, что он со мной не переместится. Тащить его пришлось Мейзу — шуковина весит килограммов двадцать.

Мейз очень хорошо контролировал свои эмоции, по крайней мере внешне казался спокойным и расслабленным, даже когда наставлял, как я должна действовать, если телепортируюсь без него. В основном инструкции сводились к «слезай с платформы и возвращайся назад», ибо иного, возможно, и не потребуется. Но если вдруг, то нужно направиться к другой платформе. Еще до приезда на Муину он заставил меня прочесть всю известную информацию о крузатчах. Что-то приятнее перспектива с ними столкнуться от этого не стала.

— Ты очень хорошо держишься, — наконец заметил Мейз. — Но я знаю, что ты нервничаешь.

Я пожала плечами:

— Глупо было бы не бояться. Но все равно пройдет легче, чем в прошлый раз, даже если застряну там одна.

Мейз вздохнул и на секунду меня обнял (я покраснела как рак — это совсем не то же

самое, что обниматься с Лоном).

— Первые минуты после прибытия решающие. На твоей стороне элемент неожиданности — не трать время зря.

Мы встретились с прочими ребятами из первого отряда и слевитировали к амфитеатру, где нас ждали остальные отряды и зеленые и серые костюмы. По пути я засмотрелась на порхающие вокруг крохотные снежинки. После двух поездок в Тредбо снег не стал для меня меньшей диковинкой, поэтому, едва приземлившись, я заявила:

— Если много нападает, надо непременно устроить эпичный бой в снежки.

— Ты про замерзший дождь? — спросил Лон. Хотя в старомуинском наверняка было свое слово для снега, в тарианском его нет. Поэтому ребята уже знают английское. — А как им можно сражаться?

— Сминаешь в мячики и кидаешься друг в друга. Можно строить форты и прятаться за ними. Но это все веселья ради, — подчеркнула я, приветственно улыбнувшись всем, кто ждал нас на морозе. — Не для того, чтобы научиться лучше убивать в местах со снегом, не как тренировка.

Мейз едва заметно покачал головой — наверное, решил, что я просто храбрюсь, — но пообещал:

— Ладно, если выпадет достаточно снега, устроим эпичный бой в снежки. Готова? — Я кивнула. Он подключил меня к каналу миссии и прибавил: — Вы все уже получили инструкции. Давайте начнем.

В комнату с платформой помимо кучи машин набилось четыре отряда, множество ученых и техников. Получилось тесновато. Но хотя бы теплее, чем наверху.

— Проверка работы экипировки, — сказал единственный техник, которого подсоединили к главному каналу миссии.

Мейз вручил мне тяжелый маяк, перетащил меня в исходную позицию и соединил наши костюмы везде, где позволяла моя броня. Зи поднялась на платформу с еще более мощным дроном — они надеялись, что я смогу утянуть за собой все, что на ней окажется, неважно, есть прямой контакт с предметом или нет.

— Готовы начать, — сказал один из синих костюмов по каналу миссии.

Мейз поднял нас обоих и слевитировал на платформу.

Сработало. Даже получилось захватить с собой Зи и дрона. Мейз выдохнул и обменялся с ней полными облегчения взглядами, хотя оба явно отметили странную хрустальную сеть, что заполнила комнату. Она образовывала небольшой купол над платформой и особенно густо закрывала сломанную сторону, скрывая от глаз резервуары.

У входа обнаружили два крузатча, но не успели они и пошевелиться, как Мейз поспешно запустил в них град из булыжников и обломков стены. Сеть лопнула и рассыпалась.

— Блокировать вход, пока не разберемся, что это, — приказал Мейз.

Он только что вышвырнул крузатчей прочь из помещения и уже сам громоздил у входа камни и куски упавшей стены. Пока он мешал тварям пробраться обратно, Зи вырастила из униформы кусок тонкой ткани и обернула им обломок хрусталя, словно прихваткой.

— Еще тридцать или сорок крузатчей поблизости, — сообщила она, забирая у меня тяжелый маяк и протягивая взамен обломок. — Мы их задержим, а ты пока перенеси ребят и попробуй узнать, что это.

Мейз расчистил угол комнаты и перенес нас и дрона с платформы.

— Связи со спутником нет, — сказала ему Зи.

Он кивнул, затем без всякой левитации схватил меня и плюхнул обратно на платформу.

Я вернулась на Пандору, да так быстро, что на миг опешила. Моргнула, оглядела собравшихся вокруг сетари и слезла с платформы, тараторя на ходу:

— Сорок крузатчей, в комнате полно хрусталя — думаю, какая-то ловушка. Мейз хочет знать, что это. Он завалил вход.

Я сунула обломок удачно оказавшемуся под рукой Рууэлу. Рядом материализовался серый костюм и настоял на том, чтобы я последила глазами за светом фонарика. Остальные из первого отряда взобрались на платформу и, когда серый костюм заверил, что со мной ничего серьезного не случилось, к ним присоединился второй.

Ощувив легчайшее прикосновение к руке, я повернулась обратно к Рууэлу. Он усилился и теперь одним открытым пальцем касался хрусталя. Рууэл по-прежнему выглядел усталым, но спокойным и собранным.

— Догадка верная, — наконец постановил он. — При воздействии на него стихий — огня, света, особенно электричества — хрусталь превратится в газ. Не ядовитый. Его цель — задержать жертву.

— Принято, — отрапортовал Гриф из второго.

Я почувствовала, как меня потащили обратно на платформу. Не успела я коснуться ногами ее каменной поверхности, как Кетзарен и Алей тут же обступили меня по бокам.

Следующие несколько минут выдались весьма лихорадочными. Крузатчи опасные противники в ближнем бою, у них острые когти. Не такие мощные, как световые мечи, но стало ясно: баррикада Мейза долго не продержится. А тварей было несколько десятков. Телекинетики включились в бой, запущенные ими обломки заставили крузатчей отступить из комнаты-ловушки. Меня послали на Пандору за третьим и четвертым отрядами. Выбравшись за пределы хрустальной паутины, сетари заработали в полную силу.

Кетзарен и Алей держались рядом со мной, но убрали меня из комнаты с платформой, хотя Мейз разбил большую часть сети и отшвырнул обломки в одну сторону. К тому времени, как я вышла на поверхность, бой переместился в воздух, и крузатчи отступали.

— Никого поодиночке не преследовать, — приказал Мейз.

Сетари спустились на землю, собрались в самом центре Каласы, а затем разделились на две группы: второй и третий отряды остались здесь со мной, а первый и четвертый исчезли в каком-то большом здании высотой с четырехэтажку.

Мне не очень понравилось слушать редкие сухие инструкции Мейза и не видеть, что там происходит. Крузатч попытался их подкараулить, и пару минут шум на канале просто пугал. Видимо, переживания отразились у меня на лице — первый и четвертый отряды мне дороже всех в этом мире, — потому что Таарел на миг коснулась моего плеча и ободряюще улыбнулась. Все-таки в ней есть что-то от царицы.

Все закончилось относительно быстро. Мы слушали, как два отряда обсуждают что-то вроде малахитовых шаров. Похоже, крузатч ушел сквозь такой так же, как я перемещаюсь с помощью платформ. Вскоре ребята завалили вход обломками, а затем вернулись к нам в центральный круг.

— Отправим отчет и перейдем ко второй фазе, — объявил Мейз, но вдруг замолчал и поднял голову.

Все глянули вверх — не в поисках угрозы, а просто на Каласу. Поврежденный, но все равно город лантаров. Никто не проронил ни слова, все просто стояли и смотрели.

Остаток дня я работала такси. Мейз отослал отчет, и я перенесла сюда смешанную группу зеленых и серых костюмов. Сетари поместили дрон в самую высокую точку города. Серые костюмы все пытались решить, с чего начать. Когда мы уже думали объявить отбой, спутник наконец нас засек — мы оказались по другую сторону планеты от Пандоры, чуть южнее, на острове в одном из самых крупных озер. Полный техников «Диодел» под присмотром второго отряда уже летит в Каласу. Они собираются основать поселение и выяснить, как пробиться через защитное поле города снаружи, пока другая группа попытается сделать это изнутри. Похоже, здесь его нельзя выключить малахитом/силовым камнем, как в Аренроне.

Никому не позволили остаться в Каласе на ночь («ночь» в данном случае наступила с моим отбоем), хотя тут стояло уже штук пять дронов, в основном вокруг заново запечатанного лаза крузатчей. Весь долгий день проводились предварительные исследования. Во время перерыва на ланч меня успела обнять куча людей (Нилс вдобавок еще и дунул в ухо, а потом от души повеселился, глядя на мою реакцию). Из кое-каких оговорок Эли я поняла, что сетари строго-настрога приказали не беспокоить меня беседами о том, как им не хочется, чтобы я вообще приближалась к платформам.

Я снова у медиков, но теперь они хотят проверить, как отреагирует мой организм на «работу такси». Мне не очень нравится спать в медблоке, потому что серые костюмы то и дело заглядывают в комнату. Я чувствую передвижения, хотя все равно не ощущаю их так четко, как сетари.

Хрустальные ловушки оказались на абсолютно всех платформах. Перенесись я одна, вряд ли отделалась бы легче, чем в прошлый раз.

Прошлой ночью превзошла себя.

Начиналось все как обычно. Собравшись спать, я сосредоточилась на овцах, предсказуемо увидела о них сон и почти сразу же себя разбудила. Зи назначили нянькой, и она сидела в приемной по соседству, но потом ушла, зато появился Рууэл и устроился рядом. А затем в изножье кровати возникли два крузатча и, схватив меня за лодыжки, потянули вверх.

Не представляю, чем бы все закончилось, если бы там не было Рууэла. Установленный в комнате сканер показывает, как он расслабленно сидит в кресле, в полумраке, но вдруг выпрямляется, пристально на меня смотрит и, бросившись вперед, хватает, когда я неожиданно поднимаюсь в воздух вверх тормашками. Рууэл только и смог, что удержать меня под мышки, его ступни почти оторвались от пола. Приснившиеся мне крузатчи оказались очень сильны.

Во сне я кричала, но на записи не издаю ни звука, в то время как по нам течет кровь и загорается запутавшаяся в моих ногах простыня. Вбегает в панике серый костюм, а Рууэл телекинезом отбрасывает пылающую простыню в сторону. К счастью, второй серый костюм паниковал чуть меньше и набросил на нее лист серебристой фольги. Но это случилось позже. Сначала Рууэл сказал, очень четко и прямо мне в ухо:

— Это сон, Кассандра. Проснись.

Я не знала. Или в некотором роде знала, но все это произошло в первые же мгновения сна, так что максимум, что я успела — это страшно удивиться и почувствовать боль. А потом заставила себя проснуться, и если бы не потрясающие рефлексы Рууэла, то, наверное, впечаталась бы лицом в пол.

Хотя на этот раз обошлось без заражения, лихорадки и истощения, я умудрилась навредить себе больше, чем реальные крузатчи. Я не ограничилась временными отметинами, которые исчезают, и теперь у меня есть прекрасная коллекция борозд глубиной в дюйм, ожогов и синяков, а также вывихнутая лодыжка и трещина кости.

Отчетливо помню, как один из серых костюмов, не веря своим глазам, спросил:

— Она сама вывихнула себе лодыжку?

И судя по тому, как он после этого втянул воздух, подозреваю, что Рууэл ответил ему по интерфейсу что-то очень резкое. Это единственное, что я хоть как-то помню о первых минутах, после того как вырвалась из сна, помимо ощущения одеревенелости и непреклонной решимости не отпускать Рууэла. Каждый раз, как меня начинало трясти, он просто повторял:

— Дыши глубоко.

И по мере необходимости двигал меня туда-сюда, чтобы медики смогли остановить множественные кровотечения.

К тому времени, как меня накачали обезболивающими и вправили лодыжку, пришли Мейз и Мара. Мара взяла на себя роль человека, в которого я могла вцепиться, пока меняла одежду и комнату — необходимость, учитывая, что и то, и другое оказалось забрызгано кровью и обуглено. После всех телодвижений и жутко невкусного напитка я достаточно успокоилась, чтобы мой мозг заработал.

Мейз с Рууэлом пришли в мою новую палату, едва серый костюм закончила

рассказывать, что именно я с собой сотворила и сколько времени понадобится на восстановление. Она все еще удивленно таращилась на меня и выглядела немного опечаленной, когда Мейз поблагодарил ее и отпустил. Мара осталась, помогая мне сидеть на кровати прямо. Она обвила рукой мою талию и позволила опереться себе на плечо. Думаю, я бы вполне благополучно заснула в таком положении, если бы не понимала, что необходимость сидеть не шевелясь полночи сведет ее с ума.

— Ты знал, что сегодня буду плохо спать? — спросила я Рууэла.

Когда расстраиваюсь, голос становится таким тонюсеньким. Ненавижу это. По крайней мере, когда я заговорила, Мейз стал выглядеть чуть менее озабоченно — до этого меня хватало только на кивки или покачивания головой.

— Я предполагал, что подобное возможно. — Голос Рууэла звучал как всегда нейтрально, но, по-моему, он тоже испытывал облегчение. — Ты столкнулась с необходимостью вернуться в Каласу, пыталась максимально подготовиться к этой встрече. И поскольку для тебя было важно не испытывать страха, ты не боялась. Оставалась высокая вероятность, что после взятия барьера, когда отпадет нужда держать себя в руках, кошмар первого визита повторится. А тут еще и клетки вокруг каждой платформы в Каласе. После целого дня раздумий о последствиях, кошмар о том, как тебя похищают крузатчи, был ожидаем.

Эта краткая речь поставила крест на последних сомнениях, что Рууэл знает о моей заикленности на нем. Он видит меня насквозь. Но в тот момент мне было не до любовных переживаний.

— Крузатчи пытались раньше захватить сетари?

— Нет. Наверняка им нужна именно ты.

Мара потеряла мою руку, но Рууэл не ошибся, когда предположил, что большинство этих мыслей уже приходили мне вчера в голову.

— Если крузатчи явятся и предложат спасти меня от заблудших и порочных тарианцев, непременно сразу же подниму тревогу. — Я позволила себе насладиться выражением лица Мейза, а потом вздохнула. — Не так уверена, что случайно сама себя не украду. Думала, у меня стало лучше получаться.

— Но ведь ты смогла прервать этот сон, — заметил Мейз. — Ты ведь теперь каждый раз так пробуждаешься после кошмара о насекомых в твоей комнате?

Я опустила взгляд на ноги, художественно обмотанные голубоватой нанотканью разной толщины.

— Гарантировать, что ты больше не причинишь вреда, невозможно, — прямо сказал Рууэл. — Ежедневные упражнения заметно помогли, но теперь, когда ты показала способность убить себя или других, следующая неделя станет критической. Сегодня вряд ли случится еще один инцидент, а завтра мы переселим тебя на безопасное расстояние от остального персонала. Также маловероятно, что мы продолжим освоение Каласы, но, если твое состояние позволит, тренировкам быть. Иста Кайл даст тебе на ночь снотворное.

Он взглянул на Мейза, кивнул мне (или Маре) и ушел. Точнее, всего лишь вышел в соседнюю комнату, о чем пару месяцев назад я бы и понятия не имела. Мейз, прищурившись, посмотрел на меня, сказал, что Мара останется со мной до утра, а потом покинул палату и тоже спрятался в соседней комнате.

— Рууэл брал уроки психологии? — спросила я Мару.

— Все кандидаты в капитаны ее изучают, — отозвалась она. — Насколько понимаю, он

оказался прав, сказав нам, что тебе легче справляться с проблемами, когда мы не преуменьшаем их значимость?

— Если думаю, что вы не договариваете, то пытаюсь угадать, что именно, — пояснила я. — Воображение у меня хорошее.

Явился один из серых костюмов, задал парочку вопросов о степени моей боли и накачал под завязку снотворным, которое шибануло в голову, словно ватный танк, однако Мара любезно позволила мне использовать себя в качестве подушки, во всяком случае, пока я не отключилась. После она пересела в кресло у кровати, но продолжала держать меня за руку.

Я проспала почти весь день. Рууэл, должно быть, решил, что на тренировку я не способна, поскольку я до сих пор его не видела. Зато у меня побывало множество посетителей из отрядов, а еще приходила истен Нотра и оставила Шона, который мне все уши прожужжал о своих мыслях по поводу животных, снега и Каласы. Ему здесь нравится. Кажется, он не в курсе, как именно я получила свои раны — по крайней мере, вопросов не задавал. Чувствую себя немножко виноватой из-за всех этих очень нетерпеливых серых костюмов, жаждущих вернуться в Каласу сегодня же, но помочь ничем не могу.

Как только действие обезболивающих ослабевает, ноги буквально кричат, что я себе конкретно навредила. Умудрилась сползть до туалета, но на обратном пути Мейз меня застукал и отчитал за то, что не позвала на помощь. А потом сопроводил в мою новую комнату в небольшом здании у озера. Не знаю, то ли я раньше его не замечала, то ли его создали и оборудовали за ночь специально для меня. Дом напичкан сканерами и станет для меня одновременно жильем и тестовой площадкой.

Не стреляйте в гонца

Сегодня вернулись в Каласу. На сей раз я не изображала такси весь день — лишь с утра доставила всех на место, а потом была сослана к себе в комнату на отдых. Поскольку платформа не работает, если я просто левитирую над ней, Пар носил меня на руках. Очень романтично, только уши у него все время розовели. Но несмотря ни на что, травмированные ноги дали о себе знать, и я обрадовалась, снова приняв горизонтальное положение и получив очередную дозу болеутоляющего. Голову даю на отсечение, маме бы не понравилось количество лекарств, которыми меня здесь пичкают. Оказалось, ущерб гораздо значительнее, чем я предполагала: раны глубокие, а ожоги, наверно, можно отнести ко второй степени. Вообще обезболивающие тут очень эффективные, но мне умышленно уменьшают дозы, чтобы их хватало ненадолго и серые костюмы могли оценивать мое состояние, а когда я не набита лекарствами под завязку, то чувствую себя просто ужасно. Плюс мне назначили тонизирующие и укрепляющие: ужасные напитки и инъекции, которые на самом деле помогают при восстановлении, но выкачивают силы. Это напрягает, потому что иногда я чувствую себя почти сносно и хочу двигаться, а через мгновение накатывает дикая усталость.

Мейз заставил меня пообещать, что я больше не буду пытаться передвигаться самостоятельно, но урок и без того уже усвоен: после прошлой вылазки в уборную медикам пришлось сменить все мои чудные наноповязки и снизить дозу лекарств, чтобы я чувствовала боль при ходьбе. Ненавижу, что кому-то приходится носить меня в туалет. Но катетеры ненавижу еще больше.

Поиграв в такси, я проспала остаток утра. «Обычные» сны, отрывочные и не совсем логичные. Проснувшись перед самым обедом, чувствовала себя довольно сносно. Потеплело, и я уговорила исту Темен — серый костюм, которая у меня дежурила — попросить Пару поставить снаружи кресло и подпорку для ног, чтобы я смогла полюбоваться видом. Выдался чудесный день: на редкость голубое небо, ни ветерка, и воздух хорошо прогрелся. Тонкие полосы нападавшего снега таяли, и озеро смотрелось потрясающе.

Поскольку Пар гораздо общительнее, если рядом никого нет, я спросила о его впечатлениях о Каласе и не удивилась вскрывшимся смешанным чувствам.

— Я рад, что довелось ее увидеть, — ответил он. — Но злюсь. И горжусь. И стыжусь.

— Считаешь, найдем там решение?

Пар покачал головой, потом неохотно пояснил:

— Если бы они знали, что сотрясут пространства, то не рисковали бы.

И не добавил «правда же?», хотя явно подумал. Как бы я хотела рассказать всем о прочитанном в нурийской книге! Но это по-прежнему тайна. А еще хотелось бы знать, последовал ли Инисар за мной на Муину. Он явно способен на это, но необходимость сторониться ддоры может создать ему определенные трудности.

Потом я с неизменным восторгом наблюдала за приводнением «Литарь». В такие моменты всегда представляю реакцию Джулса и жалею, что нет возможности хотя бы открытку им отправить. Сделать для мамы парочку счастливых снимков, на которых я отдыхаю на берегу инопланетного озера, гляжу на приземление космического корабля и, как выяснилось, прибытие группы космических ниндзя-экстрасенсов. Пока Колар на Муине представлял отряд-два, отряд-один ненадолго возвращался домой, а теперь вновь принял

вахту. Из «Литары» коларцы сразу направились в командный центр и, наверное, видели, как я им махала, потому что, отчитавшись или оставив багаж, или что они там делали, вернулись поздороваться. Встать я не могла, и деловитая Кетзен перенесла с берега озера и расставила по кругу несколько камней, чтобы отряд мог сесть и не возвышаться надо мной. Так что теперь у меня есть своя зона отдыха на свежем воздухе.

— Мы слышали, ты снова получила ранения, — сказала Таранза, оглядывая мои ноги на опорах.

Чтобы не замерзнуть, я надела униформу, и из-за повязок казалось, будто у меня щиколотки в два раза толще.

— Но не могли узнать, каким образом, — как обычно откровенно добавила Кетзен. — Почти все говорят, был несчастный случай у медиков.

— Сама сделала, — ответила я. — Появился талант, который иногда проявляется сам по себе, когда сплю. Подожгла простыни. Очень стыдно.

Довольно близко к истине и позволяет предположить талант огня, а не иллюзии-которые-кажутся-реальными или что там у меня открылось. Ребята расспросили о моем первом попадании в Каласу — вообще у них нет доступа к журналам миссий тарианских сетари, но КОТИС дал им выдержки, — а потом вынесли наружу обед, и у нас получился небольшой пикник. Мы разговаривали о плавании, которое на Коларе вообще не распространено, и о Каласе и Земле, а еще размышляли, что это за сила, только мне даровавшая пропуск в Каласу.

Кетзен вызвала Пара на соревнование по запусканию блинчиков, и остальные члены отряда-один, кроме Шафа и Налаза, отправились с ними. Я раздумывала, получится ли бросать камни, если Пар будет меня левитировать, когда Шаф произнес:

— Меня попросили поговорить с тобой от лица правительства Колара.

Я догадывалась, о чем, и не хотела во все это лезть, но и остановить его не могла, испытывая лишь дикий соблазн состричь по поводу моего спасения от заблудших и порочных тарианцев.

— Правительство Колара хотело бы пригласить тебя для помощи коларским сетари в защите планеты, — тихо и спокойно сказал Шаф, посмотрев мне прямо в глаза.

Но его загорелые щеки были темнее, чем обычно, и потемнели еще сильнее, когда речь пошла о том, что я получу взамен.

Шаф замолчал, и повисла неловкая пауза, пока я силилась удержать челюсть. Налаз стоял прямо за Шафом и упорно не отрывал взгляд от озера, неестественно выпрямив спину. Мне стало безумно жаль их обоих, и я выпалила:

— Кажется, вам стыдно.

Шаф опустил глаза, а Налаз, похоже, довольный моими словами, повернул к нам голову.

— Разве это не нарушит альянс Тары и Колара?

— Отношения станут натянутыми, — подтвердил Шаф. — Но они не могут указывать, где тебе жить, по крайней мере пока не изменят собственные законы. И Колар сильно страдает от атак крупных ионотов.

— Можете записать ответ и передать его правительству Колара? — поинтересовалась я.

Он кивнул, хотя наверняка и так вел запись разговора.

— Лады. — Иногда я забываюсь и использую родные словечки — вроде «лады» и «приветики» — достаточно часто, потому теперь куча народа понимает, что я имею в виду. — Итак, сначала о деньгах. Мне их здесь не на что тратить. Все, чем меня можно

подкупить, находится на Земле, и платить за квартиру мне вроде как тоже не надо. Вторых, тарианские сетари меня спасли. Если бы не они, я бы осталась здесь одна-одинешенька, придумывая, как пережить зиму. И этого я не забуду. В-третьих, на Коларе, пусть он, наверное, больше похож на мой родной мир, чем Тара, разрешено создавать клоны. Я знаю, что тарианцы много спорят о моей незаменимости, но, кажется, пока придерживаются своих законов о клонировании. У них и так полно проблем с удержанием меня от всяких бзиков, не хватало только, чтобы я себя накручивала переживаниями о собственных копиях. На Коларе... у меня не будет подобной уверенности. Вероятно, получу удовольствие от поездки к вам на денек, когда уладится этот вопрос с разрывами, но сейчас я теоретически как раз и помогаю закреплять врата, что решит проблему для обоих миров. И я... я не продаюсь.

Последние слова получились излишне эмоциональными.

Я покачала головой и добавила:

— Это все.

Шаф вымученно улыбнулся:

— Спасибо.

— Притворимся, что этого разговора не было, — предложила я и сама поступила именно так.

Сделать это оказалось довольно просто, поскольку пришла иста Темен, вкатила мне очередную порцию инъекций, и мне вдруг понадобилось вздремнуть. Слава богу. Безусловно, самый неловкий разговор в моей жизни.

Однако проснувшись — чуть раньше, чем нужно было снова превращаться в такси, — я отослала истен Нотре сообщение с прикрепленной записью. Я долго размышляла, не лучше ли промолчать, но всегда есть вероятность, что правительство Колара не отступит. Кроме того, я уверена, что Рууэл и без слов все узнает.

Истен Нотра открыла канал:

— Не стоит и предостерегать, что это не подлежит обсуждению.

— Ситуация на Коларе действительно настолько плоха?

В последнее время я почти не обращала внимания на новости.

— Последние несколько недель они испытывали сильное давление и понесли значительные потери. Колар не присылал официального запроса на то, чтобы... позаимствовать тебя, однако битва с гигантом в массиве породила достаточный интерес. Я собираюсь отдать приказ усилить твою охрану, Касзандра.

— Понятно. А можно ее усиливать, только когда я покидаю главное здание КОТИС?

Истен Нотра согласилась без проблем, спросила, как я себя чувствую, и сообщила, что мы отправимся обратно в Каласу чуть раньше, чем планировалось, потому что ей не терпится посмотреть на все самой. Ей наконец удалось уломать всех подчиненных, твердивших, что это крайне неразумно. Никто и правда не хотел, чтобы истен Нотра рисковала собой, ведь на ее понимание Эны возлагаются большие надежды в поиске решения вопроса разорванных пространств. Как по мне, истен Нотре и Инисару следует сесть и пообщаться.

К моменту отправления температура упала, и мне было приятно, что истен Нотра надела свою вязаную шапочку. Шон и ее секретарь, разумеется, присоединились к нам, и она позаботилась о том, чтобы отряд-один тоже пришел. Истен Нотра забросала Шафа вопросами, ничем не выдав, что в курсе попытки меня подкупить. Сомневаюсь, что она даже

капитанам отрядов об этом расскажет.

На другой стороне планеты царилась ночь, хотя рассвет был уже недалек. Пришел Глейд и стал вторым моим носильщиком, и я видела, как его распирает от энтузиазма и восторга. Но разве можно его винить? Каласа — волшебный городской замок, треснувший по швам, но ошеломительно прекрасный. По другую сторону защитного экрана валил снег, создавая атмосферу эдакого снежного купола, и все стены светились. Еще несколько прожекторов установили конкретно на рабочих местах, но в контексте они смотрелись так же странно и нереально, как все остальное. Впрочем, сейчас город казался более «обжитым» и не вызывал мгновенных воспоминаний о ночных кошмарах. А может, все дело в том, что большую часть времени я отдыхала на груди Пара — с ним очень уютно.

Все три отряда тарианских сетари собрались вместе, поприветствовали коларцев кивками, и Мейз кратко доложил о текущем положении дел. Они обнаружили то ли библиотеку, то ли тренировочную академию, и пребывали по этому поводу в диком восторге, хотя всего лишь постояли в дверях и поглазели внутрь, поскольку содержимое шкафов выглядело так, словно разрушится от одного взгляда. Щит оберегал все, что есть в городе, но не сохранял вещи волшебным образом.

Здание с малахитом очень тщательно запечатали — и оставшиеся там дроны показали, что вчера крузачи действительно попытались вернуться. Город все еще частично функционирует, по крайней мере, та часть, что как-то подогрела воду в моей купальне. Появилось столько «житейской» информации о лантарнах, что серые костюмы просто в экстазе. Сетари до сих пор заняты предварительной оценкой и нанесением объектов на карту, дольше, чем хотелось бы. Мейз не стал называть место вслух «офигительно огромным», но по лицу Лона это легко читалось. Здесь много всего под землей, что я поняла еще в самый первый раз.

Экран Аренрона блекнет в сравнении с щитом Каласы. Он не подчиняется малахитовому шару и стал предметом споров между серыми костюмами, поскольку отключение отдало бы город на произвол зимних бурь. Но они нашли дверь. И разумеется, возжелали запихнуть в нее меня. Дверь чертовски большая и расположена где-то на полпути при подъеме из долины, в точке, где сходятся две горы. Очевидно, она должна была впечатлять гостей. В дивной резьбе на дереве угадываются листья, виноградные лозы, деревья, потоки воды и животные, но нет ни одного богоподобного человека.

— Экран пронизывает стены, однако характеристики сигнала за этими дверями совершенно иные, — пояснил ислен Тезарт. — Мы попробовали управление Эной, но никакого отклика. Надеемся, она среагирует на тебя.

Поскольку все уже собирались и готовились к отбытию, возле меня собралась немаленькая аудитория, и я ощущала себя полной идиоткой, особенно когда положила ладонь на дверь, и ничего не произошло.

— Чувствуется тепло, — сказала я. А потом с надеждой добавила: — Сезам, откройся. И просто обалдела, когда это сработало.

Ну, мне кажется, что подействовали не столько слова, сколько искреннее желание и передача мысленного приказа. С похрустыванием, которым, как я позже поняла, сопровождалась ломка льда, дверь распахнулась наружу, и на меня обрушилась настоящая буря, а всех вокруг припорошило снегом. Пар торопливо отодвинул меня подальше от пронизывающего ветра, и второй отряд, отсиживавшийся в «Диоделе» в надежде на перемену погоды, вошел в Каласу и ненадолго воссоединился с остальными. Открытая дверь

позволила дронам обмениваться четкими сигналами со спутником, и было решено, что лучше просто заблокировать ее физически, а не закрывать совсем.

Довольная тем, что теперь кроме меня есть и другой путь в Каласу, я поработала жизнерадостным такси, вернув всех в Пандору на ночь, и уснула посреди большого общего ужина в главном здании. Проснулась в своем домике, с няньками Лоном с Марой в соседней комнате.

Я даже не догадывалась, что потеряла вязаную шапку, пока Рууэл не вернул ее мне, после того как я перенесла четвертый отряд. Он сказал, мол, если одобряют медики, завтра состоится тренировка, а потом ушел с Таарел, но у меня было слишком хорошее настроение, чтобы возражать и печалиться. К тому же я отвлеклась, пытаюсь припомнить подробности «Али Бабы и сорока разбойников», чтобы правильно пересказать историю истен Нотре.

Утром, добрых полчаса проработав такси на руках Глейда, я провела какое-то время в главном здании на очень тщательном медосмотре. Ноги выглядят просто ужасно. Серые костюмы, кажется, вполне уверены, что смогут все исправить, и даже существенных рубцов не останется (в конце концов, они могут заново вырастить кожу, мышцы, кости — да, наверное, что угодно, кроме потерянной головы), но еще пару дней мне лучше не глупить и не ходить даже на короткие дистанции. Проблема еще и в том, что я, по сути, навредила себе чуть ли не по всем фронтам сразу: ожоги, кровоподтеки, трещины костей и внушительные ссадины. Правда, все это ниже колен, что сильно облегчает лечение — хотя Рууэл все же поставил мне несколько синяков, пресекая попытку выкрасть саму себя.

На время первой процедуры медики полностью нейтрализовали действие болеутоляющих, отлично продемонстрировав мне, что боль в ногах просто адская. Очередь нянчиться выпала Мори и Глейду, и Мори постоянно держала меня за руку и старалась отвлечь, а я усиленно делала вид, что вовсе не собираюсь разрыдаться. Судя по всему, новый режим охраны означает присутствие рядом со мной на постоянной основе двух сетари даже во время сна. Не то чтобы контроль прям удушающий — в основном, когда я сплю, они сидят в соседней комнате и дают мне в одиночестве почитать книгу и всякое такое, однако не позволяют ни единой душе, даже серым костюмам, оставаться со мной наедине. Даже Шону, который пришел пообщаться, когда я проснулась на обед. Дневные смены поручены четвертому отряду, а первый и третий по очереди заступают в ночь, когда я ложусь. Сегодня утром в составе ночной команды моих няnek оказалась Эли, и после завтрака с ней я слегка очумела.

Трудно сказать, как четвертый относится к тому, что их оторвали от исследования Каласы ради возни со мной. По крайней мере, раздражения они не показывают, но я этого и не ожидала. А еще не особо меня остерегаются, хотя сейчас я, наверное, представляю для них такую же опасность, как и для себя. Мори с Глейдом явно даже не подозревают, что охраняют меня от коларцев.

После обеда наступила очередь Рууэла и Сонн — и время потренироваться. Рууэл, сама четкость и результативность, отлевитировал меня во вторую комнату и усадил на кресло для сканирования после крайне немногословных указаний.

— Пока не восстановишь силы, эти сессии будут ограничены объектами в непосредственной близости, — сообщил он. — И сосредоточься на материализациях в этом мире. Глаза не закрывай.

Он заставил меня попробовать создать копию стоящей прямо передо мной кружки. Не закрывать глаза оказалось сложнее, чем звучало в теории — примерно как удержать их открытыми, когда чихаешь. Едва веки начинали опускаться, Рууэл произносил:

— Глаза.

Он ни разу ничем не выразил раздражения, но я опасно приблизилась к попытке материализовать чашку, желательно полную чего-нибудь горячего, падающую с потолка ему на голову. Хотя он бы, вероятно, увернулся.

Но в конечном счете я все же справилась. Кружка выглядела точно так же и не расплывалась в воздухе, так что, наверное, не парила в это же время в Эне. По ощущениям я словно пыталась языком завязывать узелки на вишневых черешках, но она была тут.

И не только она. Я не обратила на это внимания, пока иста Темен не сделала глубокий вдох. Сонн осторожно взяла чашку, и я увидела поднимающийся над ней пар, прежде чем узнала аромат. К сожалению, удивление оказалось достаточным, чтобы чашка исчезла.

— Что это было? — спросила иста Темен, в то время как я разочарованно опустила на кресло. — Пахло очень вкусно.

— Горячий шоколад, — пояснила я. — Земной напиток. Столько планет, и ни на одной нет шоколада. Серьезное упущение при создании миров.

— Специально добавила? — уточнил Рууэл.

— Нет. Впрочем, я размышляла о горячих напитках. — Я послала ему невинный взгляд, но Рууэл, как всегда сама деловитость, ничем не выдал, прочел он мои мысли или нет.

— Повторяй упражнение и не отвлекайся, — велел он и не отставал, пока создание чашки не перестало отнимать у меня по десять минут, и я не заработала неизбежную головную боль.

Однако с каждым разом она все слабее.

— Сегодня опять тепло? — спросила я исту Темен, пока она колола мне очередную дозу лекарств. — Можно выйти на улицу?

К счастью, погода действительно улучшилась — стало гораздо теплее, чем когда утренняя смена отправлялась в Каласу. Рууэл созвал остальных членов отряда и заставил их пытаться нанести друг другу удары. Сам же наблюдал за поединками, время от времени делая критические замечания. В этот раз обошлось без одобрительных кивков, и я решила, что глупо чувствовать разочарование только потому, что мне он их тоже больше не дарил. Он очень строг со своим отрядом.

Я немного понаблюдала за ребятами, потом поискала взглядом птиц на озере, но они, должно быть, улетели в теплые края. Я как раз раздумывала, сколько неприятностей наживу, если попробую без спроса создать кружку горячего шоколада — и получится ли его выпить, — когда Рууэл (стоявший прямо за моей спиной, а не там, где я ожидала) спросил:

— Ты бы пережила здесь зиму в одиночку?

Чуть не подпрыгнув от неожиданности, я откинула голову и посмотрела на него снизу вверх, удивленная, что он задал вопрос, не связанный с заданием. То, что истен Нотра явно показала Рууэлу запись моего разговора с коларцами, неожиданностью не стало, но я хотела увидеть, есть ли на его лице какие-то признаки гнева.

Рууэл смотрел вдаль, не на меня.

— Вероятно, да, если бы ничего плохого не случилось, — ответила я. — Ддора держала ионотов подальше, а у местных хищников масса более знакомых целей для охоты. Хотя мне пришлось бы перебороть брезгливость и попытаться убить парочку овец. Питание одними фруктами и орехами не шло на пользу, а я помимо мяса обзавелась бы шкурами, которые послужили бы одеждой, одеялами, да и окна ими можно закрыть. Вот только плохо представляю, как выделывать шкуры, так что, наверное, от меня бы жутко воняло. — Я усмехнулась, вспомнив комментарий о «грязной твари» из «Скрытой войны», потом вздохнула. — Но кровь привлекла бы хищников, и бараны бы напали на меня, чтобы защитить своих овец. Не думаю, что справилась бы с переломом, хотя эфир, с небольшой вероятностью, мог бы все залечить. Возможно, не пережила бы ту легочную инфекцию, если бы лунный дождь начался на день или два позже. Очень удобно.

Я замолчала и задумчиво воззрилась на старый город, но Рууэл сказал:

— Ты больше не можешь рисковать.

Потому что теперь я, как и сетари, слишком опасна, чтобы пьянеть. Повезло, что я уже более-менее отвыкла, иначе могла бы огорчиться по этому поводу. Сегодня вечером тоже будет лунный дождь. Мне даже не разрешили выйти и понаблюдать, поскольку, стоит солнцу опуститься, на улице резко холодает.

— И все же сомневаюсь, что мне бы понравилось выживать зимой, — заметила я, снова поглядев на озеро, прекрасное и беспристрастное. — В конце концов я бы заболела или поранилась и умерла.

Рууэл промолчал, но какое-то время стоял за моей спиной, возможно, как и я, размышляя обо всем, что могло пойти по-другому. Затем отпустил свой отряд и взял меня в амфитеатр для послеобеденной работы такси.

Послушать — так пустяк, но он нес меня так же, как Пар или Глейд, и если с ними я лишь слегка смущалась, то близость Рууэла повергла меня в безмолвное смятение. Его прикосновения никогда не были для меня пустяком. Даже от касания одним пальцем для усиления по коже бегут мурашки, и я прекрасно осознаю, что благодаря видению места все мои реакции для него не секрет. Рууэл очень редко носит меня сам — в четвертом отряде носильщиком значится Пар. Даже к стандартному способу со сцепленными костюмами мне приходится морально готовиться, чтобы сердце не сбило. Когда же он поднял меня сегодня, я могла думать только о том, как близко его лицо...

Меня таскают туда-сюда подобным образом, потому что ноги болят гораздо сильнее, когда не приподняты, а еще с платформами надо соприкасаться. Если зависнуть над ними в воздухе, механизм не сработает, но если кто-то становится на платформу со мной на руках — все в порядке.

Я чувствовала каждый вздох Рууэла. И уснула, пока он ждал, когда платформу загрузят для второго переноса. Немного противоречиво. Это напоминало те сны на «Диоделе». Безмятежные, но в то же время очень четкие. Голова лежала на плече Рууэла, и я слышала стук его сердца и почти возликовала, когда появилась ддора, хоть она и шумела — у платформы полно дронов, которые, несомненно, старательно фиксировали мою глазающую на Рууэла в Эне проекцию. Ддора явно нас видела и, довольная, громко радовалась, пока я не приказала ей заткнуться — что обрадовало уже меня, потому как во сне она вроде бы более послушная.

Комната с платформой в Каласе тоже выглядела иначе, настолько, что даже отвлекла меня от Рууэла, пока он не полетел со мной обратно. Тогда я воспользовалась возможностью попялиться на него и насладиться каждой прекрасной черточкой его лица крупным планом, что не будет записан ни дронами, ни вторым уровнем мониторинга. Там есть чем полюбоваться.

Когда мы вернулись в мой маленький домик, Рууэл осторожно уложил меня на кровать и сказал:

— Тебе было велено разбудить себя, как только начнешь видеть четкие сны.

Неудивительно, что он знал. Я заставила себя проснуться, поморщилась и ответила:

— Не нуждалась в головной боли.

Затем сделала вдох, собираясь рассказать, насколько по-другому выглядела Каласа, когда я спала, но Рууэл холодно произнес:

— Придерживайся плана тренировок. Не забывай о последствиях ослабления своей защиты.

— Хорошо. — Я покраснела и отвела взгляд. — Извини.

Во время проверок исты Темен я притворялась все еще уставшей и, когда все вышли в соседнюю комнату, решила не придавать случившемуся слишком большого значения, хотя и поплакала немного, после чего повторяла упражнение на визуализацию, пока не задремала. Сейчас со мной нянчатся Лон и Мара, пропуская вечернюю смену.

Надо было принять предложение Рууэла и заменить тренера. Он определенно лучше всех меня успокаивает, но, судя по всему, я не могу прекратить желать большего, как и метаться из угла в угол после малейшего снисходительного выговора.

Якорь не сработает, если он пытается от тебя оторваться.

Провела ночь, насильно заставляя себя просыпаться и ломая голову над способом никогда больше не видеть Рууэла, но чтобы при этом никто не догадался, что я именно этого и хочу. Довела себя до лихорадки. Во сне без конца пыталась убить овцу и с радостью это прекращала, как только понимала, что делаю.

Когда иста Темен решила, что мне следует остаться в кровати и ничем сегодня не заниматься, я расслабилась и проспала большую часть дня. Подозреваю, что парочка серых костюмов расстроилась, но они ведь теперь могут попасть внутрь и без меня. Уверена, они там вовсю развлекаются в снежных бурях. Если повезет, к завтрашнему дню ноги заживут достаточно, чтобы я смогла стоять сама, и никому больше не придется меня носить.

Очень от всего этого устала.

Утром со мной нянчились Мейз и Зи — третий и отряд-один вчера улетели в Каласу на «Литаре», так что в Пандоре осталось всего два отряда. После того как иста Темен решила, что я более-менее в форме, Мейз взял меня в амфитеатр поработать такси. Я спросила, могу ли сегодня стоять самостоятельно, но иста Темен уменьшила дозу болеутоляющих и дала мне подняться на ноги... В общем, ничего не вышло. Она говорит, что прогресс хороший, но по мне, так я болею уже целую вечность.

— Мы очень стараемся устроить все так, чтобы продолжить исследование, при этом не используя тебя напропалую, — сказала Зи, когда я перенесла всех в Каласу, и мы вышли на центральную площадь, чтобы еще раз осмотреться.

— Как продвигается разведка?

— В процессе.

Мейз рассмеялся, услышав ее тон, и послал мне кривую улыбку:

— Город огромный, и здесь столько всего. Теперь у нас есть карта объекта, но на то, чтобы составить полный каталог и осмыслить находки, могут уйти годы. Таланты видения отметили места, которые необходимо исследовать в первую очередь, но лантары писали на бумаге, а она такая хрупкая. Мы ужасно хотели добраться до этих записей и вряд ли можем жаловаться, получив в распоряжение целую библиотеку, вот только необходимость делать все медленно весьма раздражает. — Он помолчал. — Все здесь напоминает о том, что это была школа.

Трудно было не заметить попадающиеся то тут, то там скелеты, в большинстве своем невысокого роста, но меня беспокоило другое.

— Ходили здесь в околостранство? — осторожно спросила я.

— Не можем туда попасть. Даже после того, как ты открыла дверь, экран нас не пускает. Ты ведь не просто так об этом спрашиваешь?

Мейз быстро соображает.

— Заснула здесь в последний раз. Не уверена, но... просто есть смутное ощущение, что Каласа в околостранстве выглядит по-другому. Хотя видела только комнату с платформой.

— Как по-другому?

— Сияние, — невнятно объяснила я. — Не хватило времени разглядеть. Еще, кажется, ддора не может сюда приходить, потому что я в Каласе ни одной не слышала, сколько бы ни болталась на платформе.

Мейз счел, что на это стоит посмотреть, но поскольку я в тот момент совершенно не чувствовала усталости, отнес меня обратно в Пандору и велел не спать днем, дабы попытаться повторить опыт после обеда. Они с Зи ушли немного отдохнуть, и нянько-вахту приняли Алей с Кетзарен, так что я попросила их помочь мне помыться. Я ощущала себя нестерпимо грязной, а так как наноповязки, по словам серых костюмов, «дышат», то их не стоит подставлять под горячую воду. По крайней мере, пока ожоги немного не заживут.

В итоге на помывку мы угробили почти все утро и ухотались, но я почувствовала себя гораздо лучше. Приятно было увидеть, как смеется Алей. На Муине она, кажется, стала чуть более открытой — чаще разговаривает с нами и держит голову выше. Алей любит глядеть на озеро, но температура опять понизилась, так что они с Кетзарен не разрешили мне сидеть на

улице, и вместо этого мы вместе посмотрели результаты последней аэрофотосъемки, а потом и последнюю серию «Скрытой войны», вышедшую в эфир как раз после нашего прилета на Муину. Сюжет крутился вокруг того, как главная героиня тренирует лже-меня и еле понимает ломаный тарианский, при этом не имея возможности рассказать остальным членам отряда о своем задании. Мы обедали, когда я получила запрос на канал от Рууэла. Теперь можно отсюда общаться с сетари в Каласе, благодаря открытой двери и новым спутникам.

Запрос шел под заголовком «Околопространство Каласы», и, стоило его принять, как Рууэл без предисловий начал:

— Должен ли я понимать «просто смутное ощущение» как «совершенно уверена, но когда попыталась кому-то рассказать, была прервана и теперь ищу оправдание, почему сразу обо всем не доложила»?

Было трудно понять, сердится он или нет. А все приходящие в голову ответы звучали слишком выпендренно, так что я просто сказала:

— Да.

— Что именно ты видела?

— Светящиеся узоры на стенах, как электросхемы. На платформе тоже. Цвета менялись, когда рядом проходили люди. И на дронов такая же реакция. А рядом со мной цвета менялись иначе.

Отнюдь не смутное ощущение. Нетипично долгое молчание Рууэла перед ответом мало что мне поведало, а потом он произнес:

— Моя ошибка. Неуместная нотация в тот момент.

Интересно, как часто он считает какой-нибудь свой поступок ошибкой? Бьюсь об заклад, он ненавидит оказываться неправым, но всегда педантично в этом признается. И справедливости ради, его нотация была не такой уж неуместной.

— Не разбудила себя сразу отнюдь не только из-за научного интереса, — сказала я и отключилась.

Между нами существует что-то вроде джентльменского соглашения, по которому я не напрягаю Рууэла своими чувствами. Он явно не желает на них отвечать. То ли потому, что влюблен в Таарел, то ли просто не находит меня привлекательной, то ли еще по какой-то причине, но итог один: Рууэл аккуратно держит меня на расстоянии. Пока все это происходит не в открытую, я справляюсь. Но мне все сложнее не реагировать на него и не подталкивать его к ответной реакции, вот почему Рууэл тогда меня отчитал — потому что я не выполнила приказ в попытке продлить сон о нем. Я усложняю ему работу.

Уже пора возвращаться. Я наверняка смогу уснуть: учитывая лекарства исты Темен и мою склонность становиться слабой, как котенок, в раздраженном состоянии, я еле удерживаю глаза открытыми, пока пишу это.

Утомительный отдых

Эксперимент со сном дал одновременно положительные и отрицательные результаты. После того как я переправила в Каласу несколько человек и очередную гору оборудования, меня разместили на крыше здания в следующем ярусе от равнины в центре города. На главном портике, защищенном с трех сторон более высокими участками крыши, над дверью поставили несколько стульев и пару столов. Оттуда открывался изумительный вид на большую часть Каласы. Я сидела и просто болтала с истой Темен (очень взволнованной своим визитом сюда), Мейзом и Зи. По идее, я должна была почувствовать себя в безопасности и расслабиться, и, если увижу во сне Каласу, обратить внимание на всякие странности, но не напрягаться, пытаясь намеренно вызвать сон. А самое главное — не забыть проснуться, если увижу кошмар или почувствую какую-нибудь угрозу.

Отключиться оказалось совсем несложно, но мне тут же начали сниться крузатчи, перебирающиеся через край крыши, и пришлось спешно себя будить. Снова засыпать после такого не особенно хотелось, так что вместо этого я решила поговорить с Мейзом и Зи о том, почему иногда проецирую увиденное в реальное пространство, порой воспроизвожу лишь звуки или «ощущения» — если можно назвать ощущением разорванные в клочья ноги, — а временами, судя по всему, вообще ничего не могу спроецировать. Мейз сказал, что испытал очень сильное ощущение опасности перед моим пробуждением, но оно было не таким отчетливым и направленным, как если бы крузатчи действительно собирались напасть. Он не стал говорить прямым текстом, что воспринял в качестве угрозы меня, но, уверена, так оно и было.

Через какое-то время я снова задремала, но цветные огни в околопространстве Каласы так и не увидела. Зато посмотрела очень интересный сон о лантарах. Экран был опущен, ярко-синее небо радовало глаз над чистым и оживленным городом с неповрежденными мостами и поразительным водопадом, который брал свое начало высоко-высоко, прямо из места стыка мостов. Посреди города, между зданиями с платформами, располагалось озерцо, в реальности скрытое под каменными обломками.

Толпы людей выстроились вдоль главной улицы от большой входной двери аж до центрального круга. Представители власти, обычные семьи, кто-то вроде стражников и несколько человек, одетых как Инисар. И множество детей в бледных зелено-белых нарядах с огромными охапками цветов в руках. Они образовали длинную процессию, которая двигалась от входа в город к озеру в центре, а там дети переходили озеро по тоненькому мостику и отдавали букеты ожидающим их людям, получая ответные дары — маленькие короны из цветов. Детям в начале очереди было на вид лет по десять, а в хвосте плелись как минимум мои ровесники. И почти все того же «типажа», что Инисар, Рууэл, Таарел и Селки — очень темные глаза и волосы и золотистая кожа. Полагаю, это значит, что в их внешности нашли отражение черты предков-лантаров.

Действо сопровождалось музыкой: торжественный и неторопливый барабанный бой и бурлящие переплетающиеся ноты, которые смешивались с тихим гулом фонтана — вероятно, то были трубы, как высокого, так и низкого регистра. Я огляделась в поисках музыкантов и, заметив в своем сне пораженных тарианцев и коларцев, поняла, что все это проецирую. Лантары вроде бы не могли их видеть, но несколько человек, стоящих неподалеку от самых больших групп серых костюмов, растерянно озирались, словно что-то

чувствовали.

Мне бы хотелось понаблюдать за происходящим подольше — ведь столько всего интересного, — но, когда два ребенка в зеленых одеяниях, промокнув до нитки, отдали свои цветы, мне на грудь опустился огромный черный камень, который вырвал меня из Каласы и поверг в сон без сновидений, ощущения людей вокруг и чего бы то ни было. На самом деле, довольно освежающе. Вновь очнувшись, я почувствовала себя отдохнувшей, хотя физически вымоталась.

Первое, что я заметила, — рядом Зен. Я удивленно распахнула глаза и вдруг обратила внимание на тяжесть в руках и ногах. Это явно была моя комната в Пандоре, несмотря на присутствие Зен. Когда я повернула голову, она смотрела на меня — интерфейс явно сообщил ей о моем пробуждении — и улыбалась. Она очень хорошенькая, когда перестает напускать на себя серьезный и сдержанный вид. Такая вся тоненькая, нежная... но драться с ней я бы все равно не хотела.

— С возвращением.

— Я поранилась? — спросила я, обнаружив неудобные трубки. Потом посмотрела в интерфейс и добавила: — Когда успело наступить послезавтра? Что случилось?

— Ты не помнишь?

— Снился сон о лантарской церемонии, но пришлось заснуть. Совсем заснуть.

— Ты довела себя до физического истощения.

Зен отодвинулась, и иста Дев (которая нравится мне меньше, чем иста Темен, потому что я буквально вижу, как она мысленно составляет научную работу обо мне) начала обследование. Я чувствовала ужасную усталость и жуткий голод, хотя, кажется, меня подкармливали раствором из капельницы.

— Небезопасное использование таланта, хотя обычно не смертельное, если общее состояние удовлетворительное.

Ко мне последнее малоприменимо — впрочем, за время двухдневного сна ноги получили дополнительную возможность зажить и уже не пульсируют, даже если я не держу их поднятыми. Двенадцатый отряд тоже в лечебном отпуске: все, кроме Зен и Соры Нелс, получили травмы, когда столкнулись с двумя ходулочниками посреди одного из наиболее сложных маршрутов. Тал Кист пострадал сильнее всех. У него переломано несколько ребер и раздроблен локоть. И все же то, что весь отряд выжил и никто не стал инвалидом, казалось на самом деле очень хорошим результатом. И чтобы как-то отвлечь отряд от тяжелых дум, Зен предложила им понынчиться со мной.

Я поела (сбивчиво пытаюсь расспросить Зен и ответить на запросы половины членов первого и четвертого отрядов, желавших со мной поговорить), и снова отключилась до полуночи, и сейчас все еще чувствую шум в голове, хотя мне уже не кажется, что к рукам привязаны свинцовые гири. Мара с Лоном как раз принимали смену у Мейза и Зи, так что я смогла немного поболтать со всеми ними и узнать об их реакции на мою изнурительную проекцию.

— Каждый историк на объекте чуть не захлебывается в истерике, — сказал Лон. — Благо, проекцию регистрировало множество дронов, и мы смогли отвлечь их записями.

Мара фыркнула:

— А потом попытались выдавить из них какое-то подобие решения, останутся они или уйдут, поскольку уходить полагалось немедленно, ведь, хоть ты находилась и не в критическом состоянии, подобное истощение слишком сильно ослабляет организм, и нам

нужно было отвезти тебя куда-нибудь в теплое место. В итоге пришлось передислоцировать туда второй корабль, чтобы всех разместить. Второй, третий и четвертый отряды все еще там.

— И ты даже близко к Каласе не подойдешь, пока окончательно не поправишься, — добавил Мейз. — И даже тогда, учитывая, насколько эта проекция энергозатратна, желающие еще разочек заглянуть в прошлое будут сильно разочарованы.

— Думают, это все правда было? — спросила я.

— Или так, или у тебя поразительное воображение, — ответила Зи, сморщив нос. — Ты хоть поняла, что там происходило?

Нет — только что это было очень красиво, но я с удовольствием послушала мысли первого отряда об увиденном. Мейз и Зи ушли спать, а я сижу на диване в комнате нянек между Лоном и Марой и пишу все это. Ноги болят гораздо меньше, и мне разрешили самой ходить в туалет и всякое такое.

Всю вторую половину дня общалась с исленом Долой, одним из старших серых костюмов, в попытке категоризировать растения всей планеты по значимости. Он взял меня (и Зен с Лентоном) на экскурсию по теплице (оранжерее?) с саженцами — в основном теми, что, как им кажется, могут быть съедобными, но помимо них там есть и другие потенциально полезные виды. С учетом Тары, Колара, Чанны (на которой очень скалистый рельеф) и Дайесса (поверхность которого покрыта океанами еще в большей степени, чем на Таре, со множеством раскиданных по поверхности тропических островов) у серых костюмов масса информации о различных видах растений и типах окружающей среды, но только у Земли ось наклонена так же, как у Муины, и времена года меняются по тому же принципу.

Муина в самом деле невероятно плодородная и привлекательная планета. Даже в океанах здесь пресная вода — хотя есть парочка соленых озер, — и на всей планете всего лишь несколько пустынных мест, где нет буйной растительности. Все миры, где муинцы нашли пристанище, в сравнении с их родиной кажутся ужасно суровыми и враждебными. Даже испытывая трудности с перенаселением, тарианцы не ухватились за возможность попробовать вновь заселить Дайесс или отнять Чанну у живущих там людей, потому что обе планеты далеки от идеала.

Хотя отчасти ислен Дола просто хвастался своей оранжереей, он также хотел выудить у меня информацию. А еще чтобы я идентифицировала любые растения, хотя бы отдаленно напоминающие земные, и рассказала то немногое, что о них знаю, и все, что смогу припомнить и посчитаю полезным, о временах года и зеленых насаждениях. Я поделилась тем, как мама клала луковицы тюльпанов в холодильник, чтобы они исправно цвели, и рассказала об особых австралийских семенах, которым нужны лесные пожары, чтобы запустился процесс прорастания. Австралийские лесные пожары привели ислена Долу в изрядное смятение.

Зен левитировала меня туда-сюда. От этого я всегда чувствую себя идиоткой, но, хоть уже и могу передвигаться на короткие расстояния, мне все равно не дают оставаться на ногах слишком долго.

Художества

Я все лучше узнаю двенадцатый отряд. Главный сюрприз — Лентон. Несмотря на супертемперамент и явную уверенность, что капитаном двенадцатого отряда вместо Зен должен быть именно он, Лентон оказался довольно неплохим парнем. В нем полно сдерживаемой энергии, но он направляет ее на тренировки, а не ходит туда-сюда, бесцельно расплескивая злобу и агрессию — не считая тех моментов, когда темперамент берет верх, и я так подозреваю, что именно поэтому Лентона так и не назначили капитаном.

Мои няньки сменяются утром и после обеда, и сегодня днем Зен собрала на тренировку весь отряд — даже Киста, который ничего не мог делать, только сидеть со мной и наблюдать. От него я узнала о сражении, отправившем двенадцатый в отпуск, и поняла, что их отношение к Зен изменилось. Отряды развивают в своих капитанах какую-то особую уверенность. Хотя все они росли вместе, ребята решили полагаться на мнение Зен и выполнять ее приказы в критических ситуациях. Я бы не смогла быть капитаном. Ненавижу доказывать, на что способна, и свихнулась бы от груза ответственности, если б принимала решения за других. Не говоря уже о том, что мне и десятилетнего ребенка в драке не

победить.

Мне понравилось носить обычную одежду вместо униформы, но на улице сегодня так похолодало, что пришлось пойти на компромисс и натянуть форму, а сверху — новую куртку. Она из искусственной кожи, напоминающей пергамент, с черной окантовкой, и я продолжаю работать над узором из цветов, напоминающим кельтскую вязь, но не таким плотным, вроде того, что я видела на главных дверях в Каласу. Я целую вечность намечала рисунок карандашами, чтобы все получилось как надо, и успела обвести маркером только центральную часть, прежде чем тот пересох, но смотрится вроде бы довольно неплохо. Мейз говорит, что по сравнению с рисунками подопытных животных это большой шаг вперед.

Сегодня вдруг с радостью осознала, что уже не являюсь первоочередной и единственной задачей для двух (ну или полутора) отрядов. В перерывах между наблюдением за моим сном первый, а теперь и двенадцатый помогают исследовательским командам собирать образцы снаружи и даже готовить площадки для строительства. Все очень серьезно настроены сделать это место нынешней столицей Муины. Пандора в конечном счете полностью сольется со старым городом, хотя сейчас до этого далеко.

А самое прекрасное, что расширение города в сторону ручья с выдрами в ближайшие планы не входит.

Утром иста Темен сняла бинты, чтобы мои ноги могли «проветриться». Из изменений: раны больше не сочатся сукровицей, но кожа потрескалась и покрылась рубцами, а обожженные участки только затянулись, и когда тыкаешь в них пальцем, ощущение очень странное. Кист, заступивший на утреннюю смену вместе с Десс Чарн, сказал, что больше не будет жаловаться на свой локоть. Преувеличение — он-то переломал кости и перед прилетом двенадцатого в Пандору несколько дней провел в операционной. Даже с тарианскими нанотехнологиями пройдут недели, прежде чем он сможет пользоваться рукой, а до полного выздоровления, наверное, месяцы. Мне разрешено ходить на более длинные расстояния, и я больше не чувствую себя калекой. Уродливые ноги, конечно, не радуют, но косметические процедуры займут пару месяцев, потому как врачей больше интересует мое выздоровление, чем то, насколько красиво я буду смотреться в платье.

Иста Темен конкретно уменьшила дозу моих болеутоляющих. Говорит, мол, даст мне что-нибудь, если нужно будет помочь заснуть, но если я хочу ходить на своих двоих, то должна чувствовать, когда пора остановиться. А еще мне надо делать всякие легкие упражнения на растяжку — двигать туда-сюда ступнями и голенями в сидячем положении.

В сменах, которые со мной нянчатся, всегда есть по крайней мере одна девушка (утром была Десс Чарн, днем — Зен, вечером — Алей и Кетзарен) и минимум один сетари с боевым видением. Теперь, когда мне не хочется спать по полдня, я менее терпимо отношусь к постоянному присутствию рядом двух человек, но они хотя бы готовы общаться, а не находятся в вечном «режиме Эны». Не то чтобы Зен вдруг стала менее сдержанной, просто теперь она не сидит все время в полной боевой готовности.

Все утро шел дождь, такой ледяной, что почти походил на град, и когда он закончился, все кругом замерзло. Так что ходить-то я могу, но и навернуться с легкостью тоже. Сейчас здесь Лон с Марой, и мы собираемся посмотреть какие-нибудь фильмы и, может быть, сыграем во что-нибудь по интерфейсу.

День потрачен на болтовню об овцах и других земных сельскохозяйственных животных с еще одним серым костюмом. К концу подобных бесед я всегда чувствую себя удивительно несведущей в устройстве собственного мира.

Медики сочли меня достаточно окрепшей, чтобы рискнуть и отправиться завтра обратно в Каласу. Не для работы такси или просмотра еще каких-то снов — мне не позволено даже просто тренироваться в этом, пока не наберусь еще немного сил. Поскольку в последнее время я не видела ни одного осознанного сновидения и теоретически достаточно контролирую себя, чтобы в случае чего проснуться, мне приказано не форсировать развитие своих талантов до дальнейших распоряжений.

Завтра приписана к первому и четвертому отрядам. Мы должны провести разведку и выяснить, какая платформа куда ведет. Пятнадцать зданий, пятнадцать платформ, но мы обнаружили лишь девять поселений с узорчатыми крышами (и Аренрон, у которого есть собственная платформа). Когда мне об этом сообщили, сердце буквально ухнуло в пятки, и потом пришлось какое-то время убеждать Мейза, что нет, эта мысль совершенно меня не тревожит.

С последнего сна в Каласе, просыпаясь, я не чувствую, рядом Рууэл или нет. Решила, что это хороший знак, что я смирилась с большим «нет», которое ему не пришлось произносить вслух, и очень старалась не писать о нем, не смотреть никаких записей с его участием и даже не думать о нем, если могла. А если все же думала, то специально представляла, как он целует Таарел, напоминая себе, мол, Рууэл очень четко дал понять, что не хочет со мной сблизиться, и пытаюсь поверить, будто ужасно счастлива, что наконец-то им переболела.

Наглая ложь.

Сегодня днем я неожиданно задремала, и мне приснился Рууэл. Он левитировал над самой землей, укрытой снегом — один, в темноте, — оглядывая горизонт. Я видела его ясно и четко, хотя вокруг вроде бы не было никаких источников света, видела его умиротворенное лицо.

И заставила себя проснуться. То был не сон-проекция, но не уверена, не зафиксировали ли мониторы, что я воспользовалась талантом видения. И если бы я посмотрела на Рууэла еще хотя бы минуту, то, наверное, попыталась бы его коснуться. Я решила, что могу желать его сколько влезет, но больше никаких мелких оплошностей. Ничего такого, что заставило бы его разбираться с моими чувствами или даже вспоминать о них. Но прекращать наслаждаться его образом я не намерена.

Сегодняшняя миссия по «исследованию платформ» стартовала ни свет, ни заря, так как мы попытались скоординировать мой график с графиками первого и четвертого отрядов, ведь просыпаемся-то все в разное время. Я не чувствовала особой усталости — легла рано, потом очнулась посреди ночи, сделала запись в дневнике и довольно крепко спала, пока Зи не разбудила меня незадолго до рассвета в Пандоре. На улице хорошенько подморозило, и я натянула шапку, но куртку решила не надевать, понимая, что как минимум на платформе в пустыне пожалею об избытке одежды.

Полагаю, в особо ненастные дни холодный ветер в Каласе становился настолько ледяным, что количество наножижи в униформе решили увеличить, дабы обеспечить дополнительную изоляцию тела и дать возможность прикрыть голову. Мара показала мне опцию для защиты головы, и я покатила со смеху, поскольку вместо ожидаемой балаклавы ее лицо будто бы плотно облепило тканью, только глаза и видны, и теперь сетари в самом деле выглядели настоящими космическими ниндзя. Нанокостюмы действительно очень гибкие — если надо, можно даже создать защитные очки.

Мейз приволок полдюжины дронов для установки на тех участках, где их еще нет, и разместил в центральном круге Каласы, где ждал четвертый отряд. Конечно, наступил день, и метели, похоже, утихли, но Мейз был ужасно деловит, на полную врубив режим миссии, поэтому я не стала спрашивать, можно ли мне выглянуть наружу посмотреть на стройку.

— Наряду с установкой дронов мы будем производить краткий осмотр всех участков, известных и нет. Применяем протокол входа вслепую. — Мейз подал нам знак выдвинуться к первому из зданий с платформами.

Моими носильщиками назначили Алей и Кетзарен, и я поинтересовалась у Кетзарен, что это за «вход вслепую». Оказывается, именно так отряды минуют врага в Эне, за исключением случаев, когда всем приходится проходить вместе, не дожидаясь сигнала от капитана с той стороны. В перемещениях с помощью платформ это означало, что люди без видения боя размещаются в центре, а те, у кого есть оно или талант скорости, равномерно распределяются по периметру. Моя непереносимость одновременного контакта сразу с несколькими сетари добавила трудностей, но ребята быстро все разрулили, определив Алей с краю, между ней и мной разместив дрон, а с другой стороны, внутри группы, поставив Кетзарен. Левитация очень помогала перемещать меня на платформы и спускать с них без необходимости убирать всех остальных с дороги.

Мы двигались по кругу платформ против часовой стрелки и провели день, осматривая очень непохожие друг на друга части Муины. Шесть селений с узорчатыми крышами, одна неработающая платформа и два города. Обнаружение последних оказалось несколько неожиданным. Ни один из них не был Нуриотом, но дроны и спутники позволили достаточно легко определить их местоположение, и выяснилось, что эти два города такие же крупные. Мне особенно понравился первый, расположенный в потрясающем лесу. Его улицы петляют прямо меж огромных деревьев высотой с секвойю, а в воздухе разносится щебет птиц и стрекот насекомых. Это место явно пострадало сильнее остальных — корни и ветки деревьев искорежили все, что не смогли сломать.

Ничего похожего на ионотов, конечно, не обнаружилось, поскольку оба города «застолбили» ддоры, но несколько местных созданий, смахивающих на бордер-колли, не

очень-то нам обрадовались и, ощерившись, сердито рычали, хотя так и не напали.

Поскольку все работали в официальном режиме патрулирования, почти никто не общался между собой и не повышал голос. Единственным исключением стало наше прибытие в пустыню, куда меня недавно забросило. В душной, засыпанной песком комнате с платформой царила невыносимая жара, но на поверхности оказалось еще хуже. Я могла только порадоваться, что, когда таскала деревья, здесь было не так уж и плохо. Я благоразумно убрала рукава и воротник костюма еще до того, как мы забрались на платформу в Каласе, и Мейз с Рууэлом велели своим отрядам сделать то же самое. И все равно волна зноя ударила по нам, словно кувалдой, и все истекали потом, прежде чем выбрались на солнце. Отряды все же скрупулезно провели тот же осмотр, что и везде, хотя, к счастью, здесь почти ничего не было, кроме потемневших остатков моего указателя, осыпавшегося по краям, где гонимые ветром пески уже начали его поглощать.

— Просто не верится, что ты сделала это в такой жарнице, — заметил Лон, выйдя из профессионального режима, когда мы остановились и уставились на древесный уголь и песок. — У меня такое чувство, будто легкие поджариваются при каждом вдохе.

— Сейчас горячее, — пожалала я плечами, притворяясь, будто в груди от этих воспоминаний не екает. — И я прождала почти до вечера. Хуже всего было пытаться развести костер до этого.

Хотя на самом деле хуже всего было заблудиться, после того как я уже зажгла стрелу. Все вокруг поглотил мрак, пока я не обернулась назад, и я чувствовала себя ужасно маленькой, сбитой с толку и раздавленной.

— На сегодня хватит, — приказал Мейз и молча повел нас на платформу.

От перепада температур мы тут же замерзли до полусмерти, и меня заставили выпить ужасные укрепляющие напитки и пройти медицинский тест. Остальное осмотрим завтра. Кажется, все убеждены, что сегодня ночью я буду орать от ночных кошмаров, и в первую смену нянчиться со мной заступили Таарел и Сефен.

Я отлично держалась с Рууэлом, никак не потакая своим желаниям и не надоедая ему. Смотрела на него, только когда он заговаривал, то есть буквально дважды, так что до тех пор, пока его не назначат таскать меня с места на место, все должно быть в порядке.

Мне и правда снились кошмары, но самые обычные — никаких проекций в реальности или Эне, никакого четкого осознания происходящего, характерного для моего непредсказуемого таланта видения. Я будто бы заблудилась в темном лабиринте, а единственная найденная дверь была заперта с другой стороны. Таарел разбудила меня, положив руку на лоб, но подробности сна выпытывать не стала.

Всю ночь бушевала дикая метель, и с утра засыпанная свежим пушистым снегом Пандора выглядела ошеломительно. Эли, хоть уже и видела снег в Каласе, была в восторге. Клянусь, если бы за нами не зашел Мейз, она бы начала барахтаться в сугробах, словно щенок. Выюжило весь день, и вернувшись, мы обнаружили, что дверь моего дома замело. В Пандоре все узнают о зиме много нового, и сегодня мы выяснили, что надо бы уже придумать какое-нибудь приспособление, чтобы счищать или смахивать снег в переходном шлюзе, дабы не разносить его по внутренним комнатам, где он тут же тает, превращаясь в холодные лужицы.

Последние несколько платформ не принесли никаких сюрпризов — просто города с узорчатыми крышами. И ни один из них не Аренрон, хотя в нем и есть платформа. Народ пока еще не уверен, то ли туда должна вести неработающая платформа, то ли Аренрон входит в другую «сеть». Все ддоры, кроме одной, нас «узнали», а это наводит на мысль, что, возможно, существует всего пять ддор, каждая из которых патрулирует по три платформы. Ну, во всяком случае, текущая теория такова.

Мы пообедали с отрядом-один и вторым отрядом, устроившись толпой в центральном круге на булыжниках вместо стульев. Капитаны удалились со старшим синим костюмом, ценом Слоу, а также ислен Даффен и исленом Тезартом, которых перевели в Каласу из Аренрона. Остальные говорили о делах, обсуждая ионотов, с которыми столкнулись на острове и на своих планетах. Меня это так взволновало, что, заснув, я снова увидела то занятное сияние. Везде. Я пыталась осознать его особый ритм и суть, когда Налаз обратил всеобщее внимание на то, что я сплю, и Мара потянулась меня разбудить.

— Нет, погоди, — попросила я, но не услышала ни звука, так что попробовала еще раз, пока «погоди» не прозвучало вслух.

Мара замерла, оставив руку на моем плече. Я понимала, что они советуются с командирами, поэтому продолжила внимательно осматриваться и была готова, когда передо мной появились все четыре капитана.

Я размышляла, не попробовать ли опять проецировать прямо из сна, но по ощущениям словно пыталась пользоваться потянутой мышцей, так что разбудила себя, моргнула и сказала:

— Простите, правда сложно бодрствовать после укрепляющих штук. Видела опять сияние. Это... — Я помолчала, живо ощущая масштаб того, что хотела описать. — Не уверена, что могу как следует объяснить, но видела, как то круглое здание время от времени испускает импульсы, и все вокруг будто бы ему отвечает. — Я ткнула в дом, стоящий на полпути на противоположном склоне, потом раздраженно потерла висок. — Думаю, в последнее время не проецировала во сне, потому что не могу. Как будто эта часть меня устала.

Мейз перестал хмуриться и, судя по отсутствующему выражению лица, уже что-то искал

через интерфейс.

— Только предварительный осмотр. — Он глянул на Рууэла, который тут же подал знак своему отряду, и они ушли. А Мейз, Гриф и Шаф сели. — Даже плохое описание уже что-то.

После чего Мейз подключил к каналу миссии все отряды, а также трех старших офицеров, с которыми беседовали капитаны.

Я поморщилась — все это действительно было не так-то легко облечь в слова — и начала:

— Все, что из белого камня, сияет. Внутри будто извилистые полосы, разветвляются во все стороны — немного похоже на вены. Почти всегда тусклые и очень расплывчатые, но когда кто-нибудь проходит рядом, они реагируют и становятся ярче. Даже эти упавшие куски. — Я взглянула на обломки моста и фонтана, напротив которых сидела. — На меня они откликаются другим цветом. Дважды импульс шел от круглого здания, омывал весь город, и отовсюду, где есть люди, шли небольшие обратные импульсы. Их испускали даже эти обломки, хотя вроде бы ни с чем не связаны.

Ислен Тезарт, донельзя довольный, уточнил:

— А сияют какие-то символы? Надписи?

— Не совсем. Попробую нарисовать.

Я использовала одно из приложений интерфейса для рисования, с которым справляюсь еще хуже, чем с компьютерной мышкой. Результат выглядел так, словно четырехлетний ребенок пытался изобразить улетающую зимой на юг стаю бумерангов и обрывков лент.

— Даже близко не похоже, — извинилась я.

— Транслирую, — вклинился Рууэл, и мы все увидели то же, что и он.

Здание состояло из одной большой пустой комнаты с куполообразным потолком, бордюром/каймой по краю и огромной и просто роскошной мозаикой, покрывающей весь остальной пол. Здесь, как и на входе в Каласу, повсюду были цветы, извилистые ветви, стилизованные изображения животных и озера с ручейками. Картина мира.

Рууэл начал переключаться между видениями. Сначала комната расплылась, и мне померещилось какое-то неясное движение, а потом появилось ощущение, будто мозаика стала трехмерной, поднявшись полусферой из цветочных контуров и крадущихся, бегущих и дремлющих животных. Затем она снова опустилась и стала плоской, очень напомнив то, что видела я: струящиеся частицы света, которые особенно сосредоточились на двух круглых участках мозаики — тускло-желтом и сероватом.

— Существенно важнее, чем просто украшение, — сообщил Рууэл. — Функция...

Он замолчал, и я предположила, что они с Халлой обсуждают свои впечатления вне канала. Хотя у него больше видений, чем у Халлы, Рууэл всегда советуется с ней в подобных случаях. Не уверена, связано ли это с тем, что она сильнее в видении места, или просто таланты настолько непостоянны, что это похоже на собирание кусочков пазла в надежде получить общую картину.

— Самое отчетливое впечатление — что это место возвещения, оно оценивает.

За сим последовал исключительно скучный отрезок времени, в течение которого группы сетари и серых костюмов трепались друг с другом, устанавливали оборудование и делали осторожные попытки выяснить, для чего нужна эта мозаика и как заставить ее реагировать. Я оставалась на том же месте, за компанию с Лоном и Марой, и работала над проектом муинских животных, который могла с ними обсуждать. Но в конце концов серые костюмы, сдавшись, решили выпихнуть Девлин на мозаику и посмотреть, что из этого

получится. После моей первой экскурсии в Каласу они гораздо менее охотно используют меня для тестирований, но распознать момент, когда это произойдет, легко.

Мозаика, кажется, и правда отозвалась, когда меня поставили на желтый круг. Аппаратура засекала всплеск энергии. Но потом все опять засуетились, желая, чтобы я вызвала какую-нибудь, какую угодно, реакцию. Серые костюмы фонтанировали гениальными идеями, главным образом основанными на повторении того, что я делала с платформами — за исключением более высокого (теоретически) уровня безопасности. Ни одна из них даже отдаленно не походила на годную.

— А ты сама что думаешь, Касзандра? — поинтересовалась истен Нотра, наблюдающая за всем по интерфейсу.

— Испытание поединком? — с сомнением предположила я, глядя на Рууэла, который неумоимо стоял на другом круге, как мне казалось, целую вечность.

Он опустил взгляд. Подозреваю, чтобы не показать, насколько смехотворной находит мою идею.

Я вздохнула:

— Не понимаю, зачем хотят начать с меня. Если оценивание, не должен ли кто-то другой доказать, что достоин? Похоже, Каласа уже знает, каково мое место в этом мире.

Я просто была раздражена, но Рууэл поднял на меня широко распахнутые глаза.

— Перефразируй это в вопрос, — сказал он.

Вернее приказал. Очень настоятельно так приказал.

Я зависла на мгновение, ведь уже задала вопрос. Но затем поняла, о чем он, и спросила:

— Чем ты станешь для Муины?

Рууэл не произнес ни слова, но снова опустил взгляд на мозаику, а затем закрыл глаза и замер. Все в комнате умолкло и словно даже дышать перестали. Понятия не имею, о чем он думал, что ответил Каласе на мой вопрос, но, видимо, его ответ получил одобрение. Клянусь, мозаика в какой-то момент будто пошевелилась. Изменений я не заметила, но не добавился ли туда еще один крошечный фрагмент?

Все вокруг заметно повеселели. Особенно я, когда несколько экспериментов показали, что теперь Каласа реагирует на Рууэла так же, как на меня: он может активировать платформы и мозаику. Вскоре его примеру последовал Мейз, затем Мара и ислен Тезарт. Давненько я не получала таких приятных новостей. Больше никаких игр в такси и толканий на всякие шутики. Хотя «прошли» не все — что, естественно, расстроило проваливших испытание, — особенно ислен Даффен, выглядевшую так, словно ей дали пощечину. Впрочем, почти все неудачники, которых я успела увидеть, прежде чем вернулась в Пандору, кажется, не питали к Муине теплых чувств — им было некомфортно под бескрайним небом и среди неконтролируемых опасных животных, насекомых и растений. КОТИС придется вернуть разумный процент персонала обратно на Тару, просто потому что они не могут поладить с Муиной.

Никто вроде как не стремится обсудить, каково это — быть оцененным. Похоже, все немного сложнее, чем своего рода изложение жизненных целей. Пока никто из сетари не потерпел неудачу, но, учитывая задействованные отряды, я не удивлена. Радует, что все коларские сетари тоже справились. Недавно им сообщили, что дела на Коларе пошли на лад, и ребята уже не выглядели такими расстроенными, но сегодня Шаф улыбнулся мне впервые с тех пор, как его правительство пыталось меня купить.

На завтра в расписании ничего, кроме утренней встречи с медиками. Держу пари, меня

снова хотят отправить на Тару.

После завтрака со мной нянчились Зен и Лентон. С утра они уже посетили Каласу и «оценились», поэтому были сдержаны и задумчивы. Не знаю, в чем дело: то ли в том, что это их первый туда визит, то ли в самой проверке. Самого подробного описания того, на что это похоже, мне удалось добиться от Зи, которая после испытания почувствовала себя незащищенной, будто что-то очень большое вскрыло ее и заглянуло в душу.

Учитывая некоторые рассуждения о планете как о живом существе, могу понять, почему это привело всех в такое замешательство. Они не уверены, то ли их оценивает сама планета, то ли просто какое-то устройство лантаров. Хотелось бы знать, почему мне не пришлось проходить оценку. Хотя вообще это радует. Провалиться было бы унижительно.

К середине утра медики меня отпустили, а Зен сказала, что нам разрешили выйти за пределы Пандоры. Приятный сюрприз. Я сразу же предложила проверить, на месте ли еще выдры — я почти уверена, что они не мигрируют, чтобы избежать зимы.

Пока мы легко летели вдоль берега озера, я вспоминала свои первые две недели на Муине и пройденные километры, пытаюсь представить, как преодолеваю их по снегу — в школьной-то форме. Полет по морозному воздуху даже в усовершенствованном костюме сетари, куртке и шапке заставил меня с тревогой осознать, насколько мало у меня было шансов. Тут я заметила, что мы промчались мимо ручья с выдрами, и в замешательстве обернулась к Зен, а она улыбнулась (Зен так редко это делает) и кивнула на землю.

Шесть отрядов сетари — это много народу. На фоне заснеженного поля в своей черной форме они напоминали стаю ворон, в которой зелено-черным пятном выделялся отряд-один. Зен опустила нас в центре сборища, где сошлись все капитаны.

Я перевела изумленный взгляд с нее на Мейза, и он спросил:

— Ты же хотела эпичный бой в снежки?

Редко когда они делают что-то, способное настолько меня удивить.

— Правда? — уточнила я с ноткой недоверия в голосе и, вспыхнув, обвела глазами всю компанию, явно позабавленную моей реакцией, а потом опять посмотрела на Мейза. — Спасибо.

Лицо уже просто полыхало, и я силилась не опозориться, разревевшись на виду у всех.

Мейз одарил меня одной из своих суперпотрясающих улыбок:

— Мы как раз пытались определиться с правилами. Есть ли для подобных игр какой-то стандарт?

Я всерьез сомневалась, что сетари устроит вариант «торчать посреди поля и, визжа и хохоча, словно ненормальные, швырять друг в друга полные пригоршни снега».

— Не совсем. — Припомнив папины игры в пейнтбол, я добавила: — Каждый отряд может отметить базу, и если в кого-то попали, то он выбывает до следующего раунда и ждет на базе подбившей его команды, пока не останется кто-то один. Или сыграть в захват флага: выигрывает команда, которая владеет им в конце установленного промежутка времени. Если в вас попадут, должны отправиться на свою базу, но затем можете сразу вернуться обратно в команду.

— Оба варианта подойдут. — Мейз взглянул на Грифа. — Что, если сыграть в захват текущими отрядами, а затем сделать второй раунд с индивидуальными очками?

— Что будем использовать в качестве флага? — поинтересовался Гриф.

— Разве не очевидно? — Вовсю веселящийся Нилс похлопал меня по голове: — Флаг, который может дать отпор.

— Просто бросаю снежки наугад? — уточнила я.

— Во всех и каждого. Если умудришься попасть в любого члена команды, которая пытается тебя захватить, прежде чем окажешься в пределах их досягаемости, весь отряд должен вернуться на свою базу. И любой, кто хочет тебя захватить, обязан подбить тебя снежком. Потому что, не сомневаюсь, так тебе куда интереснее, чем если мы будем стараться сохранить каждый волосок на твоей голове. — Он сорвал с меня шапочку и нацепил на себя. Темные кудри обрамили его лицо. Вот ведь кому все идет — Нилс выглядел безумно сексуально. — Когда тебя поймают, можешь целиться в атакующие отряды, но не в своих нынешних захватчиков.

То, что поощрит сетари не обращаться со мной, как с ребенком, казалось хорошей идеей, и капитаны быстренько утрясли последние детали. Разрешалось применять боевое видение и скорость, поскольку ими практически нереально не пользоваться, но все остальные таланты запретили, помимо левитации и телекинеза для перемещения флага. Интерфейсом можно было пользоваться для сообщений, которые услышат все, но не для определения местоположения противников. Вместо ограничений по времени решили, что победит отряд, доставивший меня к себе на базу, не потеряв по дороге. Мейз тихонько попросил меня не перенапрягать ноги, после чего подключил всех к общему каналу и перенес меня по воздуху прямо в центр заснеженной пустоши. И там и оставил, дважды уточнив, что я в порядке.

Я стояла на вершине небольшого холма в компании одинокого голого дерева и сугробов, которые при ближайшем рассмотрении оказались зарослями кустарника, почти полностью погребенными под снегом. Я вовсе не это подразумевала под эпичным боем в снежки, хотя, само собой, никому из сетари ничего не сказала. Я рисовала себе что-то вроде семейной поездки, только с первым отрядом: хаотичную и глупую битву, после которой все окажутся с ног до головы в снегу, и безо всякого особого смысла. Однако меня по-настоящему тронуло то, как далеко ребята зашли, умудрившись даже согласовать прибытие всех отрядов на Муину — по-видимому, они посчитали, что оставить на охране стройки в Каласе лишь зеленые костюмы вполне безопасно. И меня очень удивило желание Рууэла участвовать во всем этом, так как он держался подальше ото всяких соревнований. Наверное, решил, что это поднимет боевой дух его отряда. Я старалась не смотреть непосредственно на него, но быстрая проверка журнала показала, что Рууэл единственный из капитанов не улыбнулся при виде моей реакции. Он просто стоял там, как обычно, беспристрастный, в режиме полной боевой готовности.

Тем не менее Рууэл хотел, чтобы его отряд выиграл.

Я же подумала, что буду счастлива, если попаду в кого-нибудь — в кого угодно, — прежде чем угожу в плен. Пока отряды определяли местоположение своих баз на равноудаленном расстоянии друг от друга и очерчивали их границы, я размышляла, что лучше: спрятаться или остаться на месте и сопротивляться. И решила, что вполне могу и не нагружать ноги. Пустошь расположена повыше, чем Пандора, и снег там глубже. На каждом шагу я проваливалась по колено и к тому моменту, как закончила мастерить стены небольшого бункера, погрузилась уже по грудь. Я присела, чтобы скрыться из виду, и начала лепить снежки, слушая разговоры по интерфейсу.

К счастью, не все были убийственно серьезны. Лон и Нилс непринужденно болтали,

пикируясь и едко высмеивая друг друга, и «раненый» обычно говорил что-нибудь вроде «отличный выстрел», или смеялся, или стонал.

Бег по снегу тоже вызвал немало проблем. Прошло время, пока хоть кто-то появился в окрестностях моей цитадели — насколько я могла судить, прежде чем выдвинуться ко мне, все сначала попытались устроить засаду на ближайший к ним отряд. И когда приблизились первые захватчики, передо мной, естественно, высилась уже целая горка снежков.

Три отряда появились в зоне моего восприятия почти одновременно (я беззастенчиво пользовалась собственным видением). Второй и третий и отряд-один. Они шли с разных сторон, но отряд-один и третий попытались отрезать друг другу путь, дав второму шанс атаковать мой форт.

Сетари явились, сбившись в кучу — большая ошибка. Я подождала, пока они чуть ли не наступят мне на голову, а потом, спокойненько лежа в своем бункере, просто подбросила как можно больше снежков по высокой дуге в центр группы. Боевое видение кое-кого спасло, но стоны и смех заставили меня высунуть голову, чтобы оценить ущерб — Нилс и Кир Чарал отряхивали снег, и всему отряду пришлось отправиться на базу. Нилс вернул мне шапочку в качестве приза, из-за чего я чуть не прозевала нападение двух других отрядов, которые решили сделать несколько спонтанных бросков. Я упала на груды собственных снежков, пытаясь избежать попадания, и захихикала, когда один из снарядов угодил Нилсу прямо в лицо.

— Нилс уклоняется хуже меня, — заявила я, пытаюсь сдержать смех и послать снежки хотя бы приблизительно в правильную сторону, чтобы зацепить третий и отряд-один.

— Смотря, кто целится, — ответил Нилс с суперсексуальной усмешкой и, стерев снег с глаз, последовал за своей командой вниз по склону.

Третий отряд и отряд-один умудрились уничтожить друг друга, так что к тому времени, как я высунула голову из своего форта, в игре оставалась одна Эли. Она уворачивалась лучше, чем я, и в итоге первой меня захватила, после чего до конца дня с ее лица не сходила улыбка мощностью с атомную бомбу.

Развеселившаяся Таарел отправилась на базу вместе с остальными членами третьего отряда несколько иным маршрутом, чтобы сбить со следа возможных преследователей, желающих меня перехватить, а Эли — с широко распахнутыми глазами и дрожа от возбуждения, но максимально тихо — повела меня туда же кружным путем, под прикрытием наполовину засыпанных снегом кустов. Поскольку она не телекинетик, мы не могли перемещаться слишком быстро, но к тому времени снег уже достаточно утоптали, чтобы наши противники не сразу догадались, куда мы пошли. Видение боя показывает лишь угрозы, и всем запретили пользоваться видением пути, так что на самом деле у меня было преимущество над сетари в отслеживании игроков.

Первый отряд играючи отбил меня у Эли — хотя я чуть не попала в Лона, прежде чем словила снежок Зи, — но тут завязалась крайне запутанная битва между разрозненными остатками отрядов, вернувшихся со своих баз, в которой первому удалось выжить, потеряв лишь Мейза и Алей.

Очевидно, не дать разобщить свою команду было важно с тактической точки зрения, как показали первый, а потом и четвертый отряды. Только первый приблизился к своей базе, как четвертый напал из засады — ну, насколько можно напасть из засады на экстрасенсов с боевым видением. Я почувствовала сильный удар в спину — это был один из снежков Мори, которая открыла беспрерывный обстрел первого отряда, выведя из строя Кетзарен и Лона.

Мара тут же попробовала отбить меня обратно, но ее снежок, казалось, просто взорвался в воздухе. Я поняла, что произошло, только после того, как атаку Зи постигла та же участь: ее снежок столкнулся с другим на полпути.

— Неплохо придумано, — покачивая головой, сказала Зи Рууэлу, вытряхивая кусочки льда из волос.

— Готовьтесь, что вам ответят тем же, — добавила Мара с широкой улыбкой и помахала мне.

Развернувшись, они направились к своей базе, расположенной совсем рядом.

Мейз уже возвращался, и Рууэл велел своим поторапливаться. Сам же, пригнувшись, двинулся в другую сторону и вскоре превратился в размытое пятно. Он улыбался. Почти незаметно. Наверное, дело не только в том, что он был в режиме повышенной боевой готовности и, судя по широко раскрытым глазам, в его крови бурлил адреналин. Рууэл явно наслаждался игрой. Его отряд уж точно наслаждался: даже у Сонн весело блестели глаза. Если бы база четвертого не находилась на противоположной стороне холма, они могли бы победить, но на их пути встали второй, третий и отряд-один, которые отложили разборки между собой, чтобы вместе одолеть врага. Принимая во внимание подошедший сзади первый отряд, последовало неминуемое противостояние, достойное именоваться эпическим. В конце концов меня зацепил Налаз и вместе с Таранзой поспешно поволок с собой, в то время как Шаф прикрывал их отход. И тут нас внезапно атаковал двенадцатый отряд, дождавшийся критического момента, когда почти все игроки направлялись к базам.

Здорово было видеть, как двенадцатый гордится Зен. Именно ее стратегия позволила им выиграть, несмотря на то, что половина отряда еще не оправилась от травм. И так забавно было наблюдать за Зен, которая очень сдержанно принимала поздравления от других капитанов, в то время как на ее щеках ярко пламенел румянец.

Затем мы сыграли в прятки — каждый сам за себя. Очки насчитывались всякий раз, стоило в кого-нибудь попасть, и вычитались, когда попадали в тебя. Здесь без труда победил Рууэл, что, по-моему, никого не удивило, хотя периодически Налаз и Мара приближались к нему вплотную. Наигравшись, мы все вместе съели плотный горячий обед, и все выглядели такими расслабленными и счастливыми, а я, разумеется, заснула.

Сейчас со мной нянчатся Лон и Мара, хотя я оставила их наедине в другой комнате, поскольку решила, что им хочется пообниматься. Это был действительно отличный день. Придумать бы, как отблагодарить ребят...

Под конец игры в прятки я отошла в сторонку, чтобы немного отдохнуть и наклеить снежков про запас. Для удобства я лежала на спине, зарывшись в снег, и смотрела, как потихоньку сереет небо. Ко мне приблизился Рууэл. Я ощутила его прежде, чем он осознал, что это я — думаю, он шел по моим следам. А потом он как-то меня узнал. Потому что замер, развернулся и двинулся в обратную сторону.

— Слишком легко? — громко спросила я.

Я ужасно разозлилась, внезапно поняв, почему отказ Рууэла сражаться привел Каджала в бешенство. А потом занервничала, поскольку Рууэл остановился и вдруг снова направился ко мне.

Я даже не пыталась бросать снежки — знала, что он с легкостью от них увернется, — просто лежала, пытаюсь выглядеть не очень испуганной, когда Рууэл навис сверху, позволив увидеть в совершенно неожиданном ракурсе его ногу и лицо. На этот раз он совершенно точно не улыбался. Сердце бешено заколотилось, потому что сверху вниз на меня смотрел не

рассудительный капитан отряда, а человек, которого я мельком видела во время его поединка с Каджалом. Надменный и раздраженный. На мгновение он дал волю чувствам.

После чего бросил снежок прямо мне в лицо и удалился, пока я задыхалась и пыталась откашляться. Когда Рууэл ушел, я, не выдержав, рассмеялась:

— Видимо, да!

Обожаю всякие странности.

Когда я проснулась, Мейз сообщил, что завтра я возвращаюсь на Тару. Первый и второй отряды тоже летят, и Мара собирается привести меня в форму, а Зи будет наблюдать за моими тренировками видения и проецирования. Не знаю, то ли потому, что Рууэл порекомендовал сменить мне тренера, то ли просто хотят оставить разведывательные отряды на Муине.

Чувствую, что готова смириться с ситуацией, словно начинаю потихоньку его отпускать.

Провела хорошее ненапряжное утро с Зен и Десс, лепя снеговика, а потом несколько снежных кресел и дилетантские скульптуры. Определенно, иметь под рукой телекинетиков очень полезно, когда пытаешься двигать туда-сюда целые сугробы. У Зен к тому же явный талант скульптора, и мне было приятно, что потакание моим желаниям позволило ей заняться чем-то, доставляющим удовольствие. Двенадцатый остается приписанным к Муине до дальнейших распоряжений — их раны не мешают сражаться даже Кисту, и с ними все должно быть в порядке, пока они не сталкиваются с большим количеством ионов. А Зен, благодаря силе ее телекинетического таланта, в ближайшем будущем предстоит множество строительных работ.

Мы на «Литаре», возвращаемся на Тару, с трудом разминувшись с кучкой гражданских, которых вчера вечером выгрузили в Пандоре, если я правильно поняла, вместе с кусками арматуры. Ее будут использовать в новом строящемся здании. КОТИС впервые позволил появиться на Муине людям, которые здесь только затем, чтобы смотреть и восторгаться: разовая пиар-акция для толпы ВИП-персон, журналистов и победителей конкурса, прилетевших «познать родной мир». Через пару дней прибудет еще одна группа с Колара, и пока все. Пандора растет с каждым днем, но КОТИС с огромной неохотой тратит ресурсы на туристов. Мейз сказал, что существуют масштабные разногласия по вопросу, заселять ли планету или все же сначала исследовать, в основном из-за ддор. Он не хочет, чтобы сюда приезжали семьи с детьми, но в пользу переселенцев говорит тот аргумент, что вскоре Муина, возможно, станет самой безопасной из планет.

Наблюдая за приводнением «Литары» на озере, я ничего обо всем этом не знала. В противном случае, вероятно, не осталась бы сидеть на улице, когда мимо по дороге к амфитеатру пролетел шаттл. Персонал КОТИС, как правило, не тычет в меня пальцами и не машет. К счастью, пришел Мейз, и мы собрались прежде, чем кто-то из них закончил на платформе. Мне не улыбается карьера животного в зоопарке.

Очень странно ловить себя на том, что думаю о людях, как о «гражданских».

Так приятно снова оказаться в собственной квартире. Так приятно не задумываться о том, что два человека всегда должны быть в радиусе шести метров от меня.

Не прошло и получаса после моего возвращения, как появилась Тень, мурлыча как сумасшедшая. Она соскучилась по мне, ну или по тому, что ей дает мое усиление.

Из-за этого даже задумалась, на какой планете больше чувствую себя «как дома»: на Муине или на Таре. Наверное, Муина стала бы для меня таким же «домом», как Тара, будь у меня там собственное жилье, а не шикарная палата с аппаратурой для медицинского наблюдения. Предложи кто выбрать, я, наверное, поселилась бы на Муине просто потому, что там столько всего вокруг, но здесь я чувствую себя очень уютно и спокойно, свернувшись калачиком на кушетке у окна с урчащей на коленях Тенью.

Первый и второй отряды возвращаются к «кошмарным сменам» вместо постоянной роли няnek. Меня это вполне устраивает, особенно учитывая, что сейчас со сном особых проблем нет. Кажется, моя проецирующая составляющая все еще восстанавливается. Завтра у всех выходной, а потом я возвращаюсь к тренировкам.

«Хороший» значит «точный»

Ко мне вернулось Рууэла-здесь-нет-чувство, но в остальном все спокойно, и во снах ничего не происходит. Утром долго лежала в ванне, рассматривая ноги и удивляясь их отвратительному виду. А ведь мне, если вдуматься, потребовалось всего секунд пятнадцать, не больше, чтобы довести их до такого состояния.

Вспоминать очень нелегко. То пробуждение нагнало на меня страху, а еще я умудрилась навредить себе так, как никогда прежде — боль была ужасная. Но проснувшись с ощущением, что Рууэл не рядом, я моментально вернулась в ту ночь. Испугайся я чуть меньше, то думала бы о ней непрерывно, так как провела бог знает сколько времени, мертвой хваткой вцепившись в Рууэла, обвинив его руками за талию и уткнувшись лицом в грудь. Рууэл положил одну ладонь мне на плечо, а другой обхватил затылок, и даже не стер кровь с лица, пока не пришла Мара, и он не уговорил меня ухватиться за нее вместо себя. И лишь после, просматривая запись, я увидела, что его лицо посерело и блестело от пота — такие страдания причинял ему примитивный ужас, который я излучала.

И даже пусть Рууэл всего лишь выполнял задание, никогда не забуду его поступка. И что он правильно произнес мое имя. Я храню потихоньку растущую коллекцию особых воспоминаний о нем, включая момент, когда он швырнул снежок мне в лицо, но, кажется, настрой смириться с ситуацией никуда не делся. Мое увлечение осложняет Рууэлу работу. Работу, на которой его легко могут убить. И, наверное, осознание этого дало так необходимый мне стимул отстраниться.

А еще я посмотрела пропущенную серию «Скрытой войны». Там была сцена стычки, когда Лентон выяснил, что Зен тратит свое время на детские тренировки со мной, и мое знакомство со всеми отрядами. Похоже, Мейз не предоставил дословную запись из журнала с разъяснением смысла моей лабораторной крысы. Но это лишь привело к тому, что сценаристы с радостью выдумали сцену, в которой Ластьер довольно откровенно меня оскорблял. Еще был эпизод без «моего» участия, где он вел себя очень самодовольно и высокомерно, говоря всякие обидные слова капитанам других отрядов и при этом демонстрируя свои блестящие обширные знания и проницательность.

Интересно, уж не запала ли эта пиарщица на Рууэла? Или же его очернения просто требуют выбранные сценарные ходы? Ластьер изображен достаточно похоже, чтобы Рууэла можно было узнать, но его поступки ужасно искажены.

Сегодня только физподготовка, да и то в основном в «качалке», так как я не в форме для упражнений, где надо наносить удары, а Мара говорит, что мне все равно надо поработать над мускулатурой верхней части тела. Пока мы занимались (две длинные тренировки), мимо прошла парочка отрядов (восьмой и десятый), заставив меня застесняться своих шрамов, поскольку мы были в шортах и майках. Однако они проявили любезность и не стали пялиться. Остальные члены первого отряда присоединились к нам после обеда, продемонстрировав, какая же я слабачка. К тому времени, как Мара со мной закончила, я смахивала на обмякшую макаронину.

На завтрашнее утро она запланировала для меня бассейн. И даже разрешила поплавать в одиночестве, если буду хорошо себя чувствовать и не стану нырять. А после обеда, когда они вернутся с маршрута, Зи возобновит тренировку моих видений и других-странных-штук-которые-делает-Касс. Это если я, конечно, смогу завтра пошевелиться.

В СМИ снова поднялась шумиха, раздуваемая «туристами», которые вернулись с Муины. Интервью с персоналом КОТИС и победителями конкурса, а также множество снимков того, как сейчас выглядит Пандора, виртуальные экскурсии по тамошним зданиям и рассказы о переходе Пандоры на самообеспечение. КОТИС воспользовался их визитом, чтобы не только официально опубликовать новости о Каласе и ее фотографии, но и отвести туда нескольких избранных и объяснить свойства платформ (хотя пока раскрыли не совсем все их возможности). За исключением чрезмерного недовольства тем, что в ближайшее время другие гражданские не смогут туда отправиться, новости звучали довольно радостно и воодушевленно.

Поселение в Каласе называли «Касзандра». Что довольно смущающе и весьма иронично, учитывая специфичность моего имени, связанную с «неотвратимостью судьбы». И, разумеется, общаясь с людьми в Пандоре, журналисты умудрились собрать целый ворох анонимных сплетен обо мне, а еще сделали фотки снеговика и снежных кресел, которые слепили мы с Зен и Десс. И кто-то рассказал им о том, что я была ранена (тайнственным образом), и как заботились обо мне сетари (преданно), и еще целую кучу всякой обескураживающей чепухи — маленьких мифов (мол, мудра не по годам). Зато никто не упомянул, как часто я дуюсь и хандрю.

Интересно, есть ли на Таре эквивалент синдрома высокого мака, [1] и не превратят ли меня в колосса на глиняных ногах после всех этих невероятных историй о том, какая я храбрая и удивительная. Не то чтобы они не должны радоваться, что я появилась и открыла их мир, но мне жутко не нравится это стремление сделать из меня ту, кем я не являюсь: невероятно сильную, умную и отважную девушку. Я живу удивительной жизнью и осознаю, что послужила причиной глобальных перемен — именно поэтому и назвала поселение Пандорой, — но, как правило, все случалось само по себе, пока я блуждала вслепую и пыталась не умереть. А перечитывая свои дневники, я все отчетливее вижу в себе нытика и законченную шизофреничку. Последнюю пару месяцев я разваливалась на части и только и делала, что стенала об этом.

Сегодня очень радовалась тренировкам Мары, потому что, когда она заставляет повторить какое-нибудь упражнение еще десять раз, в этом нет ни намек на «хрупкую маленькую полубезумную принцессу, которую нужно успокаивать». Собираюсь принять

подобное отношение и вновь с головой погрузиться в довольно запущенную учебу и то задание по идентификации животных. С момента спасения я будто с каждым месяцем становлюсь все менее стойкой и теряю последние остатки приватности. Да, у меня есть масса причин для паники и тщательной охраны. Но я себе такой не нравлюсь и хочу все изменить. Принимать утешение от людей, которые стараются меня поддержать, но все же снова крепко встать на ноги.

[1] Синдром высокого мака — термин, использующийся для описания социального феномена, выражающегося в неприязни и нападках на людей, которые выделяются из толпы благодаря своим редким талантам или выдающимся успехам. Схож с такими понятиями, как зависть, обида или ревность к чужому успеху. Термин широко используется во многих англоговорящих странах.

Поплавала хорошо. Кажется, я провела в воде немало времени, что помогло расслабить ноющие мышцы. Надеюсь, однажды плавание вновь будет приносить удовольствие.

Зи проводила меня на мыс Кесзен. Очевидно, в мое отсутствие там все снова переоборудовали в склад, так как повсюду валялись коробки. Исту Чеми чрезвычайно заинтересовала проекция Каласы, слухи о которой уже наводнили интерфейс, а также то, что по ощущениям моя проецирующая составляющая все еще утомлена. Мы начали с малого — точнее, с очередной кружки, — и хотя я с легкостью ее представила, заставить ее появиться, с шоколадом или без, не удалось. А еще я, похоже, не вызываю никаких происшествий в околопространстве. По-моему, это только к лучшему.

Следом мы провели серию визуализаций, измеряя затрачиваемую мной энергию и электрическую активность мозга. Я пыталась отчетливо увидеть ряд комнат почти одинакового размера, разбросанных по Таре на различном расстоянии. Потом для сравнения визуализировала вымышленное место. Сеанс вышел довольно плодотворным и с точки зрения точного определения, какой участок моего мозга отвечает за талант видения, и для меня — я больше узнала об отдельных механизмах. Я по-прежнему пыталась ненароком проявлять вещи, однако сомневалась, что мне это по силам. Со временем я начала предчувствовать приступы боли и намеренно их избегала. Да, проекция Каласы стоила мне пары дней без сознания, зато кое-чему научила. И дала возможность не беспокоиться, что я случайно наклепаю монстров.

Теперь подобные сеансы будут проводиться через день, и больше никаких тренировок, только с первым отрядом, когда он не на маршрутах. И так пока не подлечусь и не окрепну. Лишь тогда, да и то если получат надлежащее представление о пределах и затратности моих талантов, они рассмотрят вариант снова допустить меня на Муину.

На обратном пути Зи валилась с ног от усталости, и я шутливо предложила донести ее до комнаты, а в лифте сказала, что безуспешно пытаюсь придумать, как отблагодарить всех за игру в снежки. Ей это показалось ужасно забавным. Дескать, снежной битвой сетари как раз благодарили меня и вдобавок сами получили удовольствие.

Потом я поинтересовалась, не показалось ли ей, что моя вязаная шапочка Нилсу к лицу. Зи дернула меня за прядь волос и пообещала попросить Мару так меня измотать, чтобы я забыла, что такое шапочка.

Уж лучше пусть сетари со мной занимаются, чем нянчатся.

Все тело болит. Мара старательно выполняет указания Зи.

В далекой-далекой галактике...

Все утро провела в медблоке, где мне сделали первую косметическую операцию на ногах. Не так уж плохо, хотя кожа онемела и стала непривычно горячей. А еще мне вновь наложили повязки.

Днем Зи попросила визуализировать происходящее в Пандоре. Они решили провести этот тест, пока я не могу материализовывать, поскольку предыдущая серия тестов доказала: чем больше расстояние, тем больше требуется энергии (вот удивили). Иста Чеми тщательно и придирчиво следила, чтобы медицинское оборудование было под рукой и готово к использованию, так что, полагаю, испытание считалось очень опасным.

В качестве цели выбрали «мое» здание. Зи подробно описала уже знакомую обстановку. Одно дело представить что-либо, и совсем другое — «увидеть». Ощущения совершенно разные. По ним-то я и определяю, получилось или нет. Все дело в деталях. Когда смотришь на вещи посредством видения, они выглядят едва ли не сверхреальными: проявляются малейшие пятнышки, а все цвета кажутся необычными.

Однако увидеть Пандору тяжело. Так же тяжело, как подняться по лестнице с человеком на закорках. Пульс подскочил, я задышала словно паровоз, в горле и груди появилось жжение, а следом резко заболела голова, свидетельствуя о том, что я прорываюсь на новую территорию. Зи тут же приказала прекратить, и я неподвижно лежала с закрытыми глазами, пока не подействовали препараты исты Чеми.

— Сделали дополнительные комнаты? — почувствовав себя почти человеком, спросила я.

Я едва не решила, что визуализировала не то место, поскольку всю мебель убрали, а стены выглядели иначе, чем мне помнилось.

— Здание расширяют. Добавляют как экранированные квартиры для сетари, направленных в Пандору. А значит, ты способна преодолевать подобные расстояния.

— Земля еще дальше, — вздохнула я.

— Вполне возможно.

Зи бросила на меня оценивающий взгляд и кивнула, очевидно решив, что в ближайшее время я не стану экспериментировать и пытаться увидеть Землю. Может, я и попыталась бы, будь под рукой запас лекарств от сильнейшей головной боли. И, вероятно, в конце концов попытаюсь, если в ближайшие пару месяцев Землю не включат в мою программу тренировок и тестов. Всему есть предел.

Но не скоро. Голова по-прежнему раскалывается, несмотря на болеутоляющие.

Еще одно утро в медблоке. Мне в очередной раз просканировали мозг, а после колдовали над ногами, на которых теперь новые повязки — водонепроницаемые, их можно мочить, но не погружать в воду, так что в ближайшие дни никакого бассейна и плескания в ванной.

Когда я подкреплялась в столовой, на сиденье напротив скользнул капитан десятого отряда, Элс Харал, а рядом с собой усадил капитана четырнадцатого — Кина Лару.

— Капитанам не положено сплетничать, — улыбаясь, сказал Харал, — поэтому мы вовсе не выспрашиваем, правда ли, что двенадцатый одержал верх над остальными отрядами на Муине во время неких тактических учений в зимних условиях.

— Битва снежками — подарок мне от отрядов. И мы не тренировались, а играли, — твердо ответила я.

«Тактические учения в зимних условиях». Надо же такое придумать.

Лара, когда его насильно притянули к стулу, на мгновение будто даже стал менее сонным, чем обычно, затем тряхнул головой и не сдержался:

— Но двенадцатый правда победил? Даже первый и четвертый?

— И второй, и третий, и коларцев. Зен избрала мудрую тактику.

— В чем заключается игра?

Казалось, они действительно рады успеху двенадцатого, ни в коей мере не принижая другие отряды, так что я разъяснила правила. Насколько могу судить, первый отряд признан лучшим в ближнем командном бою, тогда как Рууэл, пожалуй, лучше всех сражается в одиночку — он один почти так же опасен, как Мара и Мейз вместе взятые. Вряд ли когда-нибудь кто-нибудь подтвердит мои домыслы, однако ни Харал, ни Лара ни капельки не удивились победе Рууэла во второй игре.

Здорово, что у Зен есть сторонники в других отрядах. У меня возникло смутное подозрение, что Харал поддразнивал Лару из-за Зен, а значит, дай она шанс, он мог бы стать не только сторонником. Мы еще немного поболтали. Разумеется, их интересовала Каласа, однако у Харала накопилось множество вопросов и о Земле. Он хотел побольше узнать о вулканах и о других отличиях Земли от Муины. С ними легко общаться: оба гораздо непринужденнее, чем прочие младшие сетари. Но в конце концов мне пришлось отправиться к Маре, которая истязала меня чем-то вроде пилатеса или йоги, заставляя делать кучу упражнений на растяжку и фиксировать положения тела.

Во время этого сеанса пыток я все думала, кого же мне напоминает Харал, и наконец сообразила. Не внешне, но вкрадчивой речью и невозмутимостью он очень похож на капрала Хикса из фильма «Чужой».

Размер имеет значение

Прошлой ночью обошлось без опасных снов, хотя у меня осталось несколько тревожных отрывочных воспоминаний. Я заметила, что у моей способности определять, кто находится поблизости, увеличился радиус действия, и спросила Зи, сколько у меня может быть видений: одно или сто. Я знаю, где находятся люди, вижу разноцветные огни, вижу прошлое, вижу вымышленные места, а еще вижу, что происходит на другой планете. Как по мне, это совершенно разные способности. Но Зи говорит, что за все, кажется, отвечает один участок мозга и что, возможно, у меня талант, схожий с видением места, у которого много применений.

Какое счастье, что, прикасаясь к людям, я не ощущаю их эмоций.

Сегодня измеряли, сколько энергии я затрачиваю, чтобы увидеть предметы различных размеров, находящихся на примерно одинаковом расстоянии. За реальными предметами последовали вымышленные. Очень утомительно, так что перед ужином с первым отрядом в комнатах Кетзарен я вздремнула. Она сменила заставку на настенном экране на слайды с видами Муины: снега, равнины, горы, реки, разные леса и незнакомая мне болотистая местность, поразительно наводненная птицами.

Первый отряд приходил в себя после последней миссии. Похоже, нужна моральная и психологическая перенастройка, чтобы сменить работу, выполняемую ими на Муине, на напряженные маршруты, зачищая которые они выигрывают лишь битвы, но никогда войну. И с каждым днем становится все труднее. Не только двенадцатый пострадал во время неудачных маршрутов — главным образом из-за возросшего числа ионотов из глубокого пространства. По словам Мейза, сейчас пытаются решить, то ли пополнить существующие отряды отобранными калрани, то ли попросту позволить командам работать в парах. В действующих отрядах лишь потому по шесть человек, что более многочисленные группы притягивают ионотов, особенно из глубокого пространства, таких как пикировщики. Но раз уж все равно приходится иметь с ними дело, возможно, выгода от больших групп превысит ущерб.

Мара злыдня

Устала. Все ноет. Раздумываю, не сказаться ли назавтра больной.

Все труды насмарку

Снова обедаю с Харалом... с Элсом. Похоже, я не ошиблась, предположив во время тестов с десятым отрядом, что нравлюсь ему. Наверное, после моего тогдашнего отказа он решил подкатывать неторопливо. Он не осыпал меня комплиментами, однако воспользовался тем, что у нас совпали обеда, и подсел пообщаться. Никакого давления, мы просто болтали в окружении остальных членов его отряда, но симпатия Элса была очевидна.

И не только для меня, судя по удивленным взглядам, которыми обменялись двое из его отряда.

Элс очень классный и симпатичный и нравится мне. Не знаю, соглашаться на большее или нет. Но мысль определенно отвлекающая — настолько, что из-за моей рассеянности тренировка с Зи не задалась. Зато я узнала, что, если думать о двух вещах одновременно и не сосредотачиваться на одном месте, можно заработать сильнейшую головную боль.

Пытаюсь решить, то ли ответить на заигрывания Элса, то ли избегать его, то ли просто относиться к нему как к другу, притворившись, что не заметила намеков. Он действительно мне нравится, и я легко представляю нас вместе. Вот только честно ли по отношению к Элсу поощрять его, если я не уверена, что хочу дойти до конца? Если, просыпаясь по утрам, я целиком отдаюсь ощущению отсутствия поблизости конкретного человека? Но так я тоже не хочу: безнадежно мечтать о парне, который, как я считала, совершенно не в моем вкусе, а еще, вероятно, встречается с другой и вообще сделал все возможное, чтобы меня отвалить.

Дура. Дурацкая дилемма. Надо прекратить об этом думать.

Сегодня Мара немного сбавила обороты. Мол, она больше не в силах выносить выражение ужаса на моем лице. А еще я просидела всю совместную тренировку первого и второго отрядов, лишь наблюдая, потому что Мейз и Гриф хотели сосредоточиться на динамике маршрута со сдвоенным отрядом. Позже они, как ни странно, впервые за долгое время сводили меня в город поужинать. Наверное, только потому, что два полноценных отряда в состоянии не только уберегут меня от взглядов случайных прохожих, но и отпугнут даже самых оголтелых зевак. Я заметила, что даже на острове сетари учтивость людей, делавших вид, будто не признают их без униформы, в той или иной степени снизилась. Но все же мы добрались до фондю-ресторана без происшествий.

Нилс, непривычно не флиртующий, много говорил о моих визуализациях и об их отличиях от его иллюзий. Вся беседа была пронизана скрытым беспокойством, но вечер все равно приятный.

Чудесный-расчудесный день.

Он начался как обычно — с нескольких часов мучений в медблоке. Перед походом в столовую я немного помешкала, поскольку так и не решила, как вести себя с Элсом, но в конце концов посчитала, что болтовня за обедом едва ли мне навредит. Впрочем, когда я явилась, он уже устроился со своим отрядом, свободных мест за столом не было, и я под села к Хазен и Хеназ из восьмого, которые как раз завтракали. Нечасто мне удается посетить столовую и не натолкнуться на желающих поговорить о Муине.

Десятый отряд настиг меня, когда я направлялась на встречу с Зи, а потом нагло бросил наедине с Элсом. Ребят страшно забавляет, что их капитан за мной гоняется. Благо, ему удается делать это без всякой неловкости. Пока мы спускались на лифте к одному из главных транспортных узлов, Элс признался, что все завидуют четырнадцатому отряду, только что назначенному на Муину, и спросил, как продвигается изучение моих видений и удивительно реальных иллюзий. Все это для сетари теперь не секрет.

— Проекция Каласы сопровождалась занятой музыкой, — сказал Элс, когда я направилась к транзитному лифту. — Мелодия, инструменты, всплески и затишье. Можешь повторить такое с музыкой из своего мира? Воспроизвести ее по памяти?

Я уставилась на него, обдумывая возможные различия между фотографированием на Земле и проецированием того, что помню.

— Не знаю. Но обязательно попробую.

Элс рассмеялся:

— Хорошо, что я поинтересовался непосредственно перед контролируемым сеансом.

Я только безмолвно кивнула, слишком взволнованная, чтобы говорить. Приехал мой лифт.

— Спасибо за идею, — поблагодарила я, очень довольная тем, что мы все же поболтали.

Потом заметила третий и четвертый отряды, выходявшие из лифта напротив, и помахала им, прежде чем мои двери закрылись. Четырнадцатый, должно быть, направили на смену ведущим разведывательным отрядам.

Зи моргнула, когда я заявила к ней, взбудораженная почище Эли, а после смерила меня строгим взглядом, стоило начать убеждать ее, что музыка — тот же вымысел, и я не стану пытаться добраться до Земли, и даже видение тут ни при чем. Надо лишь воспроизвести то, что я и так помню.

— Тебя сейчас никакие доводы не остановят, так что даже не стану утруждаться, — сказала Зи. — Учитывая, что в последнее время ты ничего не проецировала, возможно, все это пустой разговор. Однако, пока ты подчиняешься приказам и не экспериментируешь вне тестовой площадки, почему нет, вариант не хуже других.

Я никогда так не радовалась тестам. Честно говоря, я вообще им не радовалась — трудно наслаждаться головной болью и измождением. Всю недолгую поездку на поезде я размышляла, по какой песне больше всего скучаю, и в итоге остановилась на «Hollaback Girls» Гвен Стефани. Не из особой любви, просто она напоминает мне об Алиссе. Как бы я хотела узнать ее мнение обо всей этой неразберихе с Элсом. Хотя я и так знаю. Рууэл совсем не в ее вкусе. Она бы решила, что я свихнулась, раз предпочитаю его Элсу.

Потом я попыталась понять, достаточно ли восстановилась моя проецирующая часть —

вроде да, пусть и чувствовалось еще небольшое напряжение.

В итоге я утомилась, однако и близко не так сильно, как при заглядывании на Муину. Уже после первого припева я утратила концентрацию и прервалась, слегка задыхаясь, но при этом улыбаясь во весь рот. Я никогда не была так счастлива.

— Можно еще кое-что попробовать? — спросила я Зи, когда иста Чеми подтвердила, что я затратила не слишком много энергии. — Изображение вместо звука?

Мне повезло: одна из стен склада не была заставлена коробками. Из нее получился огромный-преогромный экран. А у меня как раз имелся фильм, который я хотела показать.

— Это мой мир, — отрывисто сказала я Зи. Светящийся сине-зеленый с золотым шар медленно вращался. — Это Австралия. — Я утерла лицо и сменила картинку. — Это Сидней. Там... там я выросла.

Из-за нахлынувших эмоций пришлось ненадолго прерваться. Зи обняла меня, иста Чеми напоила горячими напитками, и было так приятно, что наконец-то все эти бесполезные и болезненные таланты дают то, чего я действительно хотела.

Я уже вымоталась до предела, однако Зи разрешила еще один заход. Стараясь не захихикать и не спуская глаз с ее лица, я с трудом сосредоточилась и произнесла:

— Джонни Депп в роли капитана Джека Воробья. — Я не выдержала и, несмотря на жуткую усталость, рассмеялась. — Мейз меня убьет.

Мы с Зи договорились: мне позволено воспроизводить музыку или проецировать картинки раз в день после окончания тренировок, но лишь в присутствии хотя бы одного человека и там, откуда удобно добираться до медблока. Я отправила Элсу сообщение с благодарностью за блестящую идею, а потом разослала ему, первому отряду, истен Нотре, Шону, Мори, Пару, Глейду, Зен и Эли образы Земли, которые записали сканеры на складе. От моего журнала не было проку, поскольку слезы размыли картинку. Кадры с капитаном Джеком я отправила только первому отряду, подумав, что Мейз и так меня прикончит, поэтому не стоит усугублять.

Естественно, на обратном пути я отключилась, а проснувшись, повеселилась, читая ответы на письма, особенно впечатления Лона о капитане Джеке. Я так счастлива. Но помимо хорошего настроения, умение проецировать то, что я пыталась рассказать о Земле, принесет немало пользы. Я почти уверена, что без некоего видения тут не обошлось. Ну не настолько хорошая у меня память, чтобы извлекать из нее столь качественные изображения.

Чудесный-расчудесный день.

Весь день как на иголках. Не могла дожидаться, когда мне позволят еще что-нибудь визуализировать. Мара заметила, что благодаря излишнему энтузиазму я как следует выложились на тренировке — то ли та была проще, то ли легче мне далась. Повязки с ног снова сняли, поэтому днем мы смогли поплавать. По-моему, Мара нарочно выбрала бассейн, чтобы я не слишком вымоталась. К нам присоединились остальные ребята из первого отряда, а после все пошло ко мне, поскольку мне очень хотелось многое показать. Похоже, им нравится видеть меня счастливой, а не забившейся в угол букой. Мейз захватил сканер. Его оставят в моей квартире, чтобы записывать изображения или звуки, которые я захочу сохранить, так как хороший сканер гораздо меньше понижает качество нежели человеческие глаза и уши. Однако Мейз сразу предупредил: если затрону пиратскую тему, он, пожалуй, будет вынужден приказать Маре увеличить мне физическую нагрузку. Он довольно неплохо воспринял шутку с Джеком Воробьем. Кажется, смутился, но не возражает против легких подколов. А еще он признал, что Джонни Депп очень на него похож (только намного старше, и у Мейза нет на лице растительности).

В лифте мы повстречали Мори, и я позвала ее с нами, но в ответ услышала, мол, четвертый много тренируется, чтобы наверстать упущенное за проведенное вдали от учебного центра время, поэтому ей надо бежать. Она выглядела изнуренной, так что, полагаю, таким образом пыталась сказать, что Рууэл гоняет отряд до седьмого пота.

Не желая, чтобы кто-то решил, будто проекции требуют от моего организма чрезмерных усилий, я удерживала демонстрируемые изображения довольно недолго, зато наконец смогла показать Лону серфинг и катание на лыжах. Следом прибегла к уловке, выведя на экран пирамиды майя, египетские и Мачу-Пикчу, так как знала, что ислен Даффен будет всячески мне содействовать, лишь бы увидеть частички древнего мира. Все согласились: в том, что я «помню» проигрываемые отрывки из документальных фильмов, наверняка присутствует некоторая доля видения, однако не похоже, чтобы я затрачивала слишком много энергии.

Все же это немного утомительно, и я не могу воспроизвести всю песню за один присест. Может, получится собрать ее по кусочкам. Я уснула, склонив голову на плечо Кетзарен, а проснувшись, обнаружила, что по-прежнему лежу на диване, но укрытая одеялом. Тень уютно свернулась рядом. Надо бы не забывать ужинать, прежде чем браться за дело, коли уже знаю, что оно меня вырубит.

Немного волнуюсь, потому как новое занятие способно прибавить мне сил. А чем сильнее я становлюсь, тем с большей вероятностью могу кому-нибудь навредить. Например, если мне вновь приснятся огромные насекомые. Мои видения усилились, особенно после путешествия на Муину. С тех пор я чувствую людей, находящихся четырьмя этажами выше, и защитные экраны теперь не помеха. В этом есть как минусы, так и плюсы, один из которых я обнаружила только что, когда, проснувшись, поняла, что не тоскую по Рууэлу. Но не потому, что Элсу удалось меня увлечь, а потому, что Рууэл спит этажом выше. Если я чувствую его, когда просыпаюсь, мне не так больно.

Минус же в том, что мне совсем-совсем не хочется знать, спит ли Рууэл с Таарел. Пытаюсь выкинуть его из головы, но это не так-то просто, поэтому приходится придумывать, как перестать ненароком совать нос в жизни окружающих. Я сама должна

выбирать, смотреть или нет, а не видеть их по рассеянности. Я уже узнала, что Мори спит с капитаном восьмого отряда (или они просто... общаются... вплотную друг к другу... посреди ее «ночи»), и даже не имея проблем с Рууэлом, прожила бы без этой случайной личной информации о людях.

Вчера, отправляя изображения Земли, первым я добавила в адресаты Рууэла. Потому что он тренировал меня, ну и потому что хотела поделиться с ним и была очень счастлива. Но со всеми остальными, кто попал в рассылку, я дружу. Тогда я поняла, что вопреки своим намерениям снова давлю на него, стремясь стать ближе, и удалила его имя. Пусть прочтет отчет Зи о тренировке, если уж на то пошло.

Интересно, разрешит ли Зи завтра другие эксперименты, связанные с Землей?

Сегодня долго и бурно обсуждали с Мейзом «Скрытую войну». Я оставила без внимания связанные с ней судебные разбирательства, хоть и знала, что злобную стерву пиарщицу, оштрафовали на баснословную сумму и посадили под некое подобие «домашнего ареста», который существенно ограничил ее права и свободу передвижения. Вопрос состоял не в том, что ждет ее (пусть сгниет), а в том, могут ли продюсеры и дальше использовать предоставленные ею сведения.

— КОТИС приходится очень несладко, — сказал Мейз. — В отличие от нашей работы в пространствах, Муина представляет огромную ценность с эмоциональной, финансовой и политической точек зрения. Те, кто рассматривают ее прежде всего в качестве дома, уже не раз поднимали вопрос, должен ли КОТИС там распоряжаться. Растет недовольство даже попытками контролировать информацию, поступающую с Муины, и все шире распространяется мнение, будто КОТИС излишне секретничает. Вначале он старался пресекать любые упоминания о тебе, однако политики и юристы приняли это в штыки. Очень трудно доказать, что разглашать такие сведения — не в интересах населения, когда вне КОТИС едва ли найдется человек, который с этим согласится.

— Намекаешь, что мне придется общаться с журналистами?

— Нет. Однако больше не идет речи о том, чтобы снять сериал с эфира. Теперь о выходе каждой серии сообщают в новостях, уверяя, что там содержится больше правды, чем в официальных отчетах КОТИС. — Мейз вздохнул. — Любая информация о тебе вызывает колоссальный интерес. Мы не можем отрицать, что ты играешь ключевую роль в мировой истории, и отныне недопустимо скрывать тебя, как некий секрет.

— КОТИС решил обернуть утечку в свою пользу?

— Старается. — Кивком он подтвердил попытку манипулировать СМИ. — Вера в утечку нам на руку, а откровенное стремление утаить информацию лишь прибавило ей ценности. Так что, пусть сериал раздражает не меньше, чем ситуация в целом, он все же под покровительством КОТИС.

— И дальше будут рассказывать обо всем, что со мной произошло? — осторожно спросила я. Злобная стерва пиарщица слиняла с моим файлом вскоре после того, как я отправилась бродить по Каласе. — А я радовалась, что о дурацких снах не станут судачить на форумах.

— Не будь твой сон о прошлом Каласы столь впечатляющим, пожалуй, мы могли бы это устроить. — На миг Мейз сжал мое плечо. — Но случившегося не изменишь, и маловероятно, что получится долго такое замалчивать. Слухи уже поползли. Мы подумываем опубликовать запись того торжества и рассказать со всеми подробностями, как получили полный доступ к Каласе. Теперь что касается сериала. Поскольку многое из него принимается за чистую монету, мы все больше заинтересованы в том, чтобы контролировать долю вымысла.

— Злодейский четвертый отряд?

Мейз поморщился:

— В обмен на информацию мы надеемся получить в том числе и возможность устранять наиболее опасные ошибки и минимизировать ущерб отрядам, связанным с основными событиями. Из сегодняшней серии согласились вырезать сцену... — Он покачал

головой.

— Ты просматриваешь серии до премьеры?

— И первоначальные сценарии задолго до съемок. Поскольку в случае с тобой постановщики намерены придерживаться подлинной истории, думаю, часто вмешиваться не придется. — Он скривился. — Гигант в массиве был ужасным, зато напомнил людям, что сетари слишком ценны для мира, чтобы ими разбрасываться. В том же Коларе дела шли совсем скверно, пока их отряды не отыскали источник ионотов, оказывавших столь губительное воздействие.

Не скажу, что обрадовалась, однако, судя всему, основные решения уже приняты.

— А мне можно налагать запреты?

Мейз довольно охотно согласился, потом потер висок:

— Я всегда избегал сериальных драм и не в восторге, что их вменили мне в обязанность. Четвертый — сильный отряд, справится, особенно если удастся свести к минимуму всякие выдумки. Однако есть дело поважнее. — Его губы сложились в тонкую линию, как бывает, когда Мейз делает что-то для себя неприятное. — Рууэл порекомендовал заменить твоего тренера по видениям, сказал, что был неоправданно строг. Если ты предпочитаешь не работать с четвертым отрядом, я должен об этом знать.

Мое лицо запыхало от гнева и смущения.

— Четвертый — мой любимый отряд наряду с первым. Я всецело доверяю Рууэлу, строю он или нет. Единственное, что по-настоящему огорчило, — тренировка видений с завязанными глазами. Злодейский четвертый отряд поначалу забавляет, но шутка быстро приедается. В сегодняшней серии опять что-то мерзкое о них? Раз придерживаются моей истории, значит уже дошли до побега в околопространство Земли. Они придумали, что меня спас кто-то другой или что?

— Нет. — Мейз вроде бы успокоился. Полагаю, внесение четвертого в мой черный список — та еще головная боль. — Все дело в общей атмосфере и отдельных словах. Отчасти поэтому мне так тяжело.

Он оставил меня смотреть серию, а сам пошел найти нам что-нибудь пожевать. Мне не по себе от того, что злобная стерва пиарщица и бог знает сколько еще людей, видели, как я блуждала по околопространству Земли, а потом разговаривала с семьей. В сериале все изложено вполне достоверно, если не считать, что мой дом явно походит на тарианский, а еще постановщикам пришлось добавить перевод (субтитры) моей беседы на языке жестов. Я никогда ее не переводила, да никто и не просил — толика уважения, за которую я была благодарна. Удивительно, насколько точно они угадали ответы моих близких, хоть и сделали Ника моим братом и убрали одну из тетушек. Играющая меня секси-няшка довольно хорошая актриса, прямо видно, как сильно ей хочется обнять мать.

Потом объявился Ластьер и почти дословно повторил сказанное Рууэлом, правда добавил несколько фраз, которые тот предпочел опустить (начиная с «Ты настолько эгоистична?»), прежде чем объяснил, какой опасности я подвергла Землю. Ластьер очень занятный персонаж. Он не уступает Рууэлу в компетентности, но есть в нем кое-что и от Каджала. Нет, он не отъявленный злодей, однако откровенно наслаждается своим превосходством. Ангелоподобная женщина, играющая мою мать, смирила его взглядом и жестами показала: «Безжалостные глаза. Будь осторожна».

А потом началась драма-драма. Я-няшка несколько раз едва избежала гибели, благодаря усилиям невероятно компетентного капитана сетари. Который, когда героиня обернулась

поблагодарить его за спасение, заявил, мол, она слишком ценный инструмент, чтобы ее потерять. Отчего я-няшка скусила лицо.

Мне стало интересно, как постановщики обыграют момент, когда Рууэл рухнул на колени, усилив свои видения, ведь уязвимость совершенно не вязалась с заносчивостью Ластьера. Но они просто выкинули эту часть. Заметив ддору, Ластьер усилился, замер, а потом едва ли не втащил героиню на платформы — за запястье, а не за руку.

Уйму экранного времени отвели Колонне — многие сцены целиком посвятили погоне за ней. А дальше все было почти как в реальности: Ластьер стабилизировал ворота, в конце концов добрался до КОТИС и назвал меня «бродягой».

Мейз, наблюдавший за сменой выражений на моем лице, кажется, немного удивился, когда по окончании просмотра я спросила:

— Почему всем кажется странным, что Зен капитан?

Помедлив, он ответил:

— Из-за боевого видения. Только у Намары его нет. Однако она умело доказывает, что быть лучшим бойцом в отряде для капитана не главное.

— Зен теперь связана с главной героиней. Двенадцатый, вероятно, справится с этим лучше, чем четвертый, однако вряд ли ей все это нравится. Какую сцену ты убрал?

Поморщившись, Мейз показал мне финальную сцену, в которой я-няшка лежу одна в медблоке и рассматриваю темные синяки на запястье. Забавно, ведь точно такими синяками наградил меня Рууэл во время нападения ддоры на Пандору.

— Их ждут проблемы, если и дальше будут придерживаться моей истории, — заметила я. — Рууэл не раз спасал мне жизнь.

— Ситуация взрывоопасная, но контролируемая, поскольку у тебя крепкие отношения с четвертым, — ответил Мейз. — Я обязан спросить, правда ли твоя мать предостерегла тебя насчет Рууэла.

— Она лишь поинтересоваться, друг или враг.

Лицо горело, но не думаю, что выдала себя. Я очень старалась не высказывать мнения о Рууэле — и дело не только в уважении, но и в том, что это просто не так легко объяснить. Я не считаю его идеальным. И даже приятным человеком в общепринятом смысле. В «Скрытой войне» его смогли представить столь неоднозначным героем отчасти потому, что он сам позволил себя так растолковать.

Желая сменить тему, я добавила:

— Если у продюсеров иссякнут идеи, предложи им от моего имени снять серию о том, как я была расстроена, когда украли мой личный файл и превратили его в забаву.

Позже мы с Мейзом и Зи отправились на мыс Кесзен, где повторили наши с Зи первые тесты, чтобы посмотреть, как я справлюсь с ними теперь, когда могу проецировать. Пришлось пройти каждый по два раза. В первый требовалось лишь визуализировать, а во второй — материализовать. Более-менее получилось. Мне надо постараться разграничить проекции в двух пространствах — реальном и околопространстве, — которые я никак не научусь различать. В целом сеанс удался. Утомительно, конечно, но голова уже не так болела.

Мейз и Зи успехам порадовались, но решили, что лучше вернуться в мою квартиру и уже там продолжить колдовать над изображениями Земли. Что мне только на руку — предпочитаю не светить их в журналах испытаний, к тому же так ребятам не придется тащить меня, когда я потеряю сознание. Я показала места в Сиднее, по которым скучаю.

Пляж, парк, задний двор нашего дома, свою спальню.

После чего, как всегда, отключилась. Скоро выйдет новая серия «Скрытой войны», и я подумываю ее проспать. По словам Мейза, Рууэлу покажут все загодя, чтобы знал, чего ожидать. Уверена, он считает всю эту возню пустой тратой энергии.

Но я-то ни в чем не виновата.

Снова заснуть до начала «Скрытой войны» не удалось, и я ни капельки не удивилась, когда во время первой же рекламы получила запрос на канал от Мори. Желая покончить с этим, я ответила и с удивлением обнаружила среди постоянных фанатов сериала Сонн и Халлу.

— Моя мама спросила, друг он или враг, — предвосхитила я вопрос Мори. — Мейз интересоваться тем же за обедом.

— Нечасто в твоём голосе уловишь нетерпение, — немного погодя рассмеялся Глейд.

— Надоел сериал. Мало того, что украли мою жизнь, так ещё и морочат людям головы. Будто сама по себе история недостаточно захватывающая. Понимаю, злиться незачем, ведь все видели отчет о миссии и знают правду, но все равно очень неприятно.

— Не скажу, что по-прежнему наслаждаюсь просмотром, — откликнулась Мори, — и все же, не смотреть и не знать, что показали, — ещё хуже.

— Намного, — согласилась я. — С ужасом жду новую серию на следующей неделе. Наверняка ее посвятят ужасам, которые я наговорила Мейзу, когда лежала в медблоке.

Поскольку я уже видела серию, то пожелала всем спокойной ночи и отключилась от канала, надеясь, что последнее замечание их отвлечет. Я многое могла бы сказать, но раз уж предпочитаю ни с кем не обсуждать Рууэла, лучше реагировать кратко и по существу.

Ничто из этого не поубавит эйфорию от земных проекций, но все же раздражает.

Все утро бегала с Марой по ступенькам. Едва я решила, что представляю собой не такое уж жалкое зрелище, она показала, куда мне надо добежать. Думает, это забавно.

После обеда первый и четвертый отряды занимались в «качалке». Мне лучше НЕ видеть, как тренируется Рууэл. Во-первых, чересчур отвлекает, а во-вторых, я в том затруднительном положении, когда не могу слишком явно не смотреть на него, но и не хочу, чтобы меня застукали за разглядыванием.

Под его глазами залегли глубокие темно-синие тени, будто он не спал несколько дней. Члены отряда пристально за ним наблюдали, явно обеспокоенные, а взгляд, который бросил на него Мейз, заставил меня задуматься, могут ли человека с истощенным талантом видения отстранить от маршрутов. Рууэл придет в ярость.

Под конец тренировки всем сетари объявили, что теперь отряды работают в парах. Двенадцатый с четырнадцатым — оба на Муине. Пятый с седьмым — по-моему, удачное сочетание. А главное, первый с четвертым — вероятно, потому что я назвала их своими любимыми, что, пожалуй, было огромной ошибкой, учитывая мое намерение избегать Рууэла.

Четвертый сделал вид, будто ничего не случилось, однако позже, болтая с Глейдом, Мори и Паром, я поняла, что они удручены. Мы обсуждали мои ноги, и поначалу я связала странное поведение ребят с их стремлением не заострять внимание на безобразных шрамах. Но все дело в том, что из-за слияния они будут подчиняться первому отряду на всех маршрутах. Их словно бы понизили.

Рууэл ко мне не приближался. В последний раз мы разговаривали, когда он швырнул снежок мне в лицо, если это можно назвать разговором. После объявления они с Мейзом перекинулись парой слов, затем Рууэл как обычно отделился от присутствующих, а я все оставшееся время беспокойно гадала, почему он не спит и что произойдет, если четвертый отстранят от маршрутов.

До этого я подумывала позвать к себе в комнату хотя бы Мори и показать ей то, что пыталась рассказать о Земле. Но в итоге пошла с Марой. Запретив ей записывать проекцию, я воспроизвела мой последний семейный праздник, в основном, желая увидеть себя до всего случившегося. Я показалась себе коротышкой, хотя уверена, что с тех пор ни капельки не выросла.

Мара благоразумно промолчала, лишь протянула мне одеяло и посоветовала завтра немного поплавать, пока первый и четвертый отряды будут на совместном задании. Крепко проспав час или около того, я погрузилась в пучину кошмаров. Хороший знак, правда, ведь эти кошмары «настоящие», я сразу же их распознаю и могу себя разбудить. А когда заставляю себя проснуться, голова почти не болит. Но я хочу одного — спать и не думать.

Собираюсь подняться на крышу. Погода так себе, но приемлемая. Может, покажется Нури и отвлечет меня.

Погода выдалась мерзкая. Ветер дул с такой силой, что было трудно удержаться на ногах, а редкие капли дождя жалили лицо. Однако меня это радовало, так как при шквальном ветре сложно думать о чем-то кроме шквального ветра. Я оставалась на крыше, пока не почувствовала, что все мысли выветрились из головы, а после отправилась к квартирам сетари.

Этажом ниже так и не поспавший Рууэл тоже вошел в последний лифт. Я не заострила на этом внимание, потому, когда открылись двери, округлила при виде него глаза и виновато потупилась. Но тут же ощутила себя идиоткой и поинтересовалась, скажется ли совместная работа двух отрядов на тактике прохождения маршрутов или просто его ускорит.

— Там, где уровень угрозы низкий, мы, вероятно, будем действовать в прилегающих пространствах. Первый займется зачисткой, а мы останемся наблюдать за воротами. Так меньше шансов привлечь ионтов из глубокого пространства.

Голос звучал бесстрастно, но, изучая меня, Рууэл прищурился. Затем прижал к моей щеке тыльную сторону ладони. Горячей в сравнении с моей охлажденной ветром кожей. И без перчатки.

— Задача — улучшить твое общее состояние, — гневно произнес он, ни с того ни с сего разозлившись. — Думал, ты способна определить, в какую погоду не стоит торчать на улице.

Я не понимала, чем вывела его из себя. Убрав руку, Рууэл почти угрожающе навис надо мной, так что захотелось отступить, отчего уже я разозлилась.

— Настолько ценная, что мне нельзя жить? — не менее яростно спросила я.

Он стоял очень близко. Так близко, что я различила зрачок и радужку в черноте его глаз. Рууэл был сам не свой, я никогда его таким не видела. Уставший, напряженный, он сердито смотрел на меня, словно я провинилась уже тем, что находилась рядом. Ему надо было лишь склонить голову, чтобы добраться до моих губ. Рууэл сминал их, пока я неподвижно стояла, слишком потрясенная, чтобы ответить, и оттеснил меня к стене, когда я вернула поцелуй. Каждое движение излучало гнев.

Лифты ездят чересчур быстро. Двери открылись на этаже третьего и четвертого отрядов. В коридоре никого не оказалась, за что я бесконечно благодарна, но Рууэл все равно прервал поцелуй и прислонился лбом к стене рядом с моей головой.

— Ты не представляешь, как я этого не хочу, — еле слышно произнес он.

Прозвучало не слишком обнадеживающе. Рууэл казался взбешенным.

— Действия расходятся со словами, — только и смогла выдать я, прекрасно сознавая, что он не отстранился, что его сердце стучит так же громко, как и мое, и что он в ярости.

Рууэл выдохнул скорее раздраженно, нежели изумленно, потом повернул голову и прошептал мне прямо в ухо:

— Ты должна быть уверена, что хочешь этого.

Двери лифта открылись на этаже первого и второго отрядов, но я переваривала услышанное и негодовала по поводу того, как он это сказал. По-прежнему не могу решить, то ли он делал все возможное, чтобы я умчалась в бешенстве, то ли просто был не в силах сдержать чувства. Поскольку Рууэл ни разу не подал виду, что чувства ко мне в принципе существуют, мне потребовалось привести мысли в порядок, прежде чем ответить.

— Что значит «уверена»? — спросила я, отчетливо осознавая, что его рука сжимает

мою повыше локтя. — Мы даже толком не разговаривали. Знаю только, что каждый день, не успев проснуться, понимаю, что тебя нет. Ненавижу, когда тебя нет.

Это было трогательное, завуалированное признание, и когда Рууэл отстранился, я не сомневалась, что выбрала неподходящий момент для откровений. Да и выражение его лица отнюдь не обнадеживало. Замкнутое, высокомерное, отчасти присущее человеку его темперамента, отчасти, наверное, проистекающее из его умения читать людей. Однако его рука скользнула вниз, обхватила мою ладонь, а потом он отвернулся, вышел из лифта и повел меня в мою квартиру, в мою спальню.

К тому времени как Рууэл меня отпустил, обернулся и смерил взглядом, я уже едва ли не на стенку лезла, потому что, ну серьезно, он так долго меня отталкивал, а теперь мы сходу прыгаем в койку? Сразу после того, как он заявил, что не хочет этого? Да уж, романтичнее некуда.

Но несмотря ни на что, хорошо это или плохо, я его хотела. Больше всего на свете. Потому, когда Рууэл снял нанокостюм и стянул обвязку, я последовала его примеру. Два неловких раза с Шоном Джем в фургоне на заднем дворе дома его родителей не шли ни в какое сравнение с тем, что я испытывала, стоя в одном нижнем белье рядом с Каореном Рууэлом. Во-первых, мы с Шоном много смеялись над нашим общим смущением, и он и на десятую долю не выглядел таким мрачным. А во-вторых, Шон не дрожал от одного прикосновения к моей руке.

Благодаря подробному просмотру «Шестерки с супервидением» я знала, что для таланта видения места секс может быть сопряжен с немалыми сложностями. Ведь не только до боли ясно, если твой партнер не особо увлечен, но и у обоих накал чувств может усилиться до невыносимости. А значит, Рууэл в полной мере ощутит всю гамму эмоций, которую я испытала в лифте, и мой эмоциональный эквивалент «охтыжнифигасебе!», вероятно, достигнет «!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!».

Рууэл замер, и мы просто стояли, держась за руки, опущенные вдоль наших тел. Он еще несколько раз вздохнул, а потом наклонил голову и поцеловал меня. Ну, по крайней мере он больше не выглядел так, словно шел на казнь, и был настойчив и сосредоточен. Это меня остудило на несколько восклицательных знаков, мы прижались друг другу и некоторое время лишь целовались.

Я первая отпустила его руки, поскольку захотела обнять. В ответ Рууэл расстегнул мой лифчик. Не помню, как шла к кровати, но вскоре мы оказались на ней. Мне бы радоваться, что в сексе Рууэл не стремится быть таким же сверхбыстрым и эффективным как во время тестов, но он совершенно свел меня с ума, то прикасаясь, то замирая, чтобы оценить мою реакцию. Когда он уже не мог сдерживаться и неторопливо изучать мое тело (этот момент четко виден в моем журнале, так как Рууэл широко распахнул глаза, а потом на секунду их закрыл), мы оба тяжело дышали, словно спринтеры после финиша. Примерно тогда же я бросила прибавлять восклицательные знаки и растворилась в белом шуме.

После он довольно крепко меня обнимал, пока мы оба не задышали более-менее ровно, потом предложил:

— В душ?

Я кивнула, и самое прекрасное — Рууэл так и не отпустил мою руку. Нет, все же самое прекрасное то, как он отреагировал на совместный душ, который начинался с обычного мытья, а свелся к пребыванию мокрых и скользких тел в тесном, слабоосвещенном пространстве с, к счастью, сплошной стеной.

Мы почти не разговаривали. За все время лишь раз обменялись парой слов, когда стояли по сушилкой, прижавшись друг к другу, пока с нас не перестала капать вода. Рууэл изучал мою спину, проводя пальцами по лопатке, позвоночнику, ребрам, и прошептал так, чтобы я услышала:

— Я знал, если дотронусь до тебя, то уже не смогу остановиться.

— Не жалею, — отозвалась я и, не будь мы оба настолько измотанными, с удовольствием и дальше бы вот так стояла и смотрела на него.

Вместо этого мы свернулись клубком в постели, и я заснула, едва коснувшись головой подушки. Впервые, с тех пор как мне приснился гигант из массива, я спала в этой комнате.

Очнулась перед следующей сменой, ближе к обеду. К счастью, у первого и четвертого маршруты только во второй половине дня. Не знаю, как долго Рууэл (Каорен — непривычно, но надо бы так его называть) не высыпался, однако, когда я выбралась из кровати, чтобы сходить в ванную, он не шелохнулся. Хотя он спал, мне вдруг стало неловко расхаживать в чем мать родила, и я надела ночнушку, а уж потом скользнула обратно в постель. Это его разбудило, но лишь настолько, чтобы обвить рукой мою талию, вздохнуть и прижаться к моей спине.

Жизнь то и дело в корне меняется. Рууэл — Каорен — решил ответить на мои чувства. Уступает по значимости блужданию по Муине и спасению с нее, но совсем немного. Я лежала и размышляла, поговорим ли мы наконец и что будет, когда у нас возникнут разногласия. Я едва его знаю. Он строгий, но справедливый капитан, сверхэффективный, серьезный. Помимо этого мне известно лишь, что пару раз в его взгляде читалось высокомерие и что, возможно, у него имеется чувство юмора.

А еще Каорен заявил, что на самом деле не хочет быть со мной.

Я обмерла, вспомнив первую тренировку видений. Тогда он счел ее ужасной затеей, однако исполнил приказ, кипя гневом. Почувствовав мое смятение, Каорен пошевелился во сне и крепче меня обнял. И тогда я прекратила себя накручивать, ибо прекрасно знаю, что ни он, ни цур Селки не дураки, а Каорен, закрутивший со мной притворный роман, — тот еще идиотизм. Глупость настолько эпическая, и сама мысль до того непостижимо бредовая, что эти двое ни за что бы не пошли на такое.

Определившись, я расслабилась, а через секунду расслабился и Каорен. Он выдохнул, щекоча дыханием мою шею, и придвинулся ближе. Мне безумно понравилось, как он реагирует на мои эмоции, в голове заплясали пузырьки шампанского, препятствуя серьезным размышлениям.

Когда я наслаждалась самыми яркими моментами из своего журнала, объявилась Тень и прыгнула на кровать рядом со мной. Я почесывала ее под подбородком, с улыбкой прислушиваясь к тихому урчанию, пока она, подергивая усами, не уткнулась носом в руку Каорена. Он тут же проснулся и так резко отпрянул, что ударился о стену, а Тень, шипя и визжа, взмыла в воздух и повисла над нами, плененная телекинезом.

Не так я планировала пожелать доброго утра.

Спустя несколько долгих мгновений Каорен опустил Тень. Она тут же убежала и, возможно, никогда не навестит меня снова, но уж лучше так, чем если бы он ее убил. Я безмерно рада, что не придется выяснять, как с этим справиться.

Каорен так и сидел с широко распахнутыми глазами. Затем глубоко вдохнул, попросил: — Дай мне минутку.

И ушел в ванную. Меня же вместо счастливых пузырьков наполнило новое чувство:

гнетущее ощущение, что я уже все испортила. Подтянув колени к подбородку, я сидела на краю кровати и гадала, как умудрилась забыть, в какой среде рос Каорен Рууэл.

Однако, свернувшись калачиком и изображая из себя мученицу, делу не поможешь. Поэтому я разогнулась и, вытянув руки вдоль тела, проделала пару упражнений на визуализацию, которым он меня обучил. Они не только помогают управлять снами, но и хорошо успокаивают. Очевидно, Каорен догадался, чем я занимаюсь, так как, выйдя из ванной, на секунду замер в дверном проеме, а потом сел рядом, глянул на мою руку в нескольких сантиметрах от его ноги и намеренно разместил ладонь в промежутке между моими рукой и бедром. Его пальцы чуть-чуть не касались моих.

— Ты когда-нибудь прикасался к животному не в пылу сражения? — спросила я и совсем не удивилась, услышав «нет». — Прости. Следовало об этом подумать, когда появилась Тень.

— Очередной факт об этом мире, едва ли тебе понятный. — Каорен прижал один палец к моему. — Нам обоим предстоит многому научиться.

Прозвучало крайне обнадеживающе. Я полностью расслабилась, решив, что он, конечно же, совершенно уверен в своем желании быть со мной, иначе и приближаться бы не стал. Хотя он это отрицал.

— Не объяснишь, почему? — Я изо всех сил старалась, чтобы голос звучал ровно. — Кроме второго уровня мониторинга, который... кто-то будет смотреть запись?

— Только начало. — Кажется, Каорена это не обрадовало. — Надо же убедиться, что тебя не принуждали.

— Спать со мной против правил?

— Не совсем. Едва ли возможно запретить тебе вступать в какие-либо отношения. Однако всем ясно дали понять, что ты не экзотическая игрушка. — Он накрыл пальцами мою руку. — Все это: то, кем ты являешься, надзорные комитеты, даже необходимость обсуждать тебя с кем-либо — раздражает, но не служит достаточным основанием, чтобы держаться от тебя подальше.

Его легчайшие прикосновения невероятно отвлекали, как и осознание, что видение места сделает мою реакцию более чем очевидной, но все же мне удалось выдать:

— Потому что так часто почти умираю?

— Конечно, это нелегко. Даже мысли о тебе мешают сосредоточиться, снижая мою эффективность. Мне это не по душе, и я этого не хочу. Более того, ты усиливаешь мои видения. А я избегаю прикасаться к кому бы то ни было, даже когда они на нормальном уровне. Существовал немалый риск, что столь обостренная чувствительность во время сна...

— Сны похуже моих. — И об этом я даже не подумала.

— Кажется, не все так мрачно. — Каорен убрал свою ладонь с моей и, вытянув перед собой, посмотрел на растопыренные пальцы. — Усилились не только таланты, но и моя способность их контролировать.

Какая же я дура: видела же, что ему снятся кошмары, что он борется со своим даром, но ни разу не задумалась, как мое воздействие на эту часть его жизни может повлиять на желание Каорена спать со мной.

— Почему ты передумал?

— Четыре ночи видел сны с участием Элса Харала.

Несмотря на гримасу гадливого веселья на его лице, до меня не дошло. Поэтому я вернулась на четыре дня назад. Именно тогда четвертый отряд прибыл с Муины и увидел

меня, воодушевленную предложением Элса попробовать спроецировать воспоминания, и Элса... ну, такого, каким он бывает со мной.

— Ревнивец. — Я посмаковала эту мысль, невзирая на то, что кошмары обо мне и Элсе совершенно измучили Каорена. Затем подняла руку ладонью вверх, и он накрыл ее своею. — Надо будет как-нибудь поблагодарить Элса.

Все-таки у Каорена есть чувство юмора, потому что он коротко фыркнул, одарил меня «ты за это поплатишься» взглядом, а потом мы снова перешли от слов к делу, после чего опять оказались в душе, где много и страстно целовались, но на большее времени уже не хватило. Каорен и так едва не опоздал на предмаршрутную встречу с Мейзом.

Оба отряда сейчас в пространствах, а я никак не настроюсь на нужный лад. Плавать совсем неохота, и я не перестаю гадать, не смотрит ли кто-нибудь где-нибудь, как я занимаюсь сексом.

Перед уходом Каорен сказал, что уже сообщил о нас Селки и Мейза тоже известят. Из-за этого мне как-то не по себе, хотя пора бы уже привыкнуть к отсутствию приватности. Не сомневаюсь, что к концу недели некоторые люди будут с огромным удивлением на меня тарашиться. Для начала не помешало бы самой свыкнуться со столь стремительными и значительными переменами.

Кувыркаясь в постели с Каореном Рууэлом, вселенную не починишь. Я все еще остаюсь этим странным созданием, именуемым «пробным камнем», которое способно убивать людей в своих снах. И монстры, и политики по-прежнему стремятся прибрать меня к рукам. И пусть Тара и Колар постепенно отвоевывают Муину, я все же не уверена, приблизились ли мы хоть на шаг к тому, чтобы предотвратить разрывы пространств.

Стоило первому и четвертому отрядам уйти в Эну, и мое настроение за каких-то тридцать секунд сменилось с «невыразимо счастлива» на «крайне обеспокоена». На любом из маршрутов что-то может незаладиться. И с каждым днем становится только хуже. Думаю, прошлой ночью существеннее всего изменилась я, точнее мое отношение к тому, что я являюсь «пробным камнем». Ведь если я пойму, что, черт возьми, этот камень умеет, если научусь это контролировать, то, возможно, и правда сумею все исправить. И уберегу Каорена.

Как-нибудь.

Больше книг на сайте — Knigolub.net